УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Tom 3 (69), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского Симферополь, 2017 Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ №ФС77-61791 от 18 мая 2015 года. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 10 от 23 ноября 2017 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор –

Близняков Роман Александрович – доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», заместитель декана исторического факультета по научной работе, кандидат исторических наук – ответственный

Аксенова Галина Владимировна - профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственно-педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Намалия Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратнок Григорий Николаевич - профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь); Кравцова Елена Сергеевна - профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург)

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических

Мосейкина Марина Николаевна — профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета Дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Платонова Надежнова Игоревна — ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Опег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Ственаненко Валерий Павлович – профессор (г. Симсерополь),

Ственаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна — ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлевов Александр Алексеевич — профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич — профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович — заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 23.11.2017. Формат 70х100 1/16. 11.05 усл. п. л. Заказ № НП/164. Тираж 50 экз. Бесплатно. Дата выхода в свет 22.05.2018 г.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

http://sn-histor.cfuv.ru

УДК 94(47+57)

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ 1920—1940-Х ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Безугольный А. Ю.

Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, г. Москва, Российская Федерация E-mail: besu111@yandex.ru

Проанализированы новейших достижений отечественной исторической науки в области изучения этнических аспектов военного строительства в СССР в 1920 — 1940-е гг. В этот период Советским государством был совершен мощный рывок вперед в области решения национального вопроса в стране, в частности, представители многих народов, при прежнем государственном строе не принимавшихся в армейские ряды, были привлечены к обязательной военной службе, был налажен планомерный призыв в армию, для представителей народов ССР создавались национальные воинские формирования и национальные военные школы. Несмотря на то, что национальная тематика весьма актуальна и интерес современных российских историков к ней достаточно высок, круг рассматриваемых в диссертациях, монографиях и научных статьях вопросов, как правило, ограничивается проблемами истории национальных формирований, составляющих, хотя и важный, но лишь один из аспектов истории национального военного строительства в СССР в 1920 — 1940-е гг. Во многих исследованиях сильной остается инерция советского подхода в изучении проблем национального военного строительства, как с точки зрения оценок, так и с точки зрения методологии исследования. В то же время в ряде работ предприняты плодотворные попытки поиска концептуально новых подходов в изучении темы национального вопроса в военном строительстве в 1920 — 1940-е гг.

Ключевые слова: историография, национальные формирования РККА, национальная политика, военное строительство в СССР.

Современная историческая наука совершила мощный рывок в изучении этнонациональной и военно-исторической проблематики в истории нашей страны. С развалом Советского Союза и утратой коммунистической идеологии с «ее мегаконцептами, утверждавшими братство и единение советских народов» [1, с. 14—15], не только существенно расширилась тематика исследований, но и возросло их научное качество. Это связано с рассекречиванием архивов и многократным приумножением источниковой базы, деидеологизацией исторической науки, модернизацией методологической базы исследований, возможностью для ученых свободного обмена научной информацией со всем миром. Значительно продвинулось изучение национального аспекта военного строительства в СССР; правда, качество современных работ не всегда высоко. За последние 25 лет защищено более десятка диссертаций, вышел ряд монографий по проблемам национального военного строительства, а также большое количество журнальных статей, в основном касающихся частных вопросов истории национальных формирований в том или ином регионе.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ 1920—1940-Х ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Первое в современной России исследование по истории национальных воинских формирований было опубликовано в 1995 г. В. Е. Ивановым. В МГУ им. М. В. Ломоносова он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР (1917-1946 гг.)» [2]. В 1996 г. диссертация была опубликована в форме монографии [3]. В работе рассмотрена история национальных формирований, прослежен их боевой путь в межвоенный период и в Великой Отечественной войны. Показаны особенности политической работы в национальных частях. Правда источниковая база работы довольно узка для осуществления глубоких обобщений в контексте национальной политики государства – в основном использованы архивные фонды дивизий и армий. Интересен параграф, посвященный ментальности бойцов-«националов», где обращено внимание на трудности воинского воспитания, их повышенную восприимчивость к пропаганде противника. Автором справедливо подчеркнута изначально двойственная природа национальных формирований: помимо собственно военных, они самим своим существованием выполняли также важную пропагандистскую функцию, демонстрируя советский интернационализм в действии.

Весьма содержательные работы вышли в 1990–2000-е гг. по истории ряда северокавказских национальных формирований — 115-й кабардино-балкарской кавалерийской дивизии [4, 5] и 255-го чечено-ингушского полка [6]. Особенно интересна последняя работа, для которой ее автор-краевед Х. Д. Ошаев собирал материал несколько десятилетий, налаживая для этого прямые контакты с фронтовиками и их семьями. Данная национальная часть просуществовала очень короткий срок, в связи с чем документальный материал, отложившийся в Центральном архиве Министерства обороны крайне скуден и фрагментарен; поэтому работа Х.Д. Ошаева является незаменимым источником при анализе истории национальных частей, формировавшихся на Северном Кавказе.

Плодотворна историография военной службы советских складывавшейся в изучаемый период особенно драматично. Эту работу начал 1990-х гг. Н. Ф. Бугай [7]. В настоящее время в этом направлении работают А. А. Герман, Т. С. Илларионова [8, 9] и И. И. Шульга. Последний защитил кандидатскую диссертацию [10], посвященную проблемам несения военной службы российскими и советскими немцами, опубликовал монографию и ряд статей на эту тему [11-15]. Большое место автор уделяет межвоенному периоду и годам Великой Отечественной войны. Автор настаивает на том, что нападение Германии на Советский Союз в целом не повлияло на патриотический настрой советских немцев. Изучив фильтрационные дела советских военнопленных из числа поволжских немцев, И. И. Шульга приходит к выводу о том, что, находясь в плену, большинство из них отказались от привилегий, предоставлявшихся нацистским режимом Германии этническим немцам, и предпочли остаться в качестве военнопленных, либо, если удавалось, бежать из плена и продолжать борьбу в партизанских отрядах. Анализируя акт изъятия немцев-военнослужащих из рядов РККА в начале войны, автор делает обоснованный вывод о том, что данная мера перестраховки со стороны государства нанесла жестокий и несправедливый удар по тысячам немцев, верой и правдой служивших советской родине [10, с. 19–20].

Региональными авторами рассматриваются частные вопросы истории национального военного строительства и национальных формирований в своих областях и республиках в межвоенный период[16] и во время Великой Отечественной войны [17–24]. Предпринимаются попытки извлечь конкретный опыт для современной российской армии из воспитательной практики 1920-х гг. [25]. Журнальные статьи интересны своим региональным аспектом, нередко хорошо обеспечены местным архивным материалом, однако имеют небольшой временной и пространственный горизонт, что не позволяет авторам рассмотреть вопрос в общем контексте военного и национального строительства в нашей стране.

Попытки обобщить в рамках журнальной статьи тему национального аспекта военного строительства в СССР пока вязнут в эмпиризме авторов, стремящихся упомянуть все национальные формирования в ущерб обобщениям и выводам. К тому же объемы этих статей слишком невелики, чтобы охватить столь сложную и многогранную тему [26–29]. Особенно неудачной представляется попытка совместить в рамках одного исследования национальные формирования РККА и коллаборационистские формирования вермахта лишь на том основании, что и в тех и других состояли лица, относящиеся к одному этносу[30].

Интересный обобщающий анализ подходов в решении национального вопроса в военном строительстве в межвоенный период предложен в статьях Т. А. Дмитриева [31; 32]. Автор проанализировал основные государственные решения, принятые в 1920-х гг. в связи с развертыванием национальных формирований; правильно показал курс на формирование национальных воинских частей в контексте политики коренизации национальных кадров и культурноязыковой политики. Определен общий контекст реформ — исключительно тяжелое материальное положение страны и содержание армии на «голодном пайке». Общий объективный настрой автора портит слабость источниковой базы (не использовался архивный материал), вследствие чего ряд острых углов сглаживаются, остается место для домыслов.

Как представляется, наиболее отчетливо о научно-теоретической актуальности темы в современной российской науке свидетельствует большое количество диссертационных исследований по общим и частным национальным проблемам в дореволюционной армии, армиях воюющих лагерей периода Гражданской войны в России, а также Красной армии 1920–1940-х гг. Этой тематике на сегодняшний момент посвящено не менее 14 диссертаций (включая кандидатскую диссертацию автора данной статьи [33]), в том числе три докторских [34–46]. По имеющейся статистике, за период с 2000 по 2011 гг. в нашей стране было защищено 77 докторских диссертаций по военной истории России, из которых 35 были посвящены советскому периоду [47]. На этом фоне три докторские диссертации, посвященных национальному аспекту военного строительства составляют достаточно солидную долю (8,5 %) в общем числе защищенных по военно-исторической тематике диссертаций.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ 1920—1940-Х ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследователей привлекает новизна темы, возможность вести работу на стыке нескольких дисциплин, простор для концептуального поиска. В ряде диссертаций предложены оригинальные концептуальные подходы (правда, не всегда успешно реализованные), позволяющие по-новому осветить проблему национального вопроса и национального строительства в РККА.

Оригинальным, хотя не бесспорным подходом отличается докторская диссертация Н. В. Подпрятова, защищенная в г. Ижевске в 2012 г. Самой формулировкой темы автор утверждает временной континуум, в котором, по его мнению, национальные формирования поступательно, вне зависимости от смен государственного строя, развивались от начала регулярной русской армии до триумфальной победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Некоторая преемственность действительно просматривается. Каждая новая эпоха в той или иной степени учитывала опыт предыдущей в области национального военного строительства. Даже большевистское правительство использовало наработки и знания, накопленные в этой области царской армией.

Объективным представляется и тезис Н. В. Подпрятова о многофункциональности национальных формирований, которую во все эпохи имело в виду государство: «Они использовались и для защиты государства, и как карательная сила, и как «социальный лифт» для национальных кадров», являлись «средством адаптации представителей разных народов к военной службе, переходной формой от добровольности служения государству отдельных индивидуумов до полной и беспрекословной обязательности выполнения воинской повинности всем мужским населением страны», – делает вывод автор [34, с. 13–14].

Однако диссертации Н. В. Подпрятова присущ и ряд серьезных недостатков. Так, историографический анализ представляется весьма поверхностным, а оценки работ предшественников упрощенными. Источниковая база работы явно недостаточна. Автор пользуется в основном готовыми публикациями, в том числе очень часто – диссертацией Б. Г. Кадырова, о которой речь еще пойдет ниже. Из архивных источников чаще всего упоминается Госархив Пермской области (ныне – Пермского края; родины автора), который, по объективным причинам, не может считаться средоточием материалов по истории национальных формирований. Рассматривая период Великой Отечественной войны, Н. В. Подпрятов пошел по давно проторенному малопродуктивному пути краткого пересказа истории формирования и боевого пути каждого национального формирования, причем делает это с нарушением хронологической канвы событий.

Весьма глубокой и качественной работой по теме данного исследования, прежде всего в части постановки исследовательских задач, следует признать докторскую диссертацию по политологии казанского исследователя Б.Г. Кадырова «Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика». Целью исследования автор определил проведение комплексного анализа теории и способов реализации национальной политики Советского государства в армии в 1921–1941 гг. [35, с. 7].

Представляется справедливым утверждение о том, что «исследование проблемы осуществления национальной политики государства в армии находится

на стыке двух относительно самостоятельных разделов обществознания: теории национально-государственного строительства и теории строительства Вооруженных Сил» [35, с. 3]. Поэтому изучение поставленной проблемы требует «интегративного исследования... как внутренних причин... закономерностей национальных отношений, национальной политики в целом, так и специфики ее реализации в ходе строительства Вооруженных Сил» [35, с. 3]. По этой же причине требуется изучение экономических, социальных, политических и духовных процессов становления нового общественного строя, поскольку они оказывали непосредственное влияние на интеграцию нерусских народов в новый для них военный социум.

Справедливо мнение Б. Г. Кадырова о том, что национальная политика Советского государства в армии в изучаемый период состояла в преодолении военной отсталости народов, их неравноправия в военных организациях страны; в формировании национальных военно-политических и военно-технических институтов, учреждений, организаций, в развитии национальной военной науки и подготовке национальных военных кадров, в совершенствовании национальных и межнациональных отношений в войсках [35, с. 20].

Однако в интересной и концептуально гармоничной работе автор, что называется, «тонет» в архивном материале, которого он изучил немало. Правильно поставленные задачи фактически не решены. Текст производит впечатление рваного, непоследовательного повествования. Важные аспекты проблемы часто растворены во второстепенных фактах так, что трудно бывает ухватить суть. Например, во второй главе, посвященной решению национального вопроса в армии в межвоенный период, повествование от пятилетнего плана национального строительства в РККА неожиданно переходит к описанию национальных формирований в белоэмигрантских организациях и иностранных армиях, от них – к распространению военных знаний среди гражданского населения СССР, затем – к введению в действие закона 1925 г. о всеобщей воинской обязанности в национальных окраинах, затем – к крестьянским выступлениям против коллективизации на рубеже 1920–1930-х гг. и т. д. И все это – в пределах нескольких страниц диссертации! [35, с. 122–129] Правильно заявленную тему национального вопроса в армии следует признать раскрытой лишь частично.

Попытка дать обобщающую картину национального военного строительства в СССР предпринята также в кандидатской диссертации Э.-Б. Р. Назиха «Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.)», защищенная в Москве в 2011 г. Здесь достаточно последовательно и полно, на архивном материале, проанализирован ход мероприятий по национальному строительству, предпринята периодизация довоенного национального строительства в военной сфере, с которой в целом можно согласиться. Безусловно, сильной стороной диссертации является раздел, посвященный подготовке командных и политических кадров для национальных формирований, а также особенностям боевой подготовки напиональных частей.

Вместе с тем развитие национальных формирований подано линейно, упрощенно, вне контекста развития национальной политики в стране, которая,

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ 1920—1940-Х ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

безусловно, являлась родовым процессом для национального строительства в военной сфере. Вызывает сомнения определение автором верхней хронологической границы исследования сентябрем 1939 г., когда, по его мнению, с принятием Закона «О всеобщей воинской обязанности» (название которого в диссертации приведено неверно), «завершилось переформирование национальных воинских частей в общесоюзные воинские части» [37, с. 4] (на деле они были переформированы еще летом 1938 г.).

Бросается в глаза нечеткость формулировок глав и параграфов. Например, в параграфе «Военная реформа 1920-х гг. и ее влияние на развитие национальных воинских формирований Красной армии» сами национальные формирования ни разу не упомянуты! Допущен совершенно чрезмерный дисбаланс в организации материала. В первой главе «Исторические условия развития национальных воинских формирований в 1920–1930-е гг.» периоду 1920-х гг. посвящено 53 страницы, а 1930-м – всего одна! [37, с. 14–67]. Вторая глава так же, хотя и не с такой кричащей разницей, посвящена преимущественно 1920-м гг. Напрашивается вопрос: почему автор не сузил рамки исследования одним десятилетием, тем более что параметры кандидатской квалификационной работы это вполне позволяют? Кроме того, что историографический обзор в диссертации занял чуть больше двух страниц, что неприемлемо даже для кандидатского исследования.

Таким образом, оригинальные, хотя и не бесспорные концепции в рассмотренных диссертациях, реализованы неполно и часто неряшливо. Важно отметить, что во всех рассмотренных диссертациях Н. В. Подпрятова, Б. Г. Кадырова, Э.-Б. Р. Назиха исследованию подлежат вновь лишь национальные формирования, на самом деле являвшиеся для советской власти только ближайшей целью, промежуточным пунктом в многоэтапном процессе вовлечения масс нерусских народов в дело вооруженной защиты общего советского государства на основе всеобщей воинской обязанности и регулярного массового призыва. Эти проблемы лишь вскользь отмечаются соискателями. За пределами их внимания осталась большая кропотливая работа государственных и военных органов управления по организации местных органов военного управления, налаживанию военно-учетной работы на местах, допризывной подготовке контингентов допризывников, особенности обязательных призывов и добровольных вербовок мирного времени, мобилизаций военного времени и т.д. Национальные же формирования, неизменно пребывающие В «фаворитах» исследователей национальной военной тематики, - только наиболее заметная, хотя и, безусловно, важная, часть этого процесса. Штатная емкость национальных формирований, способных принять призывников, составляла, как правило, лишь несколько процентов наличного призывного контингента, что требует говорить о них как о, прежде всего, экспериментальных площадках для дальнейшего развертывания всеобщего призыва в том или ином национальном регионе, но не как оконечной цели в решении национального вопроса в военном строительстве. Именно эту мысль неоднократно озвучивали идеологи национального военного строительства наркомы по военным и морским делам Л. Д. Троцкий и сменивший его М. В. Фрунзе.

Среди современных диссертационных исследований до сих пор нередки работы, построенные по лекалам поздних советских исследований, когда своей основной задачей историки определяют отпор западным концепциям национальной политики в СССР. С точки зрения изучения проблем национального строительства в военной сфере в СССР в 1920-1940-х гг. такие работы не несут ничего нового. Такова, например, докторская диссертация Е. Н. Панина «Деятельность латышских национальных формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – май 1945 г.)», защищенная в Москве в 2009 г. Автор увлеченно окунулся в публицистическую полемику с современными латышскими «очернителями истории», в чью аргументацию он не особенно вникает, принимая за аксиому их стремление к «русофобской лживой интерпретации истории», «перечеркиванию всей истории советского периода» и «пересмотру итогов Второй мировой войны» [36, с. 11-13, 16]. С такими установками научный дискурс в этой работе подменен навешиванием на оппонентов ярлыков. Сам автор, хотя и изучил немало архивных документов, не предложил ничего нового, кроме штампов советской литературы. Например, в разделе о латышских частях в составе РККА автор пришел к такому выводу: «Анализ показал, что участие латышских формирований в составе Советской Армии являлось важнейшей формой борьбы трудящихся Латвийской ССР против немецких захватчиков и олицетворяло боевое содружество народов СССР» [36, с. 24].

Важное место имеет анализ проблем развития государственной национальной политики в СССР в 1920–1940-е гг., поскольку эта сфера общественной жизни являлась той средой, в которой зародилось и развивалось национальное военное строительство. Без преувеличения можно сказать, что национальный вопрос в ранней истории Советского Союза стал одной из наиболее популярных тем у современных историков и освоение ее оказалось столь плодотворным, что привело практически к полному переосмыслению этнонациональной проблематики в сравнении с предыдущей советской историографией.

Общим вопросам трансформации национальной политики в межвоенный период и во время Великой Отечественной войны посвящены работы Н. Ф. Бугая [48, 49], Ф. Л. Синицына [50, 51], Н. И. Хмары [50] и др.

Одной из основных из тем, которые оказались в центре внимания современных историков, стал интереснейший опыт государственной политики коренизации, активно проводившейся с первой половине 1920-х по начало 1930-х гг. Коренизация заключалась в комплексных политических, социальных, культурных преференциях (отсюда специфические неологизмы местному коренному населению «украинизация». «белорусизация», «тюркизация» и т.п.) перед этносами, считавшимися пришлыми, некоренными, как правило, русскими. Новая политика стала выражение своего рода покаяния со стороны «колонизаторской» русской нации перед «угнетенными», «культурно отсталыми» малыми народами, которые теперь подлежали эмансипации [53, с. 309-310]. Масштабное национальное строительство в армии, развернувшееся в середине 1920-х гг., являлось ничем иным, как реализацией политики коренизации в военной сфере, и рассматривать решения в области национального вопроса в армии вне контекста общего

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ 1920—1940-Х ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

государственного курса в национальном вопросе было бы ошибочно. Коренизация в общественно-политической и культурной сферах — достаточно популярная тема исследований последних лет [54, с. 111–118; 55, с. 76–85; 56, с. 96–105; 57, с. 137–147]. Между тем, в подавляющем большинстве работ по проблемам национального военного строительства коренизация даже не упоминается. Редким исключением можно считать монографию о феномене украинизации в 1920–1930-е гг. Е. Ю. Борисёнок, которая в одном из разделов справедливо рассматривает военные вопросы в общем контексте политики коренизации в УССР. Однако, опора лишь на узкую базу уже опубликованной литературы приводит автора к ошибочным выводам о провале национального военного строительства на Украине [58, с. 200–203].

Безусловный интерес представляют работы в области популярной в последние годы дисциплины «военная антропология», изучающей индивида в воинском коллективе и на войне во всей его социальной, психологической и бытовой повседневности. Представители этого направления исследуют такие категории, как патриотизм, фатализм, боевое братство, социальные роли военнослужащего и его место в иерархии воинского коллектива, практики повседневности красноармейца и командира и т.д. [59, с. 56–57]. Отсюда и особый подход к РККА как к «тотальному институту маскулинной социализации молодого человека» [60, с. 35]. Тотальный институт в этой концепции характеризуется изоляцией индивида от внешнего мира, замкнутостью круга общения, утратой прежней идентичности, обезличиванием и рядом других важных характеристиках, благодаря которым в короткий срок выстраивается новая идентичность [61, с. 374].

Тему взаимной адаптации индивида и армейского коллектива в 1920-х гг. на большом эмпирическом материале (прежде всего, документах ВЧК-ОГПУ и политорганов РККА) изучил в своей докторский диссертации Ю. А. Рожков. Подробно рассмотрены вопросы призыва и адаптации новобранца РККА 1920-х гг. Основное внимание автор уделяет восприятию армии вчерашним крестьянином и путям его приспособления к армейской службе и военному быту. В разделе, посвященном межнациональным и межконфессиональным отношениям внутри армейского коллектива, автор, как представляется, оказался в плену выстроенной им схемы. В частности, он утверждает, что «паттерны межнационального общения, декларируемые коммунистической пропагандой, не имели ничего общего с повседневными практиками и межэтническим дискурсом красноармейцев» [60, с. 22]. По его мнению, «в повседневной жизни красной казармы, основанной на нормах обычного права, существовал культ нетерпимости по отношению к «чужим», особенно идентифицируемым по конфессиональному и этническому признакам... Замкнутый, тотальный мир казармы усиливал и этническую интолерантность» [60, с. 22]. Автор этой в целом весьма убедительной и интересной работы вообще склонен демонизировать советские армейские институты как инструменты подавления и трансформации личности, не оставляя за ними никаких позитивных функций, в частности, форсированной социализации и культурного развития красноармейцев нерусских национальностей. Хотя, безусловно, шовинизм и национализм в армейском коллективе имели место, но ни в коем случае они не господствовали и тем более, не составляли существо государственной политики.

Определенное внимание вопросам межнационального общения уделяет в своей монографии «Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны» А. Э. Ларионов [62, с. 49–65]. По его мнению, война внесла существенные коррективы в идеологические установки и практику национальной политики. Становым хребтом Красной армии в годы Великой Отечественной войны стали русские, а представители среднеазиатских и северокавказских народов первое время уступали им по уровню боевой выучки, что становилось причиной негативного отношения к ним со стороны русских бойцов и командиров. Однако автор на примерах справедливо показывает, что «постепенная адаптация сглаживала противоречия и негативные моменты в национальных взаимоотношениях» [62, с. 63–65]. В тоже время усилия армейских политических органов по взаимной адаптации военнослужащих различных национальностей даны в работе лишь в самых общих чертах.

Подводя итог достижениям современной исторической науки в области изучения национального военного строительства, следует подчеркнуть, что историками сделан большой шаг вперед по сравнению с предыдущей эпохой. В ряде работ предприняты плодотворные попытки поиска концептуально новых подходов в изучении темы национального вопроса в военном строительстве в 1920-1940-е гг. В то же время во многих исследованиях сильной остается инерция советского подхода в изучении проблем национального военного строительства, как с точки зрения оценок, так и с точки зрения методологии исследования. Тупиковым и бесплодным для теоретического осмысления проблемы представляется путь, превращающемся в самоцель механического накопления фактов об истории национальных формирований и описание их боевого пути. Сосредоточенность многих авторов лишь на истории национальных формирований искусственно сужает и упрощает тематику национального строительства в армии, акцентируя лишь на одном его сегменте. Неудовлетворительными следует признать попытки региональных историков вести подсчет общего представительства своего этноса на фронтах Великой Отечественной войны. Почти неизбежная политическая заостренность этнонациональной тематики нередко порождает псевдонаучную полемику с оппонентами, воспринимаемыми не научными, а политическими противниками.

Список использованных источников и литературы

1. Дегоев В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). – М.: Навона, 2009. - 128 с.

Degoev V. V. Vvedenie v politicheskuyu istoriyu Severnogo Kavkaza (XVI vek – 1917 god). – M.: Navona. 2009. – 128 s.

2. Иванов В. Е. Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР (1917–1946 гг.). Дисс. ... кандидата ист. наук. М., 1995.-188 с.

Ivanov V. E. Deyatel'nost' partijnyh i gosudarstvennyh organov po stroitel'stvu i boevomu primeneniyu nacional'nyh voinskih chastej v SSSR (1917–1946 gg.). Diss. kandidata ist. nauk. M., 1995. – 188 s.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ 1920—1940-X ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

- 3. Иванов В. Е. Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. высш. шк. МВД Рос. Федерации, 1996. – 136 с.
- Ivanov V. E. Nacional'nye voinskie chasti v SSSR: opyt stroitel'stva i primeneniya. –Ekaterinburg: Izdvo Ekaterinburg. vyssh. shk. MVD Ros. Federacii, 1996. 136 s.
- 4. В огне закаленные: о боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик: Эльбрус, 1995. 210 с.
- V ogne zakalennye: o boevyh delah voinov 115-j Kabardino-Balkarskoj kavalerijskoj divizii. Nal'chik: Ehl'brus, 1995. 210 s.
- 5. Катанчиев Т. М. Правда о дивизии: К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 210 с.
- Katanchiev T. M. Pravda o divizii: K istorii 115-j Kabardino-Balkarskoj kavalerijskoj divizii. Nal'chik: Ehl'-Fa, 1999. 210 s.
- 6. Ошаев Х. Д. Слово о полку чечено-ингушском. Сборник документально-художественных произведений. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 492 с.
- Oshaev H. D. Slovo o polku checheno-ingushskom.Sbornik dokumental'no-hudozhestvennyh proizvedenij. Nal'chik: Ehl'-Fa, 2004. 492 s.
- 7. Бугай Н. Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать»// История СССР. 1991. № 2. С. 172–176.
- Bugaj N. F. 40-e gody: «Avtonomiyu nemcev Povolzh'ya likvidirovat'»// Istoriya SSSR. 1991. N
2. S. 172–176.
- 8. Герман А. А., Иларионова Т. С., Плеве И. Р. История немцев России. М.: МСНК-пресс, $2005.-238\ c.$
 - German A. A., Ilarionova T. S., Pleve I. R. Istoriya nemcev Rossii. M.: MSNK-press, 2005. 238 s.
 - 9. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М.: МСНК-пресс, 2007. 576 с.
 - German A. A. Nemeckaya avtonomiya na Volge. 1918–1941. M.: MSNK-press, 2007. 576 s.
- 10. Шульга И. И. Воинская служба поволжских немцев и ее влияние на формирование их патриотического сознания: 1874–1945 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Саратов, 2001. 22 с.
- Shul'ga I. I. Voinskaya sluzhba povolzhskih nemcev i ee vliyanie na formirovanie ih patrioticheskogo soznaniya: 1874–1945 gg.: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskih nauk. Saratov, 2001. 22 s.
- 11. Шульга И. И. Трудовое использование немцев Поволжья для нужд германской армии (1941—1945 гг.) // Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы международной научной конференции (Анапа, 4–9 сентября 1996 г.). М.: Готика, 1997. 372 с. С. 240–248.
- Shul'ga I. I. Trudovoe ispol'zovanie nemcev Povolzh'ya dlya nuzhd germanskoj armii (1941–1945 gg.) // Rossijskie nemcy. Istoriografiya i istochnikovedenie.Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Anapa, 4–9 sentyabrya 1996 g.). M.: Gotika, 1997. 372 s. S. 240–248.
- 12. Шульга И. И. «Военизация» немецкого населения АССР немцев Поволжья в межвоенный период 1921–1941 гг. // Немцы России и СССР. 1901–1941 : материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 184–191.
- Shul'ga I. I. «Voenizacija» nemeckogo naselenija ASSR nemcev Povolzh'ja v mezhvoennyj period 1921–1941 gg. // Nemcy Rossii i SSSR. 1901–1941 : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M., 2000. S. 184–191.
- 13. Шульга И. И. Участие советских немцев в разгроме гитлеровских войск в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в контексте российской истории: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2000. С. 62–67.
- Shul'ga I. I. Uchastie sovetskih nemcev v razgrome gitlerovskih vojsk v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Velikaya Otechestvennaya vojna v kontekste rossijskoj istorii: sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 2000. S. 62–67.
- $14.\ \mbox{Шульга}$ И. И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М.: AOO «Международный союз немецкой культуры», $2008.-176\ {
 m c}.$
- Shul'ga I. I. Nemcy Povolzh'ya v rossijskih vooruzhennyh silah: voinskaya sluzhba kak faktor formirovaniya patrioticheskogo soznaniya. M.: AOO «Mezhdunarodnyj soyuz nemeckoj kul'tury», 2008. 176 s.

- 15. Шульга И. И. «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде» // Родина. 2010. № 5. С. 28–31.
- Shul'ga I. I. «Ne byvat' fashistskoj svin'e v nashem sovetskom ogorode» // Rodina. 2010. N 5. S. 28–31.
- 16. Подустов Ф. Н. Национальные воинские формирования Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–1938 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С. 165–169.
- Podustov F. N. Nacional'nye voinskie formirovaniya Krasnoj armii v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1919–1938 gg.) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2005. № 288. S. 165–169.
- 17. Панин Е. Н. Участие латышских формирований Красной армии в битве за Москву в декабре 1941 г. // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: «История России». 2007. № 1. С. 5–13.
- Panin E.N. Uchastie latyshskih formirovanij Krasnoj armii v bitve za Moskvu v dekabre 1941 g. // Vestnik Rossijskogo un-ta druzhby narodov. Seriya: «Istoriya Rossii». 2007. № 1. S. 5–13.
- 18. Белоусов С. С. История формирования и боевые действия 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии на Нижнем Дону в воспоминаниях военнослужащих // Вестник Калмыцкого ин-та гум. иссл. РАН. 2010 –№ 1. С. 22–31.
- Belousov S.S. Istoriyaformirovaniyaiboevyedejstviya 110-j otdel'noj Kalmyckoj kavalerijskoj divizii na Nizhnem Donu v vospominaniyah voennosluzhashchih // Vestnik Kalmyckogo in-ta gum. issl. RAN. − 2010 − № 1. − S. 22–31.
- 19. Смирнов А. От червонных старшин к красным лейтенантам // Родина. 2015. № 1. C. 81–83.
 - Smirnov A. Ot chervonnyh starshin k krasnym lejtenantam // Rodina. 2015. № 1. S. 81–83.
- 20. Емельянов Ю.В. Участие прибалтийских национальных воинских формирований в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 218–219.
- Emel'yanov Yu.V. Uchastie pribaltijskih nacional'nyh voinskih formirovanij v Velikoj Otechestvennoj vojne // Novaya i novejshaya istoriya. 2011. № 4. S. 218–219.
- 21. Сон Ж.Г. Проблемы национальных меньшинств в Красной армии 1930-х годов (на примере корейцев в особой Краснознаменной дальневосточной армии) // Российская история. 2009. № 2. С. 107–114.
- Son Zh. G. Problemy nacional'nyh men'shinstv v Krasnoj armii 1930-h godov (na primere korejcev v osoboj Krasnoznamennoj dal'nevostochnoj armii) // Rossijskaya istoriya. 2009. № 2. S. 107–114.
- 22. Вагабов М. В. Формирование и боевой путь Дагестанского Добровольческого кавалерийского эскадрона // 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу: материалы респ. науч. конф. 4 мая 2010 г. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. 481 с.
- Vagabov M. V. Formirovanie i boevoj put' Dagestanskogo Dobrovol'cheskogo kavalerijskogo ehskadrona // 65-letie Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne: dagestancy na fronte i v tylu: materialy resp. nauch. konf. 4 maya 2010 g. Mahachkala: Nauka DNC, 2010. 481 s.
- 23. Бикмеев М. А. «Громить врага до полного его уничтожения»: Национальные воинские формирования башкирского народа периода Великой Отечественной войны. Специальный выпуск: «Башкортостан в составе России». М.: Б/и, 2010. С. 89–96.
- Bikmeev M. A. «Gromit' vraga do polnogo ego unichtozheniya»: Nacional'nye voinskie formirovaniya bashkirskogo naroda perioda Velikoj Otechestvennoj vojny. Special'nyj vypusk: «Bashkortostan v sostave Rossii». M.: B/i, 2010. S. 89–96.
- 24. Убушаев В. Б., Шарапова Е. П. О создании национальных дивизий в составе Красной Армии в союзных и автономных республиках СССР в декабре 1941 г. // Вестник института истории, археологии и этнографии (Махачкала). -2016. -№ 1. С. 62–67.
- Ubushaev V. B., Sharapova E. P. O sozdanii nacional'nyh divizij v sostave Krasnoj Armii v soyuznyh i avtonomnyh respublikah SSSR v dekabre 1941 g. // Vestnik instituta istorii, arheologii i ehtnografii (Mahachkala). − 2016. − № 1. − S. 62−67.
- 25. Варсонофьев В. В. Этноконфессиональные воинские формирования как важнейший механизм формирования национальной идеологии: исторический опыт и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. -2013.-N 0.000

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ 1920—1940-X ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

- Varsonof'ev V. V. Ehtnokonfessional'nye voinskie formirovaniya kak vazhnejshij mekhanizm formirovaniya nacional'noj ideologii: istoricheskij opyt i perspektivy // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. − 2013. − № 2. − S. 93−106.
- 26. Кирсанов Н. А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6 С. 116–126.
- Kirsanov N. A. Nacional'nye formirovaniya Krasnoj Armii v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. // Novaya i novejshaya istoriya. − 1995. − № 6 − S. 116–126.
- 27. Градосельский В. В. Национальные воинские формирования в Красной Армии (1918–1938 гг.) // Военно-исторический журнал. -2001. -№ 10. C. 2-6.
- Gradosel'skij V. V. Nacional'nye voinskie formirovaniya v Krasnoj Armii (1918–1938 gg.) // Voennoistoricheskij zhurnal. 2001. № 10. S. 2–6.
- 28. Градосельский В. В. Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. -2002. -№ 1. C. 18–24.
- Gradosel'skij V. V. Nacional'nye voinskie formirovaniya v Velikoj Otechestvennoj vojne // Voennoistoricheskij zhurnal. 2002. № 1. S. 18–24.
- 29. Жарков В. В. Значение национальных воинских формирований в развитии Вооруженных Сил в 30-е гг. XX века // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Ярославль, 2014. № 4. Том I. С. 27–31.
- Zharkov V. V. Znachenie nacional'nyh voinskih formirovanij v razvitii Vooruzhennyh Sil v 30-e gg. XX veka // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Gumanitarnye nauki. Yaroslavl', 2014. № 4. Tom I. S. 27–31.
- 30. Кирсанов Н. А., Дробязко С. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. -2001. -№ 6. -C. 60–75
- Kirsanov N. A., Drobyazko S. I. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: Nacional'nye i dobrovol'cheskie formirovaniya po raznye storony fronta // Otechestvennaya istoriya. $2001. N_2 6. S. 60-75.$
- 31. Дмитриев Т. А. «Не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов»: Национальное военное строительство в СССР в 1920-1930-е годы и его проверка «огнем и мечом» в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национализма. 2013. № 2. С. 60–88.
- Dmitriev T. A. «Ne voz'mu nikogo, krome russkih, ukraincev i belorusov»: Nacional'noe voennoe stroitel'stvo v SSSR v 1920-1930-e gody i ego proverka «ognem i mechom» v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Voprosy nacionalizma. 2013. № 2. S. 60–88.
- 32. Дмитриев Т. А. «Это не армия»: национальное военное строительство в СССР в контексте советской культурно-национальной политики (1920-1930-е годы) // Время, вперед! Культурная политика в СССР. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 108–132.
- Dmitriev T. A. «Eto ne armiya»: nacional'noe voennoe stroitel'stvo v SSSR v kontekste sovetskoj kul'turno-nacional'noj politiki (1920-1930-e gody) // Vremya, vpered! Kul'turnaya politika v SSSR. M.: Izdatel'skij dom NIU VSHE, 2013. S. 108–132.
- 33. Безугольный А. Ю. Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 236 с.
- Bezugol'nyj A. Yu. Narody Kavkaza v Vooruzhennyh Silah SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: diss. ... kand. ist. nauk. Stavropol', 2004. 236 s.
- 34. Подпрятов В. Н. Национальные вооруженные формирования народов России и СССР в XVIII первой половине XX вв.: дисс. . . . д-ра ист. наук. Ижевск, 2012. 525 с.
- Podpryatov V. N. Nacional'nye vooruzhennye formirovaniya narodov Rossii i SSSR v XVIII pervoj polovine XX vv.: diss. . . . d-ra ist. nauk. Izhevsk, 2012. 525 s.
- 35. Кадыров Б. Г. Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: дисс. . . . д-ра ист. наук. Казань, 2002. 431 с.
- Kadyrov B.G. Nacional'naya politika Sovetskogo gosudarstva v armii v mezhvoennyj period: koncepciya i praktika: diss. . . . d-ra ist. nauk. Kazan', 2002. 431 s.
- 36. Панин Е. Н. Деятельность латышских национальных формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной войны: июнь 1941 г. май 1945 г.: автореф. дисс. . . . д-ра ист. наук. М, 2009.-468 с.

- Panin E. N. Deyatel'nost' latyshskih nacional'nyh formirovanij na territorii SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: iyun' 1941 g. maj 1945 g.: avtoref. diss. . . . d-ra ist. nauk. M, 2009. 468 s.
- 37. Назих Э.-Б. Р. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. 174 с.
- Nazih E.-B. R. Deyatel'nost' gosudarstvennyh i voennyh organov SSSR po sozdaniyu i razvitiyu nacional'nyh voinskih formirovanij (1923–1939 gg.): diss. ... kand. ist. nauk. M., 2011. 174 s.
- 38. Намнанов Д.Д. Национальные формирования Красной Армии в Бурятии в 1924—1939 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. 22 с.
- Namnanov D. D. Nacional'nye formirovaniya Krasnoj Armii v Buryatii v 1924–1939 gg.: avtoref. diss. ... kand.ist. nauk. Ulan-Udeh, 1997. 22 s.
- 39. Шульга И. И. Воинская служба поволжских немцев и ее влияние на формирование их патриотического сознания, 1874—1945 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001. 22 с.
- Shul'ga I.I. Voinskaya sluzhba povolzhskih nemcev i ee vliyanie na formirovanie ih patrioticheskogo soznaniya: 1874–1945 gg.: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskih nauk. Saratov, 2001. 22 s.
- 40. Сиджах Х.И. Воинские и ополченческие формирования Адыгеи в годы Великой Отечественной войны (1941 1945 гг.). Дисс. В виде научного доклада ... канд. ист. наук. Майкоп, 2001 61 с.
- Sidzhah H. I. Voinskie i opolchencheskie formirovaniya Adygei v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941 1945 gg.). Diss. V vide nauchnogo doklada ... kand. ist. nauk. Majkop, 2001. 61 s.
- 41. Фадеев М. К. Военное строительство в Калмыкии в период гражданской войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004. 22 с.
- Fadeev M.K. Voennoe stroitel'stvo v Kalmykii v period grazhdanskoj vojny: avtoref. diss. ... kand.ist. nauk. Astrahan', 2004. 22 s.
- 42. Гармаев В. Д. Деятельность военных комиссариатов по формированию воинских частей на территории Бурят-Монгольской АССР: 1923–1945 гг. автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 24 с.
- Garmaev V. D. Deyatel'nost' voennyh komissariatov po formirovaniyu voinskih chastej na territorii Buryat-Mongol'skoj ASSR: 1923–1945 gg. avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Ulan-Udeh, 2005. 24 s.
- 43. Шилова С.Г. Военные формирования народов Северного Кавказа в белых армиях Юга России: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. 24 с.
- Shilova S. G. Voennye formirovaniya narodov Severnogo Kavkaza v belyh armiyah Yuga Rossii: avtoref. diss. ... kand.ist. nauk. M., 2007. -24 s.
- 44. Багаутдинов Р.О. Участие башкир в белом движении: 1917-1920 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007.-25 с.
- Bagaudinov R. O. Uchastie bashkir v belom dvizhenii: 1917-1920 gg.: avtoref. diss. ... kand.ist. nauk. Ufa, 2007. 25 s.
- 45. Джесюпов Э. С. Национальные воинские формирования русской армии в начале XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 24 с.
- Dzhesyupov E. S. Nacional'nye voinskie formirovaniya russkoj armii v nachale XIX v.: avtoref. diss. ... kand.ist. nauk. M., 2010.-24 s.
- 46. Акульшин П., Гребенкин И. Военная история: направления поиска, методы, проблемы // Исторические исследования в России III: Пятнадцать лет спустя. М., 2011. 583 с. С. 397–416.
- Akul'shin P., Grebenkin I. Voennaya istoriya: napravleniya poiska, metody, problemy // Istoricheskie issledovaniya v Rossii III: Pyatnadcat' let spustya. M., 2011. 583 s. S. 397–416.
- 47. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах: (20 60-е годы). М.: Инсан, 1998. 368 с.
 - Bugaj N. F., Gonov A. M. Kavkaz: narody v ehshelonah: (20 60-e gody). M.: Insan, 1998. 368 s.
- 48. Бугай Н. Ф. Л. Берия И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: Гриф и К, 2012. 510 с.
 - Bugaj N. F. L. Beriya I. Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazaniyu...». M.: Grif i K, 2012. 510 s.
- 49. Синицын Ф. Л. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 22 с.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ 1920—1940-X ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

- Sinicyn F. L. Nacional'naya politika SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: avtoref. diss. ... kand.ist. nauk. M, 2009. -22 s.
- 50. Синицын Ф. Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М.: Центрполиграф, 2018. 543 с.
- Sinicyn F. L. Sovetskaya naciya i vojna.Nacional'nyj vopros v SSSR.1933–1945. M.: Centrpoligraf, 2018. 543 s.
- 51. Хмара Н. И. Из опыта национального строительства в СССР (1920-е–1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3 С. 126–139.
- Hmara N. I. Iz opyta nacional'nogo stroitel'stva v SSSR (1920-e–1930-e gody) // Otechestvennaya istoriya. 2006. N_2 3 S. 126–139.
- 52. Баберовски Й. Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН : Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2010. 855 с.
- Baberovski J. Vrag est' vezde: Stalinizm na Kavkaze. M.: ROSSPEHN : Fond "Prezidentskij centr B. N. El'cina", 2010. 855 s.
- 53. Кайкова О. К. Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х середина 1930-х гг.) // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: «История России». 2007. № 3. С. 111–118.
- Kajkova O. K. Politika «korenizacii» v sel'sovetah nacional'nyh rajonov RSFSR (vtoraya polovina 1920-h seredina 1930-h gg.) // Vestnik RUDN. Seriya: «Istoriya Rossii». 2007. № 3. S. 111–118.
- 54. Якубова Л. Д. Национальные районы: опыт осуществления политики коренизации в УССР // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 окт. 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 76–85.
- Yakubova L. D. Nacional'nye rajony: opyt osushchestvleniya politiki korenizacii v USSR // Sovetskie nacii i nacional'naya politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunar. nauch. konf. Kiev, 10–12 okt. 2013 g. M.: ROSSPEHN, 2014. S. 76–85.
- 55. Борисенок Ю. А. Особенности ускоренной белорусизации в Полоцком регионе и польский фактор (1923—1928 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10—12 окт. 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 2014. С. 2014.
- Borisenok Y. A. Osobennosti uskorennoj belorusizacii v Polockom regione i pol'skij faktor (1923–1928 gg.) // Sovetskie nacii i nacional'naya politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunar. nauch. konf. Kiev, 10–12 okt. 2013 g. M.: ROSSPEHN, 2014. S. 96–105.
- 56. Варданян-Айвазян Т. Р. Об особенностях политики коренизации в Закавказье в 1920–1930-е гг. // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 окт. 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 137–147.
- Vardanyan-Ajvazyan T. R. Ob osobennostyah politiki korenizacii v Zakavkaz'e v 1920–1930-e gg. // Sovetskie nacii i nacional'naya politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunar. nauch. konf. Kiev, 10–12 okt. 2013 g. M.: ROSSPEHN, 2014. S. 137–147.
- 57. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.
 - Borisyonok E. Yu. Fenomen sovetskoj ukrainizacii.1920–1930-e gody. M.: Evropa, 2006. 256 s.
- 58. Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.
- Krinko E. F., Hlynina T. P. Istoriya Severnogo Kavkaza v 1920–1940-e gg.: sovremennaya rossijskaya istoriografiya. Rostov n/D.: Izd-vo YUNC RAN, 2009. 304 s.
- 59. Рожков А. Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2003.-44 с.
- Rozhkov A. Y. Molodoj chelovek v Sovetskoj Rossii 1920-h godov: povsednevnaya zhizn' v gruppah sverstnikov (shkol'niki, studenty, krasnoarmejcy): avtoref. diss. . . . d-ra ist. nauk. Krasnodar, 2003. 44 s.
- 60. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
- Rozhkov A. Y. V krugu sverstnikov: Zhiznennyj mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.-640 s.

61. Ларионов А.Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизни в РККА 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. – 295 с.

Larionov A. E. Frontovaya povsednevnost' Velikoj Otechestvennoj vojny: social'nye kommunikacii i duhovnaya zhizni v RKKA 1941–1945 gg. M.: Zolotoe sechenie, 2015. – 295 s.

Bezugol'nyj A. Yu. Ethnic aspect of the history of the red army of the 1920s-1940s in the modern Russian historiography

The article is devoted to analysis of the latest achievements of Russian historical science in the study of ethnic aspects of military construction in the USSR in the 1920-1940s In this period, the Soviet government had made a great leap forward in solving the national question in the country, in particular, representatives of many Nations, under the former state system does not work in the ranks of the army, was drawn to the compulsory military service was established the systematic conscription for the representatives of the peoples Soviet socialist Republic was created the national military forces and national military schools. Despite the fact that the national subject is highly topical and of interest to the modern Russian historians to it is high enough, the scope of dissertations, monographs and scientific articles questions usually limited to the problems of the national groups that make up, though important but only one aspect of the history of the national military construction in the USSR in the 1920-1940s. In many studies, it remains a strong inertia of the Soviet approach to the study of problems of national military construction, both from the point of view of valuations, and from the point of view of methodology of research. This is reflected in the mechanical gathering of facts about the participation in the wars of the representatives of a particular ethnic group and many authors focus only on the history of national groups. Still not well established even conceptual framework, terminology related to the military-national issues. At the same time in a number of works made fruitful attempts to find conceptually new approaches to the study of the theme of the national question in military construction in the 1920-1940s noteworthy Among them are the doctoral thesis of B. G. Kadyrov and V. N. Podpryatov, Ph. D., V. E. Ivanov, E. B.-R. Nazih, monographs and articles A. Yu., Rozhkov, T. A. Dmitriev, A. E. Larionov.

Keywords: historiography, national units of the red army, national politics, military construction in the USSR

УДК 391.2(=1.470=512.1)(47)КРЫМ

ТРАДИЦИОННОЕ ЖЕНСКОЕ ХАЛАТООБРАЗНОЕ ПОКРЫВАЛО ИЗ Д. АЙ-СЕРЕЗ – ЦЕННЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КРЫМСКОТАТАРСКОГО КОСТЮМА: ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ БАХЧИСАРАЙСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Грушецкая В. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация E-mail: victorianage89@gmail.com

В статье предпринят анализ верхнего халатообразного покрывала типа «фередже» как части традиционного уличного женского костюма крымских татар, которое широко использовалось на территории Крымского полуострова в XIX в. Рассмотрены основные подтипы и варианты данного элемента костюма, экспонаты которого находятся в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, формирующиеся с учетом конструктивных особенностей и функционального назначения. Эти музейные предметы были приобретены учреждением в 1925 г. в д. Ай-Серез во время этнографической экспедиции У. А. Боданинского — директора Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры, г. Бахчисарай. Определена роль У. А. Боданинского (1877–1938) и Б. А. Куфтина (1892–1953) как исследователей традиционного костюма крымских татар в изучении данного вопроса. Выделены хронологические этапы развития данного элемента традиционного костюма, проанализировано эволюционное развитие халатообразных покрывал «фередже». Сформулированы выводы, отражающие главные аспекты его использования.

Ключевые слова: Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник, Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры, г. Бахчисарай, У. А. Боданинский, Б. А. Куфтин, традиционный костюм крымских татар, этнографические экспонаты, верхнее покрывало типа «фередже».

Неотъемлемой частью культурного наследия крымскотатарского народа выступает традиционный костюм. Ценными являются методы сбора, изучения, и сохранения предметов материальной культуры крымских татар, которые мы рассмотрим на примере традиционных женских халатообразных покрывал. Современная полемика вокруг женского верхнего покрывала, возникшая среди исследователей, как в научной среде, так и на страницах СМИ, и собственная позиция женщин в отношении некоторых аспектов использования данного компонента верхней одежды в Крыму приводят к выводу, что этот вопрос и в начале XXI в. имеет совершенно необычайную остроту и явно нуждается в отдельном научном исследовании.

Важную роль в изучении подобных верхних женских покрывал играют сведения путешественников и очевидцев. В публикациях отечественных и зарубежных исследователей XIX в., например, М. Дмитриевского [12, с. 140–153], Г. И. Радде [29, с. 397–401], Ф. М. Домбровского [11, с. 159–170], Т. Пассек [26,

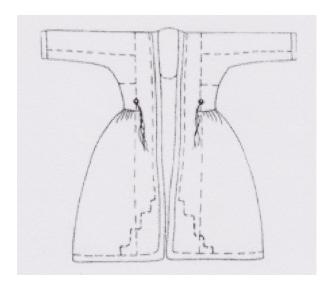

Рис. 1. Халат женский «фередже». Крымские татары. Крым, г. Ялта. Конец XIX в. Шелк, тесьма «шерт» ЯМК, № 557. Крой // Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII — начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. — М.: Наука, 2000.

с. 365-369] уделено внимание конструктивным особенностям, материалам изготовления пветовой гамме данного элемента костюма. В работах Ф. Воропонова [6, с. 148–179], Е. Ивановой [15], Е. Л. Маркова [20], кроме общего описания верхних покрывал, подробно рассматриваются обычай сокрытия лица, а также вопросы, связанные со способами ношения верхнего покрывала.

Среди появившихся в 20-х гг. XX в. научных трудов следует выделить работы Г. А. Бонч-Осмоловского [4, с. 334–347; 5, с. 97–123], Б. А. Куфтина [18], У. А. Боданинского [3, с. 309–333; 10], П. В. Никольского [24], В. Крачковской [17, с. 213–216]. Наряду с описанием различных подтипов покрывал, указанные выше исследователи

охарактеризовали сохранившиеся варианты использования таких покрывал в обрядах и обычаях крымских татар.

О первых годах работы музея, его экспедиционной деятельности и роли собирателей этнографических коллекций в Крыму, в частности У. А. Боданинского и Б. А. Куфтина, содержатся сведения в трудах А. А. Непомнящего [1], У. К. Мусаевой [Асановой] [21, с. 155–160; 22; 23], О. А. Желтухиной [13, с. 11–16], Р. Р. Эминова [33, с. 48–64], Ф. Р. Нишаевой [25, с. 367–371]. Проблема сокрытия женских волос и тела с помощью покрывала в христианской и исламской традициях раскрыта в священных книгах Библии [2] и Коране [16], также в работах таких этнологов, как Д. Зеленин [14, S. 535–556], Н. И. Гаген-Торн [7, с. 76–88] и Грицюк О. [9, с. 23–29]. Современная специальная литература о традиционных верхних покрывалах типа «фередже» как дополнительной части уличной одежды крымских татар представлена также трудами Л. И. Рославцевой [32], а также Н. П. Лобачевой [19, с. 78–92] и Р. Р. Рахимова [30, с. 4–19]. Ученые рассмотрели вопросы происхождения и использования верхних покрывал в различных странах мира, последние уделили особое внимание среднеазиатской халатообразной накидке.

Рис. 2. Верхнее халатообразное наплечное покрывало «фередже». Крымские татары, д. Ай-Серез, XIX в. // Фото из фондов ГБУ РК «БИКАМЗ», Бахчисарай.— Отдел «История».— Группа «Ткани».— КП 282.— Инв. № Т 189.

Из краткого историографического обзора видно, что верхние покрывала, как компонент уличного женского наряда, рассматривались лишь в контексте обшем научных публикаций, специально посвященных традиционному костюму, не являлись отдельным предметом исследования. Исходя из этого, в своей работе мы попытаемся систематизировать проанализировать сведения о примере них на двух сохранившихся редких халатообразных покрывал типа «фередже» XIX в. из д. Ай-Серез, которые мы относим к дополнительным компонентам традиционной женской верхней одежды крымских татар. поступивших в 20-х гг. ХХ в. в фонды Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры (далее – ГДМТТК, ныне ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный археологический музей-заповедник»).

Поставленная цель, таким образом, предполагает решение следующих исследовательских задач: охарактеризовать особенности сбора верхних

халатообразных покрывал в собраниях ГДТТМК, приобретенных музеем в период этнографических экспедиций 1920-х гг.; раскрыть специфику бытования, хронологические этапы использования данного компонента в традиционном костюме; проанализировать его функциональное назначение и выяснить предпосылки и причины, повлиявшие на прекращение его повседневного использования в женской верхней одежде крымских татар.

Среди собирателей крымских этнографических коллекций были известные российские ученые и краеведы 1920-х гг., особо хотелось бы отметить научного сотрудника этнографического отдела Московского отделения Российской академии

истории материальной культуры и Института антропологии им. Д. А. Анучина Бориса Алексеевича Куфтина (1892–1953) и директора ГДМТТК Усеина Абдерефиевича Боданинского (1877–1938 гг.), которые обратили пристальное внимание на бытовую крымскотатарскую культуру. Указанные выше исследователи благодаря участию в крымских этнографических экспедициях первой половины 1920-х гг. сохранили для будущих поколений бесценные фондовые коллекции, они также создали ряд квалифицированных научных трудов, посвященных изучению культуры в целом и традиционного костюма крымских татар в частности.

Втечение 1923—1928 гг. Б. А. Куфтин периодически посещал Крымский полуостров и принимал участие в научных этнографических экспедициях. Большая часть его ранних изысканий 1923—1924 гг., где встречается детальное описание костюма, посвящена крымским татарам Южного берега (поселения между Судаком и Байдарами, деревни Ускут, Шелен, Ай-Серез), а также предгорья (Бахчисарай). Результатом этих исследований стала работа «Южнобережные крымские татары» [21, с. 101].

3 ноября 1917 г. в Бахчисарае был открыт «Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в г. Бахчисарай», который с небольшими перерывами с 1917 по 1934 гг. возглавлял известный крымскотатарский художник-декоратор и краевед Усеин Абдерефиевич Боданинский [23, с. 20–21; 33, с. 50–51]. Под его ответственным руководством проходила наиболее масштабная научная этнографоархеологическая экспедиция в Крыму с 25 июня по 16 сентября 1925 г. (64 населенных пункта), в ходе которой фонды крымских музеев, в частности ГДМТТК, наряду с огромным количеством разнообразных экспонатов пополнились как отдельными элементами традиционного костюма (основная и дополнительная одежда, обувь, ювелирные украшения), так и деталями его производства (ткани, вышивки) [3, с. 311–312; 13, с. 14–15; 25, с. 368; 22, с. 32–35, 38].

Высокий профессионализм, тщательность и энтузиазм в исследованиях, комплексный и всесторонний подход в научной и общественной деятельности Б. А. Куфтина и У. А. Боданинского позволили обратить внимание на проблему покрытия и использование верхнего уличного покрывала в Крыму в 20-х гг. ХХ в. К сожалению, материалы экспедиции, собранные Б. А. Куфтиным в 1923-1924 гг., как и другими учеными, присланными из Ленинграда или Москвы в первой четверти XX в., увозились за пределы Крыма. Стремительно исчезали из повседневного использования многие традиционные элементы костюма, поэтому важно было как можно скорее начать пополнять коллекции Музея из Бахчисарая. У. А. Боданинский в «Дневнике» оставил запись о том, что крайне «необходимо пробел пополнить, собрав на всей территории КрССР историкоэтнографический материал, который на наших глазах очень быстро исчезает. Если мы пропустим еще несколько лет, то весь этот богатейший материал погибнет для истории». В связи с этим перед ГДТМТК стояла первоочередная задача по сбору и сохранению предметов быта и культуры крымских татар [1]. Поэтому среди трудов. созданных по результатам крымских этнографических экспедиций 1920-х гг. и посвященных изучению исследуемого элемента крымскотатарского традиционного костюма, также важное значение имеют работы У. А. Боданинского, особенно его

публикация «Археологическое и этнографическое изучение крымских татар» (труд написан в 1928 г. и опубликован в сборнике «Реконструкция народного хозяйства в Крыму за 1930 г.»), полевые заметки, полевой дневник этнографической экспедиции крымскотатарскому 1925 Непосредственно традиционному У. А. Боданинский в своих научных трудах уделил особое внимание. Данная тематика была затронута им на крымских и всесоюзных конференциях в ряде «Историко-этнографическая докладов: экспедиция 1925-26 «Искусство крымских татар», «Новые материалы по этнографии татар в Крыму», «История быта и костюмов», «Татарское народное искусство и промыслы в Крыму» [22, c. 39; 23, c. 83-84, 197–198].

Традиционные верхние халатообразные покрывала XIX в. (уличный женский костюм крымских татар)
[Составлено автором]

Таблица 1

способ ношения	на плечах	на голове	
покрой	халатообразный покрой	халатообразный покрой	
наличие рукавов	«в рукава»	«в рукава»	рукава «ложные»
	«фередже» предгорные и южнобережные крым. татары	«фередже» предгорные и южнобережные крым. татары	«фередже» предгорные и южнобережные крым. татары
	«паранджа» степные крым. татары		«паранджа» степные крым. татары
			«камзол» южнобережные крым. татары (р-н Ялты)

В «Дневнике Бахчисарайского музея У. А. Боданинский отметил, что «этнографы смогли убедиться, что при слабой сохранности элементов быта, значительно лучше представлены в селениях старые костюмы, обычаи, предметы народной техники (особенно между Алуштой и Судаком)» [1]. Благодаря тому, что часть южнобережного маршрута этнографо-археологической экспедиции 1925 г., организованной на базе ГДМТТК при участии ВНАВ и под руководством директора У. А. Боданинского, совпадает с проводимой ранее экспедицией Б. А. Куфтина 1923—1924 гг., появилась возможность более детально изучить приобретенные в 1925 г. ГДМТТК редкие и ценные экспонаты традиционных халатообразных

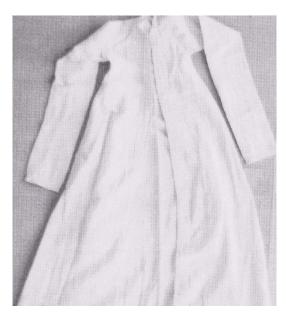

Рис. 3. Верхнее халатообразное наголовное покрывало «фередже». Крымские татары, д. Ай-Серез, XIX в. / Фото из фондов. Фонды ГБУ РК «БИКАМЗ», Бахчисарай.— Отдел «История».— Группа «Ткани».— КП 281.— Инв. № Т 188.

верхних покрывал XIX в. из д. Ай-Серез (с. Междуречье, расположено на юго-востоке Крымского полуострова, входит в Городской округ Судака), сохранившихся в 1920-х гг.

В традиционной женской одежде многих народов мира с древних времен бытовал обычай сокрытия женского лица и фигуры с помощью различных видов верхних покрывал, которые варьировались от самых простых головных накидок до классических вариантов, например, «никаба» или «хиджаба», среднеазиатской «паранджи», персидской «чадры». В целом, подобную одежду специалисты разделяют на две категории: закрывающие лицо в той или иной («никаб», «паранджа», степени «чадра») открывающие его («хиджаб»). Регламентация норм поведения в обшественной жизни Крыма непосредственно женшин касалась их внешнего вида, особенно в то время, когда они находились за пределами своего дома или двора. Одна

из главных причин такого жизненного уклада заключалась в том, чтобы скрываться от посторонних взглядов, избегая оскорбления [20, с. 39; Коран, 33:59].

Предназначавшийся для выхода за пределы дома женский костюм крымских татар предполагал наличие широкого дополнительного покрывала, которое набрасывалось поверх головного убора и верхней наплечной одежды (платья, кафтана), скрывая женщину с головы до щиколоток ног. Ведь согласно фетве ханафитского мазхаба открывать дозволено только область до щиколоток, кисти рук и лицо, если это не приводит к соблазну, а все, что выше щиколоток и манжет, однозначно входит в аурат («скрытое тайное место», то есть нагота, которая должна быть сокрыта от чужих мужчин-неродственников, чтобы не вызывать у них смущение, стыд или искушение и побуждение к греху). В Крыму не было единого названия для этого элемента одежды. В работе многообразие верхних покрывал, использовавшихся в Крыму, рассмотрены в рамках отдельного типа «фередже», который делится по способу ношения на две группы: 1. Халатообразная наплечная накидка (покрывало) – подтип I; 2. Наголовное покрывало (накидка) – подтип II, III (табл. 1).

Собранные в таблице данные показывают, что особой популярностью в исследуемый период пользовалось покрывало под общим названием «фередже» [11,

с. 167; 26, с. 369, 8, с. 101] («паранджа» у степных крымских татар), которое использовалось и как халатообразная наплечная накидка (подтип I), и как наголовное покрывало (подтип II, III). Кроме того, в быту употреблялись их аналоги или схожие варианты, например, наголовное покрывало «камзол» [32, с. 31, 39]. Для нас наибольший интерес представляют халатообразные верхние покрывала. Их внешний вид – по покрою традиционный халат – не оставляет сомнения в том, что они, в отличие безрукавных наголовных покрывал, развивались именно из наплечной распашной одежды [19, с. 79, 84] (рис. 1; табл. 2).

В настояще время в фондах БИКАМЗ сохранилось всего два халатообразных покрывала: наголовная и наплечная накидки «фередже» XIX в. из д. Ай-Серез (дата поступления 1925 г.). На примере этих покрывал можно выяснить особенности их кроя (рис. 2; 3; 4). Они представляют собой прямоспинную распашную туникообразную одежду, в которой прямой кусок ткани образует перед и спинку, а к нему пришивают на линии плеч прямые рукава (узкие и длинные), а также боковины. Ластовица, предохраняющая от разрывов места соединения рукавов и боковин. «фередже» отсутствовала. Ворот являлся обязательной принадлежностью, он имел тот же покрой, что и на халате, но часто был намного шире. Длина «фередже» – 1,40 м, окружность подола – 1,94 м [27; 28]. В конце XVIII в. эти покрывала доходили до щиколоток, но позже их стали шить короче чуть ниже колен, при этом был виден край платья и шаровары [31].

Таблица 2

Хронологические этапы и развитие халатообразных покрывал типа «фередже» в Крыму [Составлено автором]

халат	покрывало				
середина	конец	1-я половина	2-я половина	конец XIX –	
XVII B.	XVIII B.	XIX B.	XIX B.	начало XX в.	
верхняя одежда (праздничная,	наплечное				
у богатых	«в рукава»				
жителей Бахчисарая)	с дополнители «яшмак» (чаще в город	ьным платком е, повседневное)	с различными дополнительными лицевыми платками, декорировалось (чаще обрядовое, для невесты)		
	наголовное				
		надевалось «в рукава» или без помощи рукавов («ложные» рукава) (с дополнительным платком «яшмак», чаще в городе, повседневное)			

Таким образом, халатообразное наголовное покрывало отличалось от наплечного широким воротом, завышенной линией талии и «ложными» рукавами. Если накидываемый на голову «халат» не надевался в рукава, то они деформировались, увеличиваясь в длине и сужаясь. На протяжении длительного периода рукава в покрывале «фередже» («паранджа», «камзол») становились лищь декоративной деталью (рис. 3).

Отметим, что верхнее покрывало под названием «фередже» или «паранджа» происходит от арабского «фараджийа»/»фарангия», которое в переводе означает платье, верхний нарядный халат, надевавшийся на плечи как накидка [30, с. 7; 19, с. 78]. Причем, в Крыму так назывались многие верхние покрывала крымских татар (халатообразное покрывало и безрукавная наголовная накидка). Можно также предположить, что другие названия таких покрывал могли использоваться по аналогии с различными вещами. Например, название «камзол» определялось как общее понятие «верхнего платья», которое имело все признаки «фередже».

Все указанные выше верхние покрывала для широких слоев населения шили из домотканой шерстяной материи [26, с. 369; 32, с. 31], а позже из ситца. Богатые женщины носили верхние покрывала из шелковой ткани в узкую полоску «шамаладжа» и парчи [11, с. 167]. Более поздние варианты могли украшать тесьмой, каймой, вышивкой или аппликацией, расположенной по подолу, полам и вороту [27; 28] (рис. 2). В большинстве случаев все вышеперечисленные покрывала имели белый или кремовый цвет (иногда светло-розовый или светло-зеленый) [27; 8, с. 101]. Наголовные верхние покрывала обычно сложно драпировались (украшались фалдами ткани — трубкообразными продольными складками), закрывая при этом волосы и лоб, а также полностью скрывая линии тела [32, с. 32].

В свою очередь, в зависимости от наличия определенного количества элементов и вариантов использования самих частей верхнего покрывала для закрывания лица так, чтобы открытой оставалась только щель для глаз [15, с. 23], в каждой группе верхних покрывал мы выделили их варианты и переходные формы (табл. 3).

Вариант 1. Халатообразные наплечная накидка (подтип I) и наголовное покрывало «фередже» (подтип I, II) использовались с дополнительным двусоставным лицевым платком «яшмак» [32, с. 31] (по аналогии с турецким вариантом, предположим, что первый большой платок квадратной формы покрывал волосы и лоб до глаз, а второй треугольный платок завязывался на затылке и скрывал нижнюю часть лица, шею и область декольте) [19, с. 31; 26, с. 369] (рис. 5). Однако исследователи и путешественники XIX — начала XX вв. отмечали, что южнобережные и предгорные крымские татарки (особенно сельские), в отличие от степных, не всегда закрывали лицо при появлении посторонних мужчин, а девушки в такой ситуации либо прикрывали лицо рукавом, либо поворачивались к незнакомцу спиной. Из этого следует, что для крымскотатарских жительниц южнобережья и предгорий сокрытие лица являлось лишь формальным признаком скромности и подобные «фередже» использовались намного реже [6, с. 156, 164, 171; 15, с. 23]. Тем самым подтверждается еще большая ценность приобретенных экспонатов 1925 г.

Рис. 4. Верхнее халатообразное наголовное покрывало «фередже». Крымские татары, д. Ай-Серез, XIX в. Фото из экспозиции. Фонды ГБУ РК «БИКАМЗ», Бахчисарай.— Отдел «История».— Группа «Ткани».— КП 281.— Инв. № Т 188.

Ниже мы подробнее рассмотрим все способы покрытия, которые существовали в Крыму в исследуемый период.

Вариант 2. Халатообразная наголовная накидка (подтип II, III) использовалась без дополнительного лицевого платка «яшмак» в тех случаях, если:

- а) обычай не предусматривал сокрытия («фередже» предгорных лица южнобережных крымских татарок [20, с. 192]). Надо сказать, что в крымских деревнях регламентированного религиозными культурно-бытовыми требования к женщинам скрывать свое лицо не существовало. Это был типично городской обычай, когда женщины-горожанки Крыма прятать лица под влиянием стали проникавшей из Турции моды [4, с. 341] (рис. 6).
- б) лицо закрывалось при встрече с посторонними мужчинами двумя рукавами, которые повязывались на голове особым способом, когда оставалась открытой лишь небольшая щель для глаз, а концы рукавов лежали на спине («фередже» р-н Алупки, Массандры; «камзол» р-н Ялты [18, с. 26] у южнобережных крымских татар).
- в) лицо закрывалось при встрече с посторонними мужчинами краем покрывала, чаще всего его правого борта («фередже» р- н Байдарской долины [31] у предгорных и южнобережных крымских татар).

Ношение, надевание и снимание верхнего покрывала в Крыму, как и в других центрах его использования, регулировалось обычаем, этикетом и суевериями, знание

которых прививалось с детства. Как отмечают исследователи, возможно, что особенно бережного отношения к верхнему покрывалу не практиковалось (лишь покрывала из дорогих тканей имели большую ценность, береглись и сохранились до настоящего времени). Придя домой, верхнее покрывало могли оставить в углу или заткнуть за перекладину [19, с. 25; 8, С. 100]. В обращении с «фередже» соблюдался ряд неписаных правил. Так, при выходе из дома верхнее покрывало выносили из комнаты и набрасывали на плечи или на голову уже во дворе. Лицевой платок надевали при выходе со двора. Гостья, едва зайдя во двор, снимала платок «яшмак»,

а «фередже» с ее головы уже снимала хозяйка дома. В отсутствии хозяйки это делали старшие дети – по аналогии с мужчинами, когда в знак вежливости и гостеприимства хозяин и старший сын принимали гостей на мужской половине.

Халатообразное наплечное «фередже» со второй половины XIX в. постепенно начало выходить из обихода. Это было обусловлено многими обстоятельствами. Главными из них, на наш взгляд, следует считать проникновение в Крым со второй половины XIX в. элементов европейской и русской моды, активную аккультурацию и изменение образа жизни крымских татар в результате переселения многих семей из своих общин в другие районы полуострова. Вследствие этого за сравнительно небольшой отрезок времени в традиционной одежде произошли сильные изменения. К 1920-м гг. государственная политика целенаправленно способствовала исчезновению из повседневного обихода верхнего покрывала, которое в пропагандистской литературе считалось символом угнетения женщины. Активно распространялось убеждение, что ношение женщинами верхнего покрывала унижало их достоинство, а также выступало признаком затворничества и неравноправия с мужчинами [19, с. 79]. Что было крайне ложным суждением. В связи с этим, как в Крыму, в Средней Азии, так и в других регионах, где традиционно носили женское покрывало, проходила пропагандистская кампания «худжум» («наступление»). Ее целью являлась активная борьба с этим типом женской одежды [30, с. 7]. Так, У. А. Боданинский попытался определить перспективы развития крымскотатарского костюма с учетом нового советского быта. делая упор на необходимой смене «экономически и утилитарно необоснованных вещей», например, барашковой шапки на современные ему и более доступные, дешевые виды одежды (кепи, шляпы) либо вообще предлагал отказаться от некоторых традиционных элементов костюма (например, женское покрывало, ювелирные украшения) [3, с. 316, 323; 10, л. 25].

В итоге, женское покрывало типа «фередже» («паранджа») к 20-м гг. XX в. у крымских татарок перестало быть одним из основных элементов уличного костюма горожанок, которые взамен этому компоненту при выходе на улицу стали отдавать предпочтение только головным уборам. Например, богатые крымскотатарские женщины Бахчисарая в середине 1920-х гг. часто заменяли белое верхнее покрывало большим цветным платком «баш-явлук», который набрасывался поверх шапочки «фес», при этом края платка могли скрывать на три четверти лицо его обладательницы [24, с. 11; 17, с. 214].

Несмотря на происходившие изменения, в этот период верхние покрывала типа «фередже» продолжали использоваться на территории полуострова в обрядовых целях. Например, у крымских татарок они еще сохраняли свое назначение обрядового покрывала, ими могли укрывать невесту во время бракосочетания и при переезде новобрачной в дом будущего мужа [5, с. 118].

Верхнее покрывало типа «фередже» развивалось в соответствии с идеологическими и социальными нормами жизни общества. Рассмотрим религиозную и светскую составляющую бытования данного компонента традиционного костюма и проблему покрытия женских волос.

В исламской традиции «хиджаб» означает сокрытие всего женского тела, кроме овала лица и кистей рук, непрозрачной, чтобы не было видно очертания фигуры и цвет кожи, необлегающей плотно тело (особенно в области груди, талии и бедер) и непривлекающей внимание противоположного пола тканью ярким цветом, а иногда и однотонного черного, который также мог выделять женщину из толпы. Таким образом, любая подобная одежда могла считаться хиджабом (покрытием). Важная часть компонента костюма – правильно надетый платок, мусульманки носят его так, чтобы были закрыты голова и шея, при этом волосы не должны выглядывать или просвечиваться через ткань. В христианской традиции также уделено особое внимание проблеме покрытия женщиной головы и особенно волос, что помогает раскрыть более детально суть вопроса. Считается, что верхнее женское головное покрывало – знак, свидетельствующий о власти мужчины над женщиной, который

не является только свидетельством самого факта замужества (1Kop.11:10). Покрыв голову, женщина-христианка показывает, что не стремится стать главой в семье, а принимает мужа как главу не по его заслугам или своим рассуждениям, она подчиняется Божьей иерархии и установлению Бога. Нежелание покрывать голову в знак подчинения мужу, по Писанию является таким же постыдным поступком, как и стрижка волос. Если женщина в традиционной христианской общине выходила без покрывала за пределы своего дома, она рисковала потерять свою репутацию. Кроме того, сама природа подсказывает женщинам скоростью роста, пышностью и длиной волос, которые бы являются как естественным покрытием, на необходимость самого факта покрытия головы, В отличие от мужчин, волосы которых растут медленнее, чтобы показать, что их головы должны быть открытыми перед Богом.

Женские пышные, простирающиеся иногда до пят, волосы являются одновременно и признаком добродетели, и элементом притягательности и соблазна,

Рис. 5. Халатообразное наплечное покрывало «в рукава» типа «фередже». «Татарка». 1803 г. А. де Палдо // Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду.— СПб., 1803.— Ч. 1.

поэтому женщина должна закрываться от посторонних взоров дополнительным большим покрывалом для головы, которое должно было окутывать ее фигуру и прятать ее волосы и красоту от посторонних, особенно при посещении храма. Об этом говорится как в Библии: «Всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головой, постыжает свою голову» (1Кор.11:5), так и в Коране: «Пусть они (верующие женщины) не выставляют напоказ своих прикрас, за исключением тех, которые видны (то есть овала лица и кистей рук), и пусть прикрывают своими покрывалами вырез на груди ...» (Коран, 24:31). В Святом Писании в послании Павла к Коринфянам также говорится, что «если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала» (1Кор.11:13-15), чтобы она как более слабая и требующая защиты, признала необходимость покрытия и сохранения чести и достоинства. А «...если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется, а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается» (1Кор.11:6), так как при стрижке или бритье волос она становилась похожей на мужчину, что являлось недопустимым в христианской общине и считалось признаком падшей женшины, которая не признает традиций и общественных норм, не считает, что волосы - это честь для нее, если она не стесняет себя никакими правилами приличия, если ей все равно - то пусть острижет или обреет свою голову. Отметим, что рассмотренных выше общепринятых норм относительно обязательного и добровольного покрытия женщин в храме, в общественных местах и в присутствии посторонних мужчин, а также понятия греха у греков Коринфа времени апостола Павла (51 г. от Р.Х.), возможно, еще не было.

Следовательно, общая проблема покрытия и вопрос о женских длинных волосах в христианской традиции перекликается с положениями в иудаизме и исламе, в последнем – волосы, как известно, являются частью женского аурата, они являются источником привлекательности для противоположного пола и поэтому должны быть покрыты. В христианстве это видимый знак, принятый в традиционном обществе для того, чтобы напоминать людям о Божественном порядке во взаимоотношениях как между мужчиной и женщиной, так и супругами. В Писании об этом сказано следующее: «Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог» (1Кор.11:3). Не перечеркивая равное положение мужа и жены перед Богом, покрытие головы является свидетельством повиновения, ведущим к славе или позору в духовном мире. «Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия, а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа: и не муж создан для жены, но жена для мужа» (1Кор.11:7-9). Причем, добровольное покрытие головы женщиной является знаком повиновения перед определенной высшей властью и выступает свидетельством не только для видимого мира, но и, как утверждает апостол Павел, «знаком для Ангелов» (1Кор.11:10), то есть свидетельством для невидимого духовного мира, что покрытую женщину нужно защищать, если она чтит и не пренебрегает законами Бога, смиренна Его воле и тем самым «наследует спасение» (Евр. 1:14). Укажем, что женщина-мусульманка может не покрываться по возможности перед женщинами-мусульманками, а также близкими родственниками-мужчинами (отцом, братом, сыном и т.д.), за которых

нельзя выходить замуж (махрабами), и своим супругом. Перед остальными мужчинами-немахрамами, а также женщинами из других конфессий, чтобы те не смогли описать внешность мусульманки другим людям, она должна закрывать все свое тело, оставляя открытыми лишь лицо и кисти рук. Покрытие головы замужних женщин у восточных славян согласно христианской традиции было распространенным обычаем, и даже в момент траура оно также выступало знаком покорности и подчинения мужу.

У восточных славян (украинцев, русских, белорусов), как и у тюркских народов, в частности у крымских татар, покрытие головы находится в тесной связи с верованием, что волосы имеют магическую силу, и судьба человека, его жизнь зависит от собственных волос. Женщины опасаясь, что их волосы могут стать предметом колдовства и сглаза, не обстригали их. Согласно славянским народным поверьям, если женщины открывали волосы на улице, то могли в пасмурный день разогнать тучи и навлечь засуху или падеж скота. Эти верования были схожи с языческими запретами [9, с. 26-27]. Один из известных советских этнографов Д. Зеленин также специально исследовал символику женских причесок и головных уборов, в своем труде 1926 г. ученый проследил эволюцию вида и функций женских головных уборов и выразил мнение, что открытые волосы – символ девичества, а появление головных уборов было обусловлено двумя факторами (биологическим, возникла необходимость перевязывать длинные волосы магическим, где головной убор служил оберегом от нечистой силы и сглаза) [14, с. 555]. Н. И. Гаген-Торн в статье «Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах восточной Европы» высказала мнение, что головной убор символизировал подчиненное положение женщины. В связи с тем, что женские волосы наделены большой магической силой, то их необходимо было прикрывать во время сважебного обряда, чтобы они не мешали другому роду и не принесли вреда [7, с. 78–80].

К обычаю закрывания (сокрытия) женщины привели не только народные верования в магическую силу волос, но и широко известный обычай избегания (сокрытие от всех посторонних мужчин и даже от родственников мужа), регламентирующий правила поведения молодых женщин в обществе, особенно в первые годы замужества. Сразу возникает вопрос, были ли возрастные ограничения в использовании верхнего уличного покрывала у крымских татар в исследуемый период? В христианской традиции, согласно апостолу Павлу, известно, что покрывало – это знак покрова мужа над женой, поэтому из контекста видно, что девушка может не покрывать своей головы. Эта традиция прослеживается и в бытовании открытых головных уборов среди девочек и девушек у восточных славян (украинцев, русских, белорусов). Однако в Церкви есть благочестивая традиция покрывать голову и девушкам по примеру матери Иисуса Христа, которая, оставаясь Девой, покрывала голову в знак смирения (большинство изображений Пресвятой Богородицы подтверждает этот факт), поэтому в храме даже девушки были покрывать голову. Многие исследователи отмечают, должны крымскотатарские женщины могли носить верхнее покрывало 30-40 лет, то есть «фередже» не приходилось шить слишком часто. Первое верхнее покрывало шили девочке к 12–14 годам [29, с. 399], когда активизировалась репродуктивная функция, а затем одно-два — для замужних женщин, то есть за весь период жизни у женщины могло быть всего несколько повседневных и одно праздничное покрывало типа «фередже».

Puc. 6. Турецкая женщина в уличном покрывале. г. Стамбул. 1830-е гг. //
Turkish lady, in the yashmak or veil
[Электронный ресурс] // Curzon R.
Visits to Monasteries in the Levant.—
London: Humphrey Milford, [1865 /
1916].— URL: http://eng.travelogues.gr/
item.php?view=37946 (дата
обращения 01.02.2018).

Традиционное ношение исследуемого типа одежды у крымских о рациональности говорит использования данного покрывала и лицевого платка, что свидетельствовало заботливом отношении семьи к женщине как к представительнице слабого пола, особенно беременной, и к ребенку, как к хрупкому и наиболее нуждающемуся в защите, так как представляло покрывало подобное собой элемент выходной одежды не только женщины, но часто и ее грудного ребенка. Благодаря своей халатообразной форме и способу ношения, при котором «фередже» набрасывалось на плечи и голову, женщине было удобно выходить из дома с ребенком на руках. Причем, лицевой платок, спускающийся головы на грудь, позволял женщине свободно кормить ребенка даже во время выезда за пределы своего населенного пункта (длительной поездки) либо на улице в условиях городской суеты и в присутствии посторонних. Верхнее покрывало и лицевой платок для женщины и ее ребенка выступали также средством защиты от болезнетворных микробов, особенно во время эпидемий [30, с. 11]. Таким образом, «фередже» и «яшмак» защищали мать и ребенка не только от холода или жары в зависимости от

времени года, но и от различных инфекций во время пребывания за пределами своего дома или двора, создавая тем самым необходимый обоим комфорт и покой.

В верхнем покрывале крымских татар использовалась прочная ткань и особый широкий покрой, которые соответствовали общим этическим нормам и делали эту одежду пригодной к природно-климатическим условиям конкретного региона полуострова [30, с. 11] (рис. 4, 5). Так, «фередже»/«паранджа» женщин степной

части Крыма не только защищало их от холода зимой во время дальних поездок, но также от воздействия ветра, палящего солнца и пыли летом [31]. Кроме того, покрывало способствовало лучшей сохранности более дорогих элементов костюма (платья, пояса, головного убора), которые скрывало «фередже».

Особенности использования данного покрывала ярко прослеживались в свадебных обычаях и обрядах, регламентирующих поведение невесты, а затем и молодой жены в доме супруга в первые годы замужества. Известно, что во время свадьбы на крымскотатарскую невесту, а затем в период до появления первого ребенка на молодую женщину набрасывали верхнее покрывало, чтобы скрыть ее фигуру и лицо. Причина подобного сокрытия новобрачной заключалась в народных представлениях, согласно которым вступающих в брак, и в первую очередь невесту, следовало уберечь от возможных действий злых сил, которые могли угрожать ей со стороны окружающих. Особое значение также придавалось закрыванию волос, что расценивалось как магическая функция, восходящая к представлению о связи волос с силами плодородия. У крымских татар считалось, что покрывание головы платком способно предотвратить возможность дурного воздействия через волосы на женщину как на продолжательницу рода. В силу магических представлений рот, нос и уши также являлись объектами сокрытия, поскольку считалось, что через эти органы чувств также может влиять неведомая злая сила. Поэтому для прикрывания лица использовались платки «яшмак», а также края верхнего покрывала или рукава.

Любопытно отметить, что во время свадебного обряда строго выполнялось предписание, в соответствии с которым в дом будущего мужа новобрачная отправлялась именно в покрывале и лицевом платке, полностью покрывавших ее фигуру с головы до ног. Тем самым женскому покрывалу типа «фередже» в свадебном обряде также отводили одну из самых важных функций – роль оберега как сокрытия и завесы от сглаза и недоброжелательного влияния окружающих. Кроме того, о его предназначении и необходимости говорит и тот факт, что «фередже» не только являлось одним из обязательных элементов наряда невесты, но также часто входило в состав ее приданого, символизируя, как и само понятие замужества, уход невесты из родительского дома и дальнейшую ее жизнь уже в новой семье супруга.

Заметим, что девушке брачного возраста либо замужней женщине детородного возраста в повседневной жизни выходить далеко за пределы дома без веского на то повода было весьма нежелательно. Это позволялось им лишь в случае крайней необходимости, например, для того, чтобы навестить родственников или знакомых, посетить общественные места — баню, базар, водный источник, а также места проведения обрядовых церемоний [12, с. 149]. На это время покрывало и часто вместе с ним лицевой платок становились для них обязательными элементами уличного костюма. В данном случае само традиционное покрывало «фередже» и светлые и неяркие тона материи (белый, кремовый), из которых оно шилось, по народным поверьям и представлениям символизировало женскую скромность, чистоту, добродетель и целомудрие. Подобная норма приветствовалась среди городского и сельского населения. Таким образом, покрывало полностью закрывало фигуру женщины при выходе из дома, как бы сообщая окружающим, что она

находится в пределах своего — женского пространства, предназначенного ей традицией, которое символически заменяло стены ее дома, защиту мужа, где покрывало являлось территорией ее безопасности. В этом контексте, с точки зрения апотропейной функции, «фередже» и дом взаимно заменяли друг друга [30, с. 11].

Напомним, что появление женщины в покрывале чаще было нормой и традицией именно в городе, где горожанки пользовались такими покрывалами практически ежедневно. В сельской местности подобная одежда обычно использовалась в зажиточных семьях либо надевалась в исключительных случаях (во время участия в празднествах и обрядовых церемониях, а также при дальних поездках) [19, с. 78]. Вследствие этого верхние покрывала получили более широкое распространение лишь в городах и близко расположенных к ним селениях. Использование же верхнего покрывала типа «фередже» в данном случае становилось более формальным. Такое явление можно объяснить тем, что в сельских районах, если женщина находилась за пределами своего дома, она все равно оставалась среди своих односельчан и в рамках своей общины, где не требовалось постоянно использовать такое покрывало или лицевой платок в повседневном быту. Город, наоборот, ассоциировался с миром «чужих», где жизнь проходила среди посторонних людей, именно поэтому при выходе на улицу женщины в городе чаще надевали подобную верхнюю накидку, скрывающую полностью их фигуру, что позволяло сохранять им свою неуязвимость от внешнего негативного влияния посторонних [30, с. 12]. Таким образом, можно предположить, что покрывало «фередже» и платок «яшмак», с одной стороны, скрывали женшинугорожанку от посторонних взоров, а с другой, отличали ее от сельских женщин. В предгорных и южнобережных сельских районах Крыма данный обычай сокрытия фигуры и лица с помощью верхнего покрывала типа «фередже» и дополнительного платка не наблюдался или использовался частично (покрывало без лицевого платка, сокрытие лица с помощью широких рукавов «фередже» или края верхнего покрывала). К последней трети XIX - началу XX вв. в городах из обихода практически исчез лицевой платок, а вместо верхних покрывал при выходе на улицу женщины использовали только головные уборы (платки и шарфы). В связи с этим, лицо и общие очертания женской фигуры стали открытыми, а уличный костюм женщин оказался более упрощенным и включал в себя головной убор (шарф, фес), одежду, скрывающую шею и грудь (нагрудник), запястья рук (длинные рукава, манжеты) и щиколотки ног (шаровары, носки или чулки).

Как видно, обычай использования верхнего покрывала типа «фередже» с лицевым платком или без него у женщин крымских татар сохранялся на протяжении всего рассматриваемого периода. В Крыму существовало два варианта подобных халатообразных верхних покрывал — наплечное и наголовное. Формирование уличного костюма женщин, в состав которого входило верхнее покрывало и лицевой платок, — процесс сложный и длительный. Развитие верхнего покрывала типа «фередже» на территории полуострова происходило от элемента праздничного (одежда «фередже» богатых горожанок или часть свадебного костюма невесты) до повседневного наряда, который широко использовался женщинами в городах Крыма и лишь в особых случаях применялся в быту сельских

женщин. В первую очередь, это было связано с общими традиционными представлениями о защитных свойствах самого покрывала и лицевого платка, а также с его утилитарным предназначением.

Таким образом, в традиционном крымскотатарском обществе женское уличное халатообразное покрывало типа «фередже» – важный дополнительный компонент в одежде – выполняло защитную функцию, выступало символом чести и достоинства, а также свидетельствовало об иерархической подчиненности по отношению к мужчине и Богу. С подобным покрывалом на голове женщина могла ходить всюду в безопасности и глубоком уважении, ведь ее не было видно, причем наблюдать на улице за женщиной, одетой в верхнее покрывало, также было признаком крайне плохого тона. Женщина в покрывале становилась одинокой, все другие люди не существовали для нее, как и она для них. А женщину без покрывала мог оскорбить всякий и словом, и помыслами, поэтому честь и достоинство женщины исчезали вместе с покрывалом, если она его сбрасывала перед чужими людьми.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Неизвестный Владимир Гордлевский: крымоведческие страницы деятельности // Крымское историческое обозрение. – 2017. – № 1. – С. 43–56, 1 л. ил.

Nepomnyashchiy A. A. Neizvestnyj Vladimir Gordlevskij: krymovedcheskie stranicy dejatel'nosti // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2017. – № 1. – S. 43–56, 1 l. il.].

- 2. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические.— М., 1994.— 298 с. Bibliya. Knigi svyashchennogo pisaniya vetkhogo i novogo zaveta: kanonicheskie.— М., 1994.— 298 с.
- 3. Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение крымских татар // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма / ред.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен: в 2 ч.— Симферополь: Таврия-Плюс, 2004.— Ч. 1.— С. 309—333.

Bodaninskii U. A. Arkheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie krymskikh tatar // Khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma / red.-sost. M. A. Aradzhioni, A. G. Gertsen: v 2 ch.– Simferopol': Tavriya-Plyus, 2004.– Ch. 1.– S. 309–333.

4. Бонч-Осмоловский Г. А. Крымские татары: Этнографический очерк // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма / ред.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен: в 2 ч.— Симферополь: Таврия-Плюс, 2004.— Ч. 1.— С. 334—347.

Bonch-Osmolovskii G. A. Krymskie tatary: Etnograficheskii ocherk // Khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma / red.-sost. M. A. Aradzhioni, A. G. Gertsen: v 2 ch.– Simferopol': Tavriya-Plyus, 2004.– Ch. 1.– S. 334–347.

5. Бонч-Осмоловский Г. А. Брачные обряды татар горного Крыма // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / авт.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен.— Симферополь: Доля, 2005.— С. 97–123.

Bonch-Osmolovskii G. A. Brachnye obryady tatar gornogo Kryma // Krymskie tatary: Khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture / avt.-sost. M. A. Aradzhioni, A. G. Gertsen.– Simferopol': Dolya, 2005.– S. 97–123.

- 6. Воропонов Ф. Среди крымских татар // Вестник Европы. 1888. Т. 2. Кн. 3. С. 148—179. Voroponov F. Sredi krymskikh tatar // Vestnik Evropy. 1888. Т. 2. Кп. 3. S. 148—179.
- 7. Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах восточной Европы // Советская Этнография. 1933. № 5–6. С. 76–88.

Gagen-Torn N. I. Magicheskoe znachenie volos i golovnogo ubora v svadebnykh obryadakh vostochnoi Evropy // Sovetskaya Etnografiya. – 1933. – № 5–6. – S. 76–88.

8. Гермоген. Таврическая епархия. – Псков: Тип. Губ. Правления, 1887. – 520 с. Germogen. Tavricheskaya eparkhiya. – Pskov: Tip. Gub. Pravleniya, 1887. – 520 s.

9. Грицюк О. Символіка жіночого волосся в традиційних віруваннях та обрядах українців / О. Грицюк, І. Ігнатенко // Етнічна історія народів Європи: зб. наук. праць.— Київ, 2014.— Вип. 44.— С. 23...29

Gry`cyuk O. Sy`mvolika zhinochogo volossya v trady`cijny`x viruvannyax ta obryadax ukrayinciv / O. Gry`cyuk, I. Ignatenko // Etnichna istoriya narodiv Yevropy`: zb. nauk. pracz`.— Ky`yiv, 2014.— Vy`p. 44.— S. 23–29.

10. Дневник У. Боданинского. Экспедиция июнь-август 1925 г. // Фонды ГБУ РК «БИКАМЗ».— Н/В 11763.— 60 л.

Dnevnik U. Bodaninskogo. Ekspeditsiya iyun'-avgust 1925 g. // Fondy GBU BIKAMZ.- N/V 11763.-601.

11. Домбровский Ф. М. Очерк хозяйственного быта татар степной полосы Крыма // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / авт.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен.— Симферополь: Доля, 2005.— С. 159–170.

Dombrovskii F. M. Ocherk khozyaistvennogo byta tatar stepnoi polosy Kryma // Krymskie tatary: Khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture / avt.-sost. M. A. Aradzhioni, A. G. Gertsen.—Simferopol': Dolya, 2005.—S. 159–170.

12. Дмитриевский М. Картина Крыма или краткое описание татар и других народов в Таврии живущих // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / авт.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен.— Симферополь: Доля, 2005.— С. 140–153.

Dmitrievskii M. Kartina Kryma ili kratkoe opisanie tatar i drugikh narodov v Tavrii zhivushchikh // Krymskie tatary: Khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture / avt.-sost. M. A. Aradzhioni, A. G. Gertsen.— Simferopol': Dolya, 2005.— S. 140–153.

13. Желтухіна О. А. Археологічні та етнографічні експедиції Бахчисарайського музею в 1920-і роки // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка.— Серія: «Історія».— Київ, 2003.— Вип. 67.— С. 11–16.

Zheltukhina O. A. Arkheologichni ta etnografichni ekspeditsiï Bakhchisarais'kogo muzeyu v 1920-i roki // Visnik Kiïvs'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka.— Seriya: «Istoriya».— Kiïv, 2003.— Vip. 67.— S. 11–16.

14. Зеленин Д. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia.- Praha, 1927.- R. 5.- Sec. 3.- Kap. 8-13.- S. 535-556.

Zelenin D. Zhenskie golovnye ubory vostochnykh (russkikh) slavyan // Slavia.- Praha, 1927.- R. 5.- Sec. 3.- Kap. 8-13.- S. 535-556.

15. Иванова Е. Путевые воспоминания о Крыме, 1886 г. – М.: тип. П. В. Васильева, 1889. – 42 с.

Ivanova E. Putevye vospominaniya o Kryme, 1886 g.- M.: tip. P. V. Vasil'eva, 1889.- 42 s.

16. Коран. Сура 24 «Ан-Нур», аят 31; Сура 33 «Аль-Ахзаб», аят 59.

Koran. Sura 24 «An-Nur», ayat 31; Sura 33 «Al'-Akhzab», ayat 59.

17. Крачковская В. Татарское искусство и быт в Крыму // Восток. – 1925. – Кн. 5. – С. 213–216.

Krachkovskaya V. Tatarskoe iskusstvo i byt v Krymu // Vostok.- 1925.- Kn. 5.- S. 213-216.

18. Куфтин Б. А. Южнобережные татары Крыма // Крым. – 1925. – № 1. – С. 22–31.

Kuftin B. A. Yuzhnoberezhnye tatary Kryma // Krym. – 1925. – № 1. – S. 22–31.

19. Лобачева Н. П. К истории паранджи // Этнографическое обозрение. — 1996. — № 6. — С. 78—92. Lobacheva N. P. K istorii parandzhi // Etnograficheskoe obozrenie. — 1996. — № 6. — S. 78—92.

20. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. – Киев: Стилос, 2006. – 512 с.

Markov E. L. Ocherki Kryma: Kartiny krymskoi zhizni, istorii i prirody.- Kiev: Stilos, 2006.- 512 s.

21. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921—1945).— Симферополь: Антиква, 2015.— 936 с.— (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Nepomnyashchiy A. A. Istorija i jetnografija narodov Kryma: bibliografija i arhivy (1921–1945).– Simferopol': Antikva, 2015.– 936 s.– (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i jekonomike Rossii»; «Biobibliografija krymovedenija»; vyp. 25)..

22. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки / под ред. А. А. Непомнящего.— Симферополь: Таврия, 2004.— 212 с.— (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 2).

- Musaeva U. K. Podvizhniki krymskoi etnografii, 1921–1941: Istoriograficheskii ocherk.— Simferopol': Tavriya, 2004.— 212 s.— (Biobibliografiya krymovedeniya; Vyp. 2).
- 23. Мусаева У. К. Народный учитель: документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя У. Боданинского.— Симферополь: СГТ, 2007.— 239 с.— (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 9).
- Musaeva U. K. Narodnyi uchitel': dokumental'nyi ocherk deyatel'nosti vydayushchegosya krymskotatarskogo prosvetitelya U. Bodaninskogo.— Simferopol': SGT, 2007.— 239 s.— (Biobibliografiya krymovedeniya; Vyp. 9).
- 24. Никольский П. В. Бахчисарай: Культурно-исторические экскурсии.— Симферополь: КРЫМОХРИС, 1924.— Вып. 2.— 50 с.
- Nikol'skii P. V. Bakhchisarai: Kul'turno-istoricheskie ekskursii.— Simferopol': KRYMOKHRIS, 1924.— Vyp. 2.— 50 s.
- 25. Нишаева Ф. Р. Этнографическая экспедиция по Крыму 1925 г. в документах из фонда библиотеки БГИКЗ // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования.— Симферополь, 2002.— С. 367–371.
- Nishaeva F. R. Etnograficheskaya ekspeditsiya po Krymu 1925 g. v dokumentakh iz fonda biblioteki BGIKZ // Etnografiya Kryma XIX-XX vv. i sovremennye etnokul'turnye protsessy: materialy i issledovaniya.— Simferopol', 2002.— S. 367–371.
- 26. Пассек Т. Приезд в Бахчисарай. Увеселения и обычаи татарок // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен.— Симферополь: Доля, 2005.— С. 365–369.
- Passek T. Priezd v Bakhchisarai. Uveseleniya i obychai tatarok // Krymskie tatary: Khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture / sost. M. A. Aradzhioni, A. G. Gertsen.— Simferopol': Dolya, 2005.— S. 365–369
- 27. Покрывало «фередже» уличное // Фонды ГБУ РК «БИКАМЗ», Бахчисарай.— Отдел «История».— Группа «Ткани».— КП 281.— Инв. № Т 188.
- Pokryvalo «feredzhe» ulichnoe // Fondy GBU BIKAMZ, Bakhchisarai.— Otdel «Istoriya».— Gruppa «Tkani».— KP 281.– Inv. № T 188.
- 28. Покрывало «фередже» уличное // Фонды ГБУ РК «БИКАМЗ», Бахчисарай.— Отдел «История».— Группа «Ткани».— КП 282.— Инв. № Т 189.
- Pokryvalo «feredzhe» ulichnoe // Fondy GBU BIKAMZ, Bakhchisarai.— Otdel «Istoriya».— Gruppa «Tkani».— KP 282.— Inv. № T 189.
- 29. Радде Γ . И. Крымские татары // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / авт.-сост. М. А. Араджиони, А. Γ . Герцен.— Симферополь: Доля, 2005.— Γ 397–401
- Radde G. I. Krymskie tatary // Krymskie tatary: Khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture / avt.-sost. M. A. Aradzhioni, A. G. Gertsen.—Simferopol': Dolya, 2005.—S. 397–401.
- 30. Рахимов Р. Р. «Завеса тайны» (о традиционном женском затворничестве в Средней Азии) // Этнографическое обозрение. ~ 2005 . № 3. $\sim C$. 4 ~ 19 .
- Rakhimov R. R. «Zavesa tainy» (o traditsionnom zhenskom zatvornichestve v Srednei Azii) // Etnograficheskoe obozrenie. 2005. №3. S. 4–19.
- 31. Непомнящий А. А. Крымское библиографическое общество: из истории крымоведения // Библиография и книговедение.—, 2017.—№ 2.— С. 100–104.
- Nepomnyashchiy A. A. Krymskoe bibliograficheskoe obshhestvo: iz istorii krymovedenija // Bibliografija i knigovedenie.— a, 2017.— № 2.— S. 100–104.com/catalogue/100/ora-016.jpg [data obrashcheniya 01.02.2018].
- 32. Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII начала XX вв.: историкоэтнографическое исследование. – М.: Наука, 2000. – 104 с.
- Roslavtseva L. I. Odezhda krymskikh tatar kontsa XVIII nachala XX vv.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie.– M.: Nauka, 2000.– 104 s.
- 33. Эминов Р. Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив.– № 2(24).– 2011.– С. 48–64.
- Eminov R. R. Pervyi natsional'nyi muzei krymskikh tatar // Vostochnyi arkhiv.– N 2(24).– 2011.– S. 48–64.

Grushetskaia V. A. The traditional female topcoat in the form of a smock in the village of Ai-Ceres – the valuable additional component costume of the Crimean Tatars: on materials collection of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve

Analysis of the topcoat «feredzhe» in the form of a smock as a part of the traditional street female costume of the Crimean Tatars in the Crimean peninsula at the XIXth centuries was produced in the article. The main subtypes and variations of it's the elements of costume, the exhibits of which are in the funds of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve, were considered. Its exhibits by the museum in 1925 in the village of Ai-Ceres during the ethnographic expedition of U. A. Bodaninsky – director of the State Palace and Museum of the Turkic and Tatar's Culture in the Bakhchisaray were purchased. The role of U. A. Bodaninsky (1877–1938) and B. A. Kuftin (1892–1953) as the investigators of the traditional costume of Crimean Tatars in studying of this point in question was defined. The chronological stages of its development were analyzed. The main stages of its development, design features and functional significance were considered, the evolutionary development of the topcoat «feredzhe» in the form of a smock was analyzed. The aspects of its using in the conclusions were formulated.

Keywords: Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve, the State Palace and Museum of the Turkic and Tatar's Culture in the Bakhchisaray, U. A. Bodaninsky, B. A. Kuftin, the traditional costume of the Crimean Tatars, ethnographic exhibits, the Topcoat «Feredzhe»

УДК 908:929

«УЧИТЕЛЬ В САМОМ ЛУЧШЕМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА»: ЖИЗНЬ И СУДЬБА ДОЦЕНТА КОНСТАНТИНА ИВАНОВИЧА ТОДОРСКОГО

Задерейчук А. А., Калиновский В. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Санкт-Петербургский гос. университет

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация e-mail: zadereychuka@mail.ru e-mail: v.kalinovskyi@yandex.ru

Рассмотрена деятельность доцента Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе К. И. Тодорского. На широкой базе архивных источников раскрываются основные этапы жизненного пути педагога и ученого. Используя выявленные метрические свидетельства, уточняется дата рождения. По материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга восстанавливается период обучения К. И. Тодорского на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В статье впервые публикуются фотографии и документы, связанные с периодом обучения. Впервые освещен период работы молодого педагога К. И. Тодорского в Симферопольской мужской казенной гимназии и других средних учебных заведениях г. Симферополя. Характеризуется первоначальный этап работы К. И. Тодорского в Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе. Оценивается его вклад в решение задач организации педагогической жизни Крыма, а также в становление и развитие в высшем учебном заведении полуострова дисциплины «методика истории». Анализируется общественная деятельность К. И. Тодорского, которая соответственно времени была тесно связана с идеологическими концепциями, активно выдвигавшимися высшим советским руководством. В работе освещен период деятельности в эвакуации, а также в послевоенные годы, которые стали для К. И. Тодорского временем признания его педагогических заслуг. Дано описание научных изысканий доцента К. И. Тодорского.

Ключевые слова: Тодорский К. И., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе, биографика.

В начале сентября 1969 г. директор Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе Александр Федорович Переход получил «товарищеское письмо», присланное из города Ревда Свердловской области [1]. Руководитель высшего учебного заведения не знал автора этого послания — Василия Ивановича Тодорского, однако наверняка слышал о его брате, Константине Ивановиче, который без малого тридцать лет жизни отдал институту. Собственно само письмо к ректору было написано с целью получить любые, даже самые краткие, сведения о брате. Связь между братьями была прервана по причине, которая разрушила не одну семью в нашей стране: в 1937 году Василий Иванович Тодорский был репрессирован. На склоне лет он решил написать воспоминания о своей жизни и трудовой деятельности, посчитав нужным упомянуть в них своего родного брата. Составление ответа В. И. Тодорский просил поручить кому-либо из ответственных помощников директора пединститута. Выбор А. Ф. Перехода пал на декана историко-филологического факультета Веронику Николаевну Кулипанову.

23 сентября 1969 г. она и секретарь факультета Э. Черноног подготовили и представили директору института справку, в которой кратко освещались основные моменты трудовой биографии Константина Ивановича Тодорского, были названы его основные научные работы и полученные награды [2]. Однако ряд фактов из жизни педагога оказался не учтен авторами ответа, отчасти, вероятно, по идеологическим причинам. Таким образом, настоящего времени названная биографическая справка была последней работой, посвященной человеку, без которого невозможно было представить Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе в 20–40-е гг. ХХ в. Мы считаем необходимым исправить эту несправедливость

и отдать дань памяти К. И. Тодорскому. В статье впервые введены в научный оборот материалы личного дела ученого, сохранившиеся в фондах Государственного архива Республики Крым, и документы из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

8 октября 1884 г. в городке Вельск Вологодской губернии (ныне этот населенный пункт входит в состав Архангельской области) в семье Ивана Николаевича и Серафимы Васильевны Тодорских родился сын Константин [3]. Отец будущего педагога был православным священником [4]. Помимо службы в церкви он преподавал в местной женской гимназии Закон Божий. Это во многом предопределило стезю, избранную Константином Ивановичем. Начальное образование он получил в Тотемском духовном училище, а среднее, очевидно, не без влияния отца, – в Вологодской духовной семинарии, где обучался с 1899 по 1905 г. [5]. В аттестате, выданном К. И. Тодорскому в семинарии, имеются только отличные оценки по всем дисциплинам, причем не только богословским, а и по теории русской словесности и истории русской литературы, русской и всеобщей гражданской истории, педагогике и дидактике [6]. Однако стать священником юноше было не суждено, он предпочел этому получение высшего светского образования в столице Российской империи. В родном городе Константин Иванович оставил вдового на тот момент отца и многочисленных братьев и сестер: Александру, Марию, Николая, Пантелеймона, Анну и Василия. [7]

С августа 1906 г. по сентябрь 1910 г. К. И. Тодорский проходил обучение на историческом отделении историко-филологического факультета Петербургского университета. Здесь он прослушал следующие курсы: логика, психология, введение в философию, греческий и латинский языки, методология истории, русская история, история Востока, греческая и римская история, средняя и новая история, история славянских народов, история Византии, история Церкви, история философии, история искусств, введение в языковедение, история русской литературы, история

западноевропейских литератур [8]. Преподавателями Константина Ивановича в Санкт-Петербурге были признанные классики отечественной науки. Так, курс логики читал Николай Онуфриевич Лосский, курс методологии истории – Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, курс русской истории – Сергей Федорович Платонов [9]. Каждое имя уже в ту пору воспринималось как заметное явление в научном мире, соответствующими были и требования преподавателей к студентам, поэтому неудивительно, что К. И. Тодорскому оказалось недостаточно багажа знаний, полученного в Тотьме и Вологде. На смену отличным оценкам пришла другая – «весьма удовлетворительно», однако даже эту неудачу следует считать весьма относительной для увлеченного наукой уроженца Вологодской губернии.

После окончания университета К. И. Тодорский начал работать преподавателем истории и русского языка в коммерческом училище Министерства торговли и промышленности в городе Славянск Харьковской губернии [10]. Однако вскоре молодой педагог решил сменить место работы и перебраться на юг. В июле 1911 г. он ходатайствует перед попечителем Одесского учебного округа о предоставлении ему учительской должности [11]. В архиве отложилась справка, выданная на запрос из Одессы из Санкт-Петербургского университета и датированная 4 августа 1911 г. В ней сообщалось, что за время обучения К. И. Тодорский «ни в чем предосудительном замечен не был» [12]. Такая характеристика, безусловно, давала возможность для успешного продолжения педагогической карьеры.

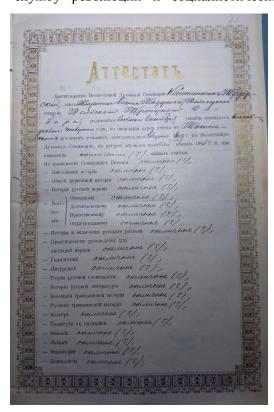
Осенью 1912 г. педагог переехал в Симферополь и устроился на работу в мужскую казенную гимназию, находившуюся в ведении Министерства народного просвещения (ныне это симферопольская гимназия №1 имени К. Д. Ушинского, старейшее учебное заведение в Республике Крым). Сообщение об этом появилось на страницах «Южных ведомостей», одной из крупнейших газет в Таврической губернии. В гимназии Константин Иванович был назначен преподавателем десяти уроков латыни и восьми уроков истории [13].

Активно был вовлечен преподаватель и во внеклассную работу. Так, весной 1913 г. по решению гимназического родительского комитета было запланировано проведение трехдневной экскурсии в Севастополь во время пасхальных вакаций. Предполагалось, что «в целях наиболее продуктивного использования экскурсии научном отношении, присутствующие преподаватели свяжут непосредственные наблюдения с историческими сведениями и дадут учащимся всестороннюю оценку осмотренных особенностей в чисто историческом и научном отношениях». частности, К. И. Тодорский должен был сделать сообщение «относительно истории Севастополя в прошлом в связи с настоящим» [14].

Несмотря на потрясения, которые Крым переживал в годы революции и Гражданской войны, преподавательская деятельность К. И. Тодорского не прерывалась. Работу в гимназии он оставил только 1 декабря 1920 г., вскоре после установления на полуострове советской власти и преобразования учебного заведения в трудовую школу. После этого до 1926 г. он преподавал в симферопольских средних школах русский язык, историю и обществоведение. Эту работу удавалось совмещать сразу с несколькими должностями. Так, он был преподавателем и «главным руководителем русского языка» Военно-кавалерийской школы имени КрымЦИКа (1921–1924 гг.) и преподавателем Крымского рабочего факультета имени товарища Назукина (1921–1931 гг.). На этом отрезке жизни Константин Иванович впервые активно вовлекается в методическую работу в качестве председателя предметной комиссии по русскому языку и объединения предметных комиссий при учебной части [15].

Однако определяющим событием в биографии К. И. Тодорского стало трудоустройство в Крымский университет имени М. В. Фрунзе, произошедшее 1 октября 1922 г. В данный период высшее образование в Крыму переживало кардинальные преобразования, предполагавшие «коренным образом изменить направление преподавания и научно-исследовательской работы, поставив их на службу революции и социалистическому строительству» [16]. Удивительным

Аттестат об окончании Вологодской духовной семинарии.

образом беспартийный преподаватель, к тому же происходивший из духовного сословия, подходил для решения этой задачи. Впрочем, на фоне ухода из Крымского университета профессоров, относившихся к «старой», досоветской, академической науке, и тотального дефицита квалифицированных кадров человек, окончивший классическое высшее учебное заведение, был полезен и необходим.

В первые годы работы университете Константин Иванович преподавал педагогику методику истории, а впоследствии К этому добавилось проведение методической практики. Его научная деятельность была сосредоточена на актуальных для того времени вопросах, что нашло отражение в статьях исследователя, которые были опубликованы в местных изданиях, таких как «Педагогическая жизнь Крыма», «Пути коммунистического просвещения» других. Они были посвящены краеведческой работе школе.

локализации программ по истории, методике преподавания общество-ведения. В автобиографии, написанной в 1949 г., К. И. Тодорский отмечал, что эти публикации «имеют сейчас уже исторический интерес» [17]. В том же документе педагог указывал, что «вопросы дидактики и методики истории всегда привлекали мое главное внимание». В течение 25 лет Константин Иванович преподавал методику истории при полном отсутствии программ и учебников по этой дисциплине, самостоятельно разрабатывая структуру данного предмета. По его мнению, вышедшие в конце сороковых годов XX века программы и учебники по методике истории подтвердили правильность избранного доцентом построения читаемого курса. В очерке истории Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе, опубликованного в 1957 г. и приуроченного к сороковой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, особо отмечалась большая роль и неутомимая энергия в решении задач организации педагогической жизни Крыма «прекрасного педагога и любимца крымских учителей» К. И. Тодорского [18].

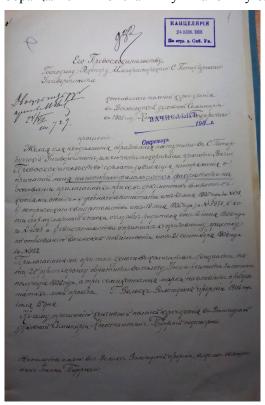
1 февраля 1925 г. Крымский университет был преобразован в Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе. От этого времени, относительно свободного от тотального идеологического диктата в сфере высшего образования (в сравнении с тридцатыми годами XX века), сохранилось несколько артефактов, позволяющих нам представить, какое внешнее впечатление производил на преподавателей и студентов К. И. Тодорский. Это не только несколько десятков фотографий, но и шарж неизвестного авторства, объемно и в ироническом ключе подчеркивающий наиболее яркие внешние черты работы педагога. К. И. Тодорский изображен стоящим за трибуной во время проведения занятия. За ним – небольшой черный портфель и перевязанная кипа книг. На импровизированной доске написана фраза «Бытие определяет сознание», обязательная для того периода цитата из работы Карла Маркса. Преподаватель одет в черный пиджак, напоминающий френч, и черные в белую полоску брюки. На абсолютно безволосой голове (следствие болезни) – черная шапочка, наподобие той, которую носил выдающийся философ и антиковед, профессор Алексей Федорович Лосев. В этом головном уборе, совершенно нехарактерном для «страны победившего социализма», К. И. Тодорский запечатлен на многих снимках 20-40-х годов. На переносице у преподавателя – очки с крупными стеклами, еще один неизменный атрибут Константина Ивановича на протяжении нескольких десятилетий.

Составить представление о манере преподавания педагога помогает издание по истории Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе, вышедшее в 1960 г. Их автор – Сергей Анатольевич Секиринский, доктор исторических наук, профессор, многолетний заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков. Принципиально важно, что ученый в 1938 г. с отличием окончил симферопольское высшее учебное заведение, посещал лекции К. И. Тодорского в пору студенчества, а впоследствии стал его коллегой по кафедре всеобщей истории. С. А. Секиринский так отзывался о своем преподавателе: «Всеобщей любовью студентов пользовался доцент К. И. Тодорский, читавший в институте педагогику, методику истории, а в последние годы жизни – и курс

истории древнего мира. Исключительно скромный человек, К. И. Тодорский не отличался особенным красноречием, лекции он читал ровным глуховатым голосом, но в них было столько человеческой мудрости, простоты и ясности мысли, что они всегда выслушивались студентами с огромным вниманием и интересом» [19]. Приведем еще одну характеристику, данную С. А. Секиринским: «К. И. Тодорский воспитывал у студентов любовь к своей профессии и уважение к детям. Константин Иванович знал каждого студента, его склонности и способности, особенности его характера, его домашние дела. Студенты обращались к Константину Ивановичу за

советом буквально по всем жизненным и бытовым вопросам. Авторитет его в коллективе института был огромен. К. И. Тодорский был учителем в самом лучшем смысле этого слова» [20]. По нашему мнению, последняя фраза — это наивысшая похвала для каждого, кто решил связать свою жизнь с преподавательской деятельностью.

Через без малого шесть лет после начала работы в высшей школе К. И. Тодорский получил научное звание, закрепившее его позиции и авторитет в институте. 26 июня 1928 г. он был утвержден Государственным ученым советом Народного комиссариата просвещения РСФСР в звании доцента. Известно, что еще до войны он начал работу над кандидатской диссертацией по педагогике, но так и не успел завершить работу нал текстом исследования. В документах зафиксировано несколько вариантов диссертации Константина темы Ивановича. Первый из них – «Классноурочная форма организации учебных занятий» (в работе планировалось осветить возникновение и развитие этой формы, а также ее теоретические

Прошение о зачислении в Санкт-Петербургский императорский университет.

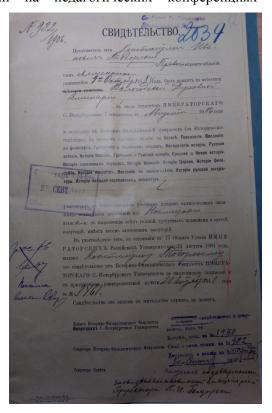
и практические аспекты в советской школе) — фигурирует в автобиографии [21]. Второй вариант — «Повторение в процессе обучения» (с рассмотрением психологии и педагогики повторения и анализом системы и методики уроков повторения в 5–7 классах средней школы) — был назван К. И. Тодорским в «Списке научных трудов и изобретений», заполненном 28 августа 1947 г. [22]. Примечательно, что кандидатские диссертации по педагогике, связанные с тематикой, заявленной

доцентом Крымского пединститута еще в 20–40-е годы XX века, успешно защищаются уже в наши дни.

После решений ЦК ВКП(б), касавшихся организации среднего образования в стране, а особенно в свете постановления «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г., перед кафедрой педагогики Крымского государственного педагогического института была поставлена задача разработки темы «Урок как основная форма организации учебных занятий в советской школе». Исследования под руководством К. И. Тодорского проводились совместно с педагогической лабораторией КрымНаркомпроса. В ходе работ был изучен и обобщен весь опыт, накопленный в этой сфере главным крымским высшим учебным заведением. Результатом многолетних изысканий стал вышедший в 1936 г. сборник «Опыт крымской школы» [23], оказавший большую методическую помощь учителям Крыма.

В довоенное время педагогическая деятельность К. И. Тодорского была тесно сопряжена с общественной работой, направленной на помощь учителям средних школ. Естественно, сказывалось то, что и сам Константин Иванович начинал свой трудовой путь именно в средних учебных заведениях. Доцент Крымского пединститута выступал с докладами на педагогических конференциях и

совещаниях, учительских писал методические письма и инструкции, проводил систематические консультации. Безусловно, данная деятельность была тесно связана с теми идеологическими концепциями, которые активно выдвигались в это время высшим советским Так, руководством. кафедра педагогики руководством под К. И. Тодорского проводила встречи и лекции ДЛЯ красноармейцев краснофлотцев. Среди всех прочих мероприятий, в которых вверенная ему кафедра участвовала накануне Великой Отечественной войны, сам Константин Иванович выделял широкую общественную дискуссию о творческом наследии педагога писателя Антона Семеновича Это Макаренко. обсуждение, проводившееся в СССР спустя год после смерти автора «Педагогической поэмы», в 1940 г., было инициировано центральным партийным руководством. Дискуссия, в которой

Свидетельство об окончании Санкт-Петербургского императорского университета.

приняли участие крымские учителя и родительский актив Симферополя и других городов Крымской АССР, способствовала закреплению фигуры А. С. Макаренко в статусе ведущего советского педагога [24].

15 мая 1934 г. появилось постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором подход к проведению уроков по этой дисциплине признавался Предполагалось неудовлетворительным. перейти OT внедряемых «отвлеченных социологических схем» к связному изложению предмета, «с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат». Все это должно было сформировать у учащихся «марксистское понимание истории» [25]. Главным следствием постановление стало создание исторических факультетов в высших учебных заведениях Советского Союза, в том числе и в Крымском педагогическом институте имени М. В. Фрунзе. К. И. Тодорский по поручению учебной части начал совмещать работу на кафедре педагогики с преподаванием на кафедре всеобщей истории. Он читал лекции по «древней истории», поскольку углубленно занимался этой дисциплиной во время обучения в Петербургском университете [26].

Автобиогрария дожента Аримского Устописия. Инсти УПодорского Ножетантин Иваковия. Podunce 61884 62 Beache Bonordonos of sure Архангискый сын сващений. Образование получи знагальна в Вельской горова учинице, среднее- в Вохогодской буховной сомину вистес- в Ястербургения, на не Ленкирайнет Уногра Уго ононганая Униворентеми в 1911г. по жеторимодель LOT Westony party some my rung and prodom as opende Bamesen zeempon ny rectoro at Gepetrena wetonat, chare 6 Horaneprechen арилицег. Славаной Годонования, по овласт, п датем, соссии 19 Аг. 618 Склидерополино муж сной гиниказии заме в средней зинасти. А.Д. Ужинова. C/92/ no/926s, pasomes & cobemcras coodrane midra ex ela дертопе, преполега ройной об петорот и обществодоте. Pome mow no cooncenumerong, c/8 was 12h do lawny 1931г. баларен довательм вранробреть на тема прини Gen Dilingoniemada rectypo pastry 6 fla reconce apexelon ngedniernkos Honinecue no pyconomy ar 11 ch) Anterese npedag rear Honerocus nou grokani Tacma C1921 noti2h. Ska Apendolameren 29.20 Gerpara processo 29. BAPARICHOT Haberequecto Enchance su Apariliante Сосени 1922. жазавной подогологому разону в Намася

Автобиография доцента Крымского государственного педагогического института К. И. Тодорского.

Специализацией преподавателя на историческом факультете в 30-е годы становится античная история Крыма. Он начинает проводить исследовательскую работу по теме «К вопросу о происхождении и характере рабства в древнегреческих колониях в (на Крыму основании археологических материалов Херсонесского Керченского И музеев)» [27]. Известно, разработке этой проблематики ученый возвращался И после Великой Отечественной войны, однако настоящего времени не выявлено ни публикаций, ни рукописей исследователя, посвященных данной работе.

Еще одним направлением деятельности К. И. Тодорского стала пропаганда исторических знаний среди учителей и населения Крыма. В 30-е годы при его участии при пединституте работал семинар по истории для учителей. Позволим себе еще одну пространную цитату из издания о Крымском пединституте,

вышедшего в 1960 г. В этой книге указано, что «К. И. Тодорский «как бывший учитель, всегда был тесно связан с учительством. В отделах народного образования, в Институте усовершенствования учителей, в школах – всюду были его ученики. Он прибегал к их помощи, если это было нужно институту для организации педагогической практики студентов. В то же время Константин Иванович умело привлекал работников Института усовершенствования учителей к выпуску сборников «Опыт крымской школы» и к другим формам помощи учителям. Константин Иванович справедливо считал, что самыми важными научными работами сотрудников института являются те, которые обращены к учителю» [28].

В 1933—34 гг. К. И. Тодорский исполнял обязанности заместителя директора Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе по научно-учебной части. С осени 1935 г. он был заместителем заведующего кафедрой педагогики, а с 15 марта 1938 г. возглавил это подразделение. 9 июня 1939 г. преподаватель был утвержден в этой должности Всесоюзным комитетом по делам высшей школы (ВКВШ) при Совете народных комиссаров СССР [29]. В 1940 г. по случаю празднования двадцатилетия советизации Крыма Президиум Верховного Совета Крымской АССР за хорошую педагогическую работу наградил Константина Ивановича почетной грамотой. За свою научно-педагогическую деятельность доцент неоднократно был премирован дирекцией и общественными организациями Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе, в том числе с формулировкой «преподаватель-отличник» [30]. Во главе кафедры педагогики К. И. Тодорский находился до 20 сентября 1941 г.

Один из ключевых вопросов биографии педагога - как именно ему удалось пережить время массовых репрессий конца тридцатых годов, учитывая его социальное происхождение, беспартийность и область научных интересов, напрямую зависевшую от партийной идеологии. Ничего не известно о написании К. И. Тодорским доносов, о его участии в кампаниях по проработке коллег и их «идеологически невыдержанных» работ. Это заставляет нас перейти в область предположений и допущений. Возможно, причиной избавления доцента от преследований стал арест его брата, а, как известно, зачастую нужных по какимлибо причинам родственников репрессированных предпочитали не арестовывать (достаточно вспомнить обстоятельства жизни М. И. Калинина, Л. М. Кагановича или В. М. Молотова). Второй возможной причиной может быть покровительство со стороны кого-либо из его учеников, которые могли занимать высокие посты, как на региональном, так и на столичном уровнях. Если эта версия правдива, то можно предположить, что защитником К. И. Тодорского мог быть кто-либо из выпускников Военно-кавалерийской школы имени КрымЦИКа. И, наконец, третья причина получения преподавателем «охранной грамоты» может крыться в специфике кадрового состава, пришедшего в Крымский государственный педагогический институт в тридцатые годы. В большинстве своем это были люди с безупречной (с позиций советской власти) биографией, благонадежные и партийные, но зачастую имевшие слабое представление об академической науке. Такие кадры были довольно далеки от вопросов научной методологии и «бумажной» работы, поэтому им мог пригодиться старательный и исполнительный

коллега, которого в любой момент можно было припугнуть напоминанием о «неподобающих» анкетных данных.

В начале сороковых годов К. И. Тодорским было собрано большое количество материалов, связанных с проблемой повторения в школе. При его организационном участии в средних учебных заведениях Крыма были проведены учетно-обобщающие уроки по всем дисциплинам. Проблему повторения планировалось осветить во всех аспектах: психологическом, историческом, педагогическом и

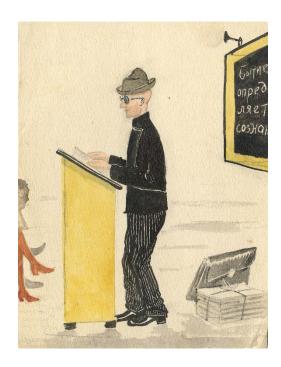
Преподаватели и студенты Крымского университета, 1922 г. Из фондов Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

дидактическом. По итогам исследований был подготовлен новый сборник «Опыт крымской школы». Книга была сдана в печать весной 1941 г., однако в свет так и не вышла из-за начавшейся 22 июня 1941 г. Великой Отечественной войны [31].

Занятия в пединституте Симферополя в первый год вооруженного противостояния Германии и СССР начались в августе. Однако в конце сентября, по мере приближения фронта к Крыму, учебный процесс был прерван. Идти в действующую армию К. И. Тодорский не мог не только по возрасту, но и по состоянию здоровья. Еще в 1921 г. он был снят с воинского учета по причине полной непригодности к военной службе. Как «основной работник института», доцент вместе с другими преподавателями и студентами из Крыма был эвакуирован в Краснодар. Однако здесь по причине болезни он отстал от основного эшелона и не уехал с коллегами и подопечными в Дагестанскую АССР. После выздоровления К. И. Тодорского Краснодарский краевой отдел народного образования направил

его в поселок (ныне – город) Горячий Ключ. Здесь с 1 ноября 1941 г. по 19 августа 1942 г. он работал учителем истории и немецкого языка (в личном листке по учету кадров, заполненном в 1944 г., педагог скромно указал, что хорошо читает и пишет на немецком языке, но слабо говорит. Кроме немецкого, К. И. Тодорский, по его собственному признанию, на должном уровне владел греческим языком и латынью и немного знал английский и французский языки) [32]. Во второй половине августа 1942 г. Кубань была оккупирована нацистской Германией. К. И. Тодорский был выслан этапным порядком в Краснодар. В личном листке по учету кадров, заполненном в 1944 г., он указал, что ушел с краснодарского этапного пункта, «не желая возвращаться в Крым, оккупированный немцами» [33]. В это время педагог нигде официально не работал, зарабатывая на жизнь частными уроками и продажей вещей, и, по собственному признанию, «страшно бедствовал». Напомнили о себе и старые болезни: обострился туберкулез легких. Подлинным спасением для него стало освобождение столицы Кубани – Краснодара – советскими войсками 12 февраля 1943 г. Продолжающаяся война и пребывание на оккупированной немцами территории не стали помехой для трудоустройства К. И. Тодорского в местный вуз. С 15 марта 1943 г. по 12 июня 1944 г. он был доцентом и исполнял обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории Краснодарского государственного педагогического и учительского института имени 15-летия ВЛКСМ (ныне -Кубанский государственный университет). Однако эта работа рассматривалась Константином Ивановичем как временная. Узнав о резвакуации Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе, он принимает решение вернуться в Крым [34].

24 июня 1944 г. К. И. Тодорский вновь стал доцентом и заведующим кафедрой всеобщей истории в симферопольском вузе. Утверждение в последней должности состоялось 23 марта 1945 г., после соответствующего приказа Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) при Совете народных комиссаров СССР. В течение первых двух лет после возвращения в Крым он снова исполнял обязанности заместителя директора института по научно-учебной части [35]. Ухудшающееся состояние здоровья (в послевоенные годы передвигался с помощью тросточки) заставило отказаться от этой должности, но не стало преградой для персональной активности. В это время он обобщает свои педагогические наработки прошлых лет и в 1947 г. публикует работу «Дидактические советы молодому учителю» [36]. Согласно отзыву, помещенному в издании о Крымском государственном педагогическом институте имени М. В. Фрунзе 1960 г., в этой брошюре «можно найти и теоретическое обоснование процесса обучения в школе, и практические советы, как лучше провести урок, вплоть до примерных планов и конспектов уроков на разные темы» [37]. Не останавливалась и преподавательская работа: для студентов исторического факультета Константин Иванович читал курс всеобщей истории [38].

Студенческий шарж на К.И.Тодорского. Из фондов Музея истории Крымского федерального университета им.В.И.Вернадского.

К. И. Тодорский принял участие в вышедшего В 1947 подготовке сборника «Опыт крымской школы», который полностью был посвящен внеклассной работе [39]. По заданию Крымской научно-исследовательской базы Академии наук СССР он начал проводить исследования по крымоведению. Так, была «Тавры полготовлена статья древнейшее население Крыма» [40]. Творческий багаж доцента активно начал пополняться статьями на педагогические темы, такими как «Прогрессивность и научность дидактики К. Д. Ушинского», «К методике урока в начальной и средней школе», «Повторение на уроках истории в начальной и средней школе», «Урок в начальной школе» [41]. Все эти работы были опубликованы в местных изданиях. К. И. Тодорский активно проявил себя во время государственной кампании по пропаганде наследия К. Д. Ушинского, которая развернулась в послевоенном СССР. 3 января 1946 г. выступил на торжественном доцент

заседании ученого совета Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе с докладом «Великий русский педагог К. Д. Ушинский» [42]. В начале того же года было запланировано издание сборника «Ушинский об учебновоспитательной работе». В него предполагалось включить отрывки из важнейших работ основоположника научной педагогики в России, а в качестве послесловия поместить статью Константина Ивановича «Повторение как важнейший дидактический принцип» [43].

На послевоенный период приходится также последняя, но незавершенная попытка К. И. Тодорского переработать и представить к защите текст кандидатской диссертации. Осталась в рукописи небольшая монография «К истории высшей школы в Крыму», которая, по всей видимости, в основном должна была осветить становление Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе [44]. В соответствии с требованиями времени данная работа готовилась к тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции (намеренно используем терминологию тех лет – прим. авт.).

В последний период жизни научное творчество К. И. Тодорского стало напрямую ориентироваться на базовые идеологические установки завершающего этапа правления И. В. Сталина. На фоне охлаждения отношений со вчерашними

Студенты и преподаватели КГПИ, Симферополь 1946 г. (в первом ряду второй справа К. И. Тодорский).

союзниками во Второй мировой войне и зарождавшейся «Холодной войны» доцентом была подготовлена статья «Повторение в процессе обучения в гербартианской и современной американской педагогике» [45]. В большей степени влияние идеологии прослеживается в названии рукописи работы К. И. Тодорского «Войны справедливые и несправедливые в древнем мире в представлении античных писателей и историков (Геродота, Фукидида и Ксенофонта)» [46]. Это название напрямую отсылает к книге, повлиявшей на развитие советской исторической науки. Ее полное и неискаженное название – «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс». В этой работе, которая редактировалась лично И. В. Сталиным, указывалось, что любая война может быть отнесена к одной из категорий: «а) война справедливая, незахватническая, освободительная, имеющая целью либо защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения, либо освобождение народа от рабства капитализма, либо, наконец, освобождение колоний и зависимых стран от гнета империалистов, и б) война несправедливая, захватническая, имеющая целью захват и порабощение

чужих стран, чужих народов» [47]. Проиллюстрировать данный тезис на примере произведений античных авторов и был призван труд Константина Ивановича.

Послевоенные годы стали для К. И. Тодорского временем признания его педагогических заслуг. В 1945 г. за отличную организацию и высокое качество подготовки кадров народного образования он был награжден Министерством просвещения РСФСР значком «Отличник народного просвещения», а в 1946 г. получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.» [48]. Решением исполнительного комитета Крымского областного Совета депутатов тридцатой годовщиной Великой трудящихся связи c Октябрьской социалистической революции 5 ноября 1947 г. Константин Иванович был награжден грамотой [49]. Вручение обосновывалось долголетней и плодотворной научно-педагогической и общественной деятельностью и самоотверженным трудом педагога.

Регулярными стали и благодарности от начальства. 26 марта и 9 апреля 1945 г. Константина Ивановича (в числе других преподавателей) руководители симферопольского высшего учебного заведения (В. М. Боровский и Я. А. Чубуков соответственно) благодарили за добросовестное и активное участие в работах по восстановлению Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе [50]. Известно, что К. И. Тодорский организовывал переноску книг в институтскую библиотеку со склада на окраине города. По мнению авторов работы по истории Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе, изданной в 1960 г., немецко-румынские оккупанты хотели сжечь

Директор Крымского пединститута А. Я. Чубуков.

несколько тысяч томов, однако не успели это сделать из-за спешного отступления под ударами Красной армии. Доцент со студентами вернули эти издания в хранилища института [51].

характеристиках, которые после давались 1945 г. К. И. Тодорскому руководством Крымского пединститута, присутствуют только положительные отзывы. Так, в характеристике, утвержденной партийной организацией высшего учебного заведения и заверенной его директором, профессором Владимиром Максимовичем Боровским, отмечалось, что К. И. Тодорский «имеет большой преподавательский опыт, лекции продуманы, содержательны, методически правильны, вопросах В методики применяет новое в науке. К студентам требователен, строг, требует от них самостоятельности в учебе» [52]. Еще лестной была характеристика. подписанная другим директором Крымского

пединститута, доцентом Яковом Арсеньевичем Чубуковым, 25 октября 1946 г. В ней подчеркивалось, что К. И. Тодорский «работает в Крымпединституте со дня его основания. Являясь старейшим работником института и опытным педагогом, он снискал себе глубокое уважение не только среди работников и студенчества института, но и среди работников и партийно-общественных организаций города» [53]. 20 октября 1947 г. новый директор пединститута Иннокентий Иванович Попов подписался под характеристикой К. И. Тодорского, в которой утверждалось, что «Тов. Тодорский, обладая громадным педагогическим опытом и глубокими знаниями, является постоянным советчиком и руководителем молодых работников педагогического института и при этом не только историков, но и преподавателей и ассистентов других кафедр» [54].

Совсем немногое известно о жизни доцента К. И. Тодорского вне института. Он был женатым, но бездетным человеком. Несмотря на специфику 20–40-х годов, в коммунистическую партию так и не вступил. При этом был членом профессионального союза работников высшей школы. В конце двадцатых годов К. И. Тодорский проживал в Симферополе на улице Фрунзе (дом № 11) [55], а после Великой Отечественной войны переехал на улицу Южную (дом № 10, квартира № 4) [56].

К. И. Тодорский скончался 25 июля 1950 г. В некрологе, появившемся в газете «Красный Крым», отмечалось, что не стало старейшего педагога Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе, вся научно-педагогическая и организаторская работа которого была связана с Крымом. Указывалось, что из 37 лет своей педагогической деятельности, которая была названа «кипучей», 27 лет Константин Иванович отдал именно симферопольскому высшему учебному заведению, был активным участником строительства научно-педагогической системы института. Подписавшиеся под некрологом (а среди них были такие значимые для истории высшего образования в Крыму фигуры как И. И. Попов, Н. А. Лебедев, Ф. С. Загородских, Е. Ф. Скворцов, А. И. Германович, С. Л. Делямуре и др.) так отзывались об умершем коллеге:

«К. И. Тодорский своим примером воспитывал любовь к науке, к педагогической деятельности и своей социалистической родине. Его примеру принадлежит более двадцати трудов по истории и педагогики.

Сотни учителей и научных работников сохранят в памяти живой пример руководителя, умного советчика, товарища, чуткого и сердечного, каким был К. И. Тодорский» [57].

На 26 июля 1950 г. были запланированы похороны педагога. На 5 часов вечера был намечен вынос тела К. И. Тодорского из корпуса педагогического института на улице Ленина, 17 [58]. В свой последний путь доцент отправился из здания, с которым были связаны ключевые события и достижения его жизни. Человек, который всю жизнь провел в тени, сделал шаг в вечность, который в его случае оказался, по большому счету, шагом в безвестность. Его образ остался на старых фотографиях, на страницах изданий по истории высшего образования в Крыму, в памяти учеников.

Многие советские писатели, чей расцвет творчества приходился на период руководства страной И. В. Сталина, публиковали свои многотысячными тиражами, пользовались привилегиями и получали от государства премии, квартиры и дачи. Однако сегодня имена этих авторов известны лишь специалистам-литературоведам, а популярны и читаемы те авторы, которые либо были физически уничтожены, либо находились на задворках официального литературного процесса. Такой была плата со стороны судьбы за личный комфорт и видимое благополучие. К. И. Тодорский прожил нелегкую жизнь и претерпел немало трудностей. Своеобразным воздаянием за это стало признание в конце жизни, выразившееся в официальных наградах. Став частью системы высшего образования в одну из самых неоднозначных и тяжелых для оценок (в том числе нравственных) эпох отечественной истории, он был олицетворением этой эпохи и остался в ней. С другой стороны, ремесло преподавателя напоминает актерское, и память о спектаклях и лекциях жива только среди тех, кто присутствовал на них. В любом случае, жизнь и судьба К. И. Тодорского – это олицетворение противоречивого и значимого этапа в становлении высшего образования в Крыму.

Список использованных источников и литературы

```
1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 21–22.
```

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. R-21, op. 6, d. 18, l. 21–22.

2. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 20.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 20.

3. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 14, оп. 3, д. 46002, л. 4.

Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb), f. 14, op. 3, d. 46002, l. 4.

4. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 3.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 3.

5. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 46002, л. 3.

CGIA SPb, f. 14, op. 3, d. 46002, l. 3.

6. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 46002, л. 2–2 об.

CGIA SPb, f. 14, op. 3, d. 46002, l. 2–2 ob.

7. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 46002, л. 6 об.

CGIA SPb, f. 14, op. 3, d. 46002, l. 6 ob.

8. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 46002, л. 12.

CGIA SPb, f. 14, op. 3, d. 46002, l. 12.

9. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 46002, л. 20-29 об.

CGIA SPb, f. 14, op. 3, d. 46002, l. 20–29 ob.

10. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 1–1 об.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 1–1 ob.

11. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 46002, л. 15.

CGIA SPb, f. 14, op. 3, d. 46002, l. 15.

12. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 46002, л. 14.

CGIA SPb, f. 14, op. 3, d. 46002, l. 14.

13. В учебном мире // Южные ведомости. 1912. № 224. 4 октября.

V uchebnom mire // YUzhnye vedomosti. 1912. № 224. 4 oktyabrya.

14. Экскурсия из Симферополя в Севастополь // Крымский вестник. 1913. $\mbox{$\mathbb{M}$}$ 64(7705). 11 марта.

EHkskursiya iz Simferopolya v Sevastopol' // Krymskij vestnik. 1913. № 64(7705). 11 marta.

15. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 3.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 3.

16. Секиринский С. А. Глава І. На пути к созданию института (1918–1925) // Загородских Ф. С., Секиринский С. А., Зайцев В. Л. История Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе (1918–1959). Симферополь: Крымиздат, 1960. (Известия Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе; Спец. выпуск). С. 12.

Sekirinskij S. A. Glava I. Na puti k sozdaniyu instituta (1918–1925) // Zagorodskih F. S., Sekirinskij S. A., Zajcev V. L. Istoriya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze (1918–1959). Simferopol': Krymizdat, 1960. (Izvestiya Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze; Spec. vypusk). S. 12.

17. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 3 об.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 3 ob.

18. Загородских Ф. С., Зайцев В. Л., Секиринский С. А. Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе: краткий исторический обзор // Известия Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе. 1957. Т. 28: посвященный 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. С. 7.

Zagorodskih F. S., Zajcev V. L., Sekirinskij S. A. Krymskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. M. V. Frunze: kratkij istoricheskij obzor // Izvestiya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze. Simferopol', 1957. T. 28: posvyashchennyj 40-letiyu Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolvucii. S. 7.

19. Секиринский С. А. Кузница педагогических кадров (1925–1941) // Загородских Ф. С., Секиринский С. А., Зайцев В. Л. История Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе (1918–1959). Симферополь: Крымиздат, 1960. (Известия Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе; Спец. выпуск). С. 33.

Sekirinskij S. A. Kuznica pedagogicheskih kadrov (1925–1941) // Zagorodskih F. S., Sekirinskij S. A., Zajcev V. L. Istoriya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze (1918–1959). Simferopol': Krymizdat, 1960. (Izvestiya Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze; Spec. vypusk). S. 33.

20. Там же, с. 34.

Tam zhe, s. 34.

21. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 5.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 5.

22. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 15.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 15.

23. Опыт крымской школы / под ред. В. К. Бебко и Я. М. Сапожникова; Обл. педлаборатория Наркомпроса КрымАССР. Симферополь: Б. и., 1936.

Opyt krymskoj shkoly / pod red. V. K. Bebko i YA.M. Sapozhnikova; Obl. pedlaboratoriya Narkomprosa KrymASSR. Simferopol': B. i., 1936.

24. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 5 об.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 5 ob.

25. О преподавании гражданской истории в школах СССР // Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1934. № 113. 16 мая.

O prepodavanii grazhdanskoj istorii v shkolah SSSR // Izvestiya CIK SSSR i VCIK Sovetov rabochih, krest'yanskih, krasnoarmejskih i kazach'ih deputatov. 1934. № 113. 16 maya.

26. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 3 об.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 3 ob.

27. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 15 об.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 15 ob.

28. Зайцев В. Л. От Дня победы к сорокалетию Октября (1945–1957) // Загородских Ф. С., Секиринский С. А., Зайцев В. Л. История Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе (1918–1959). Симферополь: Крымиздат, 1960. (Известия Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе; Спец. выпуск). С. 82.

Zajcev V. L. Ot Dnya pobedy k sorokaletiyu Oktyabrya (1945–1957) // Zagorodskih F. S., Sekirinskij S. A., Zajcev V. L. Istoriya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze (1918–1959). Simferopol': Krymizdat, 1960. (Izvestiya Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze; Spec. vypusk). S. 82.

```
29. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 5. GARK, f. R-21, ор. 6, d. 18, 1. 5. 30. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 5 об. GARK, f. R-21, ор. 6, d. 18, 1. 5 оb. 31. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 4. GARK, f. R-21, ор. 6, d. 18, 1. 4. 32. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 2. GARK, f. R-21, ор. 6, d. 18, 1. 2. 33. Там же. Тат zhe. 34. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 4 об. GARK, f. R-21, ор. 6, d. 18, 1. 4 оb. 35. Там же. Тат zhe.
```

- 36. Тодорский К. И. Дидактические советы молодому учителю / Крымск. пед. ин-т им. М. В. Фрунзе. Симферополь: Изд. и тип. Крымиздата, 1947. 37 с. (Серия: «Б-ка «В помощь учителю»»). Todorskij K. I. Didakticheskie sovety molodomu uchitelyu / Krymsk. ped. in-t im. Frunze. Simferopol': Izd. i tip. Krymizdata, 1947. 37 s. (B-ka «V pomoshch' uchitelyu»).
- 37. Зайцев В. Л. От Дня победы к сорокалетию Октября (1945–1957) // Загородских Ф. С., Секиринский С. А., Зайцев В. Л. История Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе (1918–1959). Симферополь: Крымиздат, 1960. (Известия Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе; Спец. выпуск). С. 81.
- Zajcev V. L. Ot Dnya pobedy k sorokaletiyu Oktyabrya (1945–1957) // Zagorodskih F. S., Sekirinskij S. A., Zajcev V. L. Istoriya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze (1918–1959). Simferopol': Krymizdat, 1960. (Izvestiya Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze; Spec. vypusk). C. 81.
 - 38. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. A-2306, оп.70, д. 4637, л. 12.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. A-2306, op.70, d. 4637, l. 12.

39. Опыт крымской школы: Внеклассная работа: [сб. статей] / сост. Баккал А. И., Ключевич Р. И.; Крым. ин-т усовершенствования учителей [Крым. обл. отд. нар. образования]. Симферополь: Изд-во и тип. Крымиздата, 1947. 156 с.

Opyt krymskoj shkoly: Vneklassnaya rabota: [sb. statej] / sost. Bakkal A. I., Klyuchevich R. I.; Krym. in-t usovershenstvovaniya uchitelej [Krym. obl. otd. nar. obrazovaniya]. Simferopol': Izd-vo i tip. Krymizdata, 1947. 156 s.

40. ГАРФ, ф. A2306, оп.71, д. 7530, л. 43. GARF, f. A2306, ор.71, d. 7530, l. 43.

41. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 15.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 15.

42. Заседание ученого совета Крымского педагогического института в Госдрамтеатре // Красный Крым. 1946. № 2(7148). 3 января.

Zasedanie uchenogo soveta Krymskogo pedagogicheskogo instituta v Gosdramteatre // Krasnyj Krym. 1946. № 2(7148). 3 yanvarya.

43. «Ушинский об учебно-воспитательной работе» // Красный Крым. 1946. № 6 (7152). 8 января.

«Ushinskij ob uchebno-vospitatel'noj rabote» // Krasnyj Krym. 1946. № 6 (7152). 8 yanvarya.

44. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 5.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 5.

45. Там же.

Tam zhe.

46. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 15 об.

GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, l. 15 ob.

47. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс: Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 г. / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.]: Госполитиздат, 1938. С. 161.

Istoriya Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (bol'shevikov): kratkij kurs: Odobren CK VKP(b). 1938 g. / pod red. Komissii CK VKP(b). [M.]: Gospolitizdat, 1938. S. 161.

```
48. ΓΑΡΚ, φ. P-21, oπ. 6, д. 18, π. 20. GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, 1. 20. 49. ΓΑΡΚ, φ. P-21, oπ. 6, д. 18, π. 17. GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, 1. 17. 50. ΓΑΡΚ, φ. P-21, oπ. 6, д. 18, π. 11, 12. GARK, f. R-21, op. 6, d. 18, 1. 11, 12.
```

51. Загородских Ф. С. Глава III. В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Загородских Ф. С., Секиринский С. А., Зайцев В. Л. История Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе (1918–1959). Симферополь: Крымиздат, 1960. (Известия Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе; Спец. выпуск). С. 57.

Zagorodskih F. S. Glava III. V gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) // Zagorodskih F. S., Sekirinskij S. A., Zajcev V. L. Istoriya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze (1918–1959). Simferopol': Krymizdat, 1960. (Izvestiya Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze; Spec. vypusk). S. 57.

```
52. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 8–8 об. GARK, f. R-21, ор. 6, d. 18, l. 8–8 оb. 53. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 14. GARK, f. R-21, ор. 6, d. 18, l. 14. 54. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 16–16 об. GARK, f. R-21, ор. 6, d. 18, l. 16–16 оb.
```

55. Научные работники Крыма: справочник / Крымская секция научных работников. Симферополь, 1927. 10 с.

Nauchnye rabotniki Kryma: spravochnik / Krymskaya sekciya nauchnyh rabotnikov. Simferopol', 1927.

```
56. ГАРК, ф. Р-21, оп. 6, д. 18, л. 2 об. GARK, f. R-21, ор. 6, d. 18, l. 2 оb. 57. К. И. Тодорский: [некролог] // Красный Крым. 1950. № 148 (8523). 26 июля. К. І. Todorskij: [nekrolog] // Krasnyj Krym. 1950. № 148 (8523). 26 iyulya. 58. [Извещение о смерти и похоронах К. И. Тодорского] // Красный Крым. 1950. № 148 (8523).
```

58. [Извещение о смерти и похоронах К. И. Тодорского] // Красный Крым. 1950. № 148 (8523) 26 июля.

[Izveshchenie o smerti i pohoronah K. I. Todorskogo] // Krasnyj Krym. 1950. № 148 (8523). 26 iyulya.

Zadereychuk A. A., Kalinovsky V. V. «Teacher in the best sense of the word»: life and fate of Associate Professor Konstantin Ivanovich Todorsky

The article is devoted to the history of life and activity of the associate professor of the Crimean State Pedagogical Institute K. I. Todorsky. On a broad base of archival sources, it reveals the main stages in the life course of a teacher and a scientist. Using the detected metric evidence, the date of birth is specified. Based on the materials of the Central State Archives of St. Petersburg, the period of Konstantin Ivanovich Todorsky's studies at the History and Philology Faculty of St. Petersburg University is being restored. The article for the first time publishes photographs and documents related to the period of study. Separate attention in the work deserves a period of work of the young teacher K. I. Todorsky in the Simferopol Men's State Gymnasium and other secondary schools in Simferopol. Characterizing the initial stage of the work of K. I. Todorsky in the Crimean State Pedagogical Institute, his contribution to solving the problems of organizing the pedagogical life of the Crimea, as well as in the formation and development of discipline in the higher educational institution of the peninsula, «the methodology of history». The social activity of K. I. Todorsky, which, according to time, was closely connected with ideological concepts actively promoted by the highest Soviet leadership. The work covers the period of activity in the evacuation, as well as in the postwar years, which became for K. I. Todorsky the time of recognition of his pedagogical merit. The article describes the scientific research of associate professor K. I. Todorsky.

Keywords: Crimean Federal University, Crimean State Pedagogical Institute. M.V. Frunze, biography.

УДК 94(470):332.1+(477.75) «1875/1914»

ПРОИЗВОДСТВО И ДОБЫЧА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КРЫМУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Марциновский П. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация E-mail: pnmarz@mail.ru

Рассмотрена проблема производства и добычи строительных материалов в Крыму в последней четверти XIX — начале XX в. в условиях интенсивного экономического развития Крымского полуострова и Российской империи, в целом. Сделан вывод о том, что в условиях интенсивного промышленного роста и, соответственно, активного строительства, производство и добыча строительных материалов также росли, отражая специфику отрасли, связанную с отсутствием условий для промышленной добычи древесины. В то же время, успешно действовали и развивались кирпичночерепичные заводы, каменоломни и глинокопни. С появлением современных цементных заводов и началом переработки крымских мергелей в цемент начинается новый этап развития отрасли. В статье, также, широко представлены имена владельцев предприятий.

Ключевые слова: Крым, промышленность, строительство, каменоломня, цемент, завод, предприятие.

В последней четверти XIX – начале XX века в Крыму разворачивается бурное строительство. В связи с активным промышленным развитием, уже в 80-е годы XIX века на полуострове, как следствие общих инфраструктурных процессов, возникает необходимость в строительстве новых либо реконструкции действующих фабрик и заводов. Экономический рост сопровождался возведением как частных, так и казённых зданий и сооружений, благоустройством территории вокруг зданий, строительством и ремонтом дорог, что, естественно, вызвало существенное увеличение количества предприятий по производству строительных материалов. Рассматриваемый период, как известно, характеризуется интенсивным ростом промышленного производства по всей России и, вне всякого сомнения, этот рост был обеспечен трудом самых широких народных масс. Однако, среди «бойцов русского экономического чуда» особая роль принадлежала, все-таки, командному составу - владельцам и управленцам фабрик и заводов, каменоломен и глинокопен, всех тех, чьи имена, как представителей «эксплуататорского класса» были незаслуженно преданы забвению в эпоху диктатуры пролетариата. несправедливый пробел в исторической памяти, конечно, насколько это возможно, необходимо восполнить, и поэтому в статье широко представлены имена купцов, мещан, дворян, поселян, крестьян, отставных офицеров, чиновников, лиц духовного звания и других, чьим талантом и трудом создавалась и развивалась крымская промышленность.

Среди сравнительно крупных кирпично-черепичных предприятий Евпаторийского уезда выделялись кирпично-черепичный завод евпаторийского

ПРОИЗВОДСТВО И ДОБЫЧА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КРЫМУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

мещанина Сергея Мироновича Котлярова, производивший 100 тыс. штук черепицы и 50 тыс. штук кирпича в год и завод евпаторийского мещанина Федора Афанасьевича Прохорова, производившего 45 тыс. черепицы и 20 тыс. кирпича. Стоит, также, упомянуть предприятие поселян Георга Сайбеля и Христиана Тибелиуса, на котором трудились восемь рабочих. В Перекопском уезде имелось 12 кирпично-черепичных заводов. Рабочий день от 8 до 15 рабочих этих предприятий доходил до 12 часов в день [6, л. 25–28].

Таблица 1. Кирпично-черепичные заводы Перекопского уезда в 1891 г.[6, л. 220–243]

№ п/п	Владелец, год открытия	Продукция	производства, штук	Годовой объем производства, рублей	Цена за 1000 штук	Наличие станков	Количество рабочих
	Наследники	кирпич	100000	800	8	2	
1	поселянина Якова Люца 1887	черепица	80000	1600	20	1	10
	Отставной поручик	кирпич	299300	3592	12	3	
2	Константин Павлович Сахновский 1882	черепица	80924	2378	30	1	13
3	Отставной подполковник Павел	кирпич	200000	2400	12	3	
	Навел Иванович Счастливцев, в аренде у крестьянина Горбачева 1888	черепица	100000	3200	32	1	15
	Поселянин	кирпич	231000	2772	12	2	
4	Карл Вернер 1883	черепица	120000	1610	14	1	10
	Поселянин	кирпич	220000	2640	12	3	
5	Готлиб Матвеевич Лорер 1880	черепица	13000	390	30	1	13

	Губернский	кирпич	200000	2400	12	2	
6	секретарь Адиль Мурза Карашайский 1882	черепица	50000	700	14	1	10
	Адаргинское	кирпич	150000	1500	10	1	
7	сельское общество 1881	черепица	50000	1400	28	-	10
	Тарханларское	кирпич	100000	1000	10	1	
8	сельское общество 1888	черепица	25000	700	28	-	8
	Андрей	кирпич	75000	825	11	1	
9	Иванович Дубс 1882	черепица	50000	1500	30	-	8
	Поселянин	кирпич	50000	250	5	2	
10	Яков Григорьевич Глеклер 1891	черепица	100000	950	10	1	10
	Перекопский	кирпич	50000	225	5	2	
11	перекопский купец Иосиф Фомич Лагутко 1891	черепица	70000	670	10	1	10
12	Поселянина собственника Матвея Давиденко	-	-	-	-	-	7-9

В г.Симферополе к концу 90-х годов открылся только один кирпичный завод евпаторийского мещанина Ильи Садуковича Туршу, в отличие от Симферопольского уезда, где в это же время среди 24 предприятий насчитывалось 4 известковых и 14 кирпично-черепичных заводов. Ещё 3 кирпично-черепичных завода действовали в г. Карасубазаре.

Таблица 2. Кирпично-черепичные и известковые заводы Симферопольского уезда в 1899 г. [8, л. 220–243]

		-	
№ π/π	Местонахождение	Владелец	Открыт
1	д.Ени-Сала Подгородне- Петровской волости	Жена поручика Мария Григорьевна Фон-Баронова	-
2	д.Курцы Подгородне- Петровской волости	Поселянин д.Курцы Афанасий и Никита Ивановичи Щеглаковы	-
3	д.Канлык Зуйской волости	Вдова дворянина Урмуз Султан Ханым Аргинская	-
4	д.Аргин Зуйской волости	Дворянин Девлет Мурза Аргинский	-
5	с.Фриденталь Зуйской волости	Общество поселян с.Фриденталь	-
6	д.Шунук Подгородне- Петровской волости	Дворянин Михаил Львович Ботенко	-
7	д.Карасан Табулдинской волости	Поселянин Гергард Корнелиусович Валл	-
8	д.Карнауч	Статский советник Александр Михйлович Соловейчик	-
9	д.Даир Зуйской волости	Дворянин Степан Осмаловский	-
10	д.Акташ Кият Подгородне- Петровской волости	Потомственный почетный гражданин Абрам Мастак	-
11	д.Салгирка Подгородне- Петровской волости	Карасубазарский мещанин Дмитрий Чебанов	7.09.1898
12	д.Будки Подгородне- Петровской волости	Потомственный почетный гражданин Самуил Черкез	Завод закрыт
13	Известковый завод, д.Бахчи-Эли Подгородне- Петровской волости	Купец Яков Минаевич Демьянченко	12.05.1889
14	Известковый завод, д.Петровской Подгородне- Петровской волости	Турецко-подданный Георгий Мосулиди	8.07.1898
15	Известковый завод, д.Бугурга Подгородне- Петровской волости	Общество поселян с.Мазанки	Завод закрыт

16	В имении Давидова, при с.Саблы	Дворянин Василий Петрович Давидов	-
17	В имении наследников Брамса	Наследники Штаб-ротмистра Ореста Брамса(?)	-
18	Известковый завод, в имении Де-Мотаса при дер.Пычки каралезской волости	Арендатор греческо-подданный Христофор Алексаки	-
19	г.Карасубазар	Мещанин Умер-Асан оглу	5.06.1891
20	г.Карасубазар	Мещанин Умер-Асан оглу	-
21	г.Карасубазар	Купец Яков Рафаилович Куюмджи	18.05.1897

В г.Феодосии имелось четыре кирпично-черепичных завода, самый старый из которых принадлежал феодосийскому купцу Григорию Георгиевичу Визирову, и два известковых, принадлежавших отставному инженеру, генерал-майору Виктору Петровичу Портнову и мещанину Мартыну Сергеевичу Арзерумову. Всего же в г. Феодосии, Старом Крыму и Феодосийском уезде из двадцати трех предприятий было одиннадцать кирпично-черепичных заводов, на которых трудились от 3 до 40 человек и 4 известковых, с численностью рабочих от 3 до 38. В 1880 г., на двух кирпично-черепичных заводах в г. Старом Крыму было произведено 110000 шт. кирпича и 155000 шт. черепицы, а завод в д. Камышлык изготовил 50000 шт. кирпича и 150000 шт. черепицы. В г. Керчи действовал цементный завод цементный завод, принадлежавший Инженер-полковнику Митрофану Ивановичу Черкасову и находившийся в аренде у вдовы германско-подданного Амалии Вильгельмовны Целлер. В г. Севастополе среди 39 промышленных предприятий также имелся кирпично-черепичный завод, который, впрочем, был закрыт в 1890 г. Однако, в том же году начали работу 2 печи для выжигания извести [1, Л. 2].

Камень для строительства поставляли каменоломни. Две каменоломни в процессе добычи использовали порох. Одна из них, добывавшая камня на 1500 руб., в г. Ялте принадлежала князю Воронцову, другая, вырабатывавшая камня на 500 руб. в деревне Алупка, инженеру статскому советнику Торгонскому [2, л. 10].

Таблица 3. Добыча камня и глины в Ялтинском уезде в 1880 г. [2, л. 41]

№ п/п	Владелец промысла	Населенный пункт	Объем добычи, куб.саженей	Использование
1	Аджи Бекир Али Оглу	д. Никита	30	Строительство, выжигание извести
2	Мустафа Бай Оглу	д. Никита	32	Строительство, выжигание извести

ПРОИЗВОДСТВО И ДОБЫЧА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КРЫМУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

3	Асан Мемет Оглу	д. Никита	32	Строительство, выжигание извести
4	Императорский Никитский сад	Имение Магарач	27	Строительство, выжигание извести
5	Имение Светлейшего князя Воронцова	Имение Массандра	232	Строительство, выжигание извести
6	Имение Хлопонина	д. Шума	Добыча не ведется	Выжигание извести
7	Имение Шостак	д. Куру- Узень	Добыча не ведется	Выжигание кирпича

В Симферопольском уезде каменоломни принадлежали советнику Харасанову, поселянину Денцеру, полковнику Мурзаеву, землевладельцам Аргинским. Имелись каменоломни, также, в деревнях Анновка и Тав-Бадрак, принадлежавшая местному обществу поселян [2, л. 12]. В Феодосийском уезде каменоломни имелись при деревнях Акмонай, Чурубаш, Азамат, Огуз-Тобе, Марфовке и Петровском. При этом взрывчатые вещества применялись только в деревне Азамат, в каменоломне, принадлежавшей землевладельцу Ивану Дульветову. На всех остальных камень выпиливался [2, л. 24]. Песок в г. Симферополе добывали по берегам р. Салгир, правда, в незначительном количестве в местности прилегающей к Цыганской улице и бойне рогатого скота, собирали дикий камень по степи, выламывали из выступавших на поверхность скал [4, л. 53].

Таблица 4. Добыча камня в Феодосийском уезде в 1880 г. [2, л. 47]

№	Владелец	Населенный	Штучный	Бутовый камень,
Π/Π	промысла	пункт	камень, шт.	куб.саженей
1	Зяблов	д. Петровское	4500	10
2	Багер	д. Чурубаш	25000	150
3	Гурьев	д. Чурубаш	18000	120
4	Эргардт	д. Огуз-Тобе	20000	40
5	Дульветов	д.Азамат	300 штук плит	

В местности Халкалы-дере добывали огнеупорный камень для выстилки печей, камень для изготовления плит разных размеров для тротуаров, построек и памятников. В каменоломне на Лысой горе добывали бутовый камень, пригодный для строительства домов, шоссирования улиц и выжигания извести. В окрестностях Феодосии и Карасубазара добывали бутовый камень и глину, пригодную для выделки кирпича и черепицы [2, л. 43]. На территории Перекопского уезда имелось 4 каменоломни, где добывали желтый штучный камень для строительства, объем добычи которого в 1880 г. составил 24900 штук [2, л. 49] В Евпаторийском уезде, в 1880 г. было добыто всего 10000 шт. штучного камня и 200 саженей бутового.

Впрочем и спрос на камень, особенно для сельских построек, в это время там был невелик, поскольку значительное его количество имелось среди развалин давно покинутых деревень [2, л. 53].

Серьезной проблемой являлись самовольные горные промыслы, особенно, если на них применялись изготовленные кустарным способом взрывчатые вещества, поскольку это приводило к несчастным случаям, увечьям и даже гибели людей. Особенно много таких мест было в Ялтинском и Феодосийском уездах [4, л. 1]. Не добавляло безопасности и то, что помимо разрешенного охотничьего пороха, можно было легко, хотя и незаконно, приобрести так называемый «минный» порох, а глины зачастую добывались «подкопным» методом, что приводило к обрушению грунта и, соответственно, несчастным случаям.

На территории Перекопского уезда в 1887 г. действовали две каменоломни. В деревне Таш-Казан-Конрат, принадлежавшая землевладельцу Эмилию Юльевичу Кисиусу, где от 8 до 12 рабочих добывали камень ручными пилами, кирками и ломами, и в деревне Самас, принадлежавшая обществу поселян Григорьевской волости: Александру Боосу, Давиду Эйзенбрауну, Георгию Миллеру и другим. Здесь камень также добывали вручную трое, иногда четверо, рабочих.

Таблица 5. Каменоломни в Ялтинском уезде, где в 1887 г. добыча производилась с использованием пороха [4, л. 85]

№ π/π	Населенный пункт и предмет добычи	Владелец промысла	Объем добычи, куб.саженей	Стоимость, руб.	Количество рабочих
1	д. Куру-Узень, Диоритовая каменоломня	Действительный статский советник Петр Александрович Шостак	Работы не производил ись		
2	д.Аутка, Каменоломня Попандопуло. Камень- дикарь.	Генеральша Елена Граф	300 – 400	2300 - 2400	8 – 10
3	При имении княгини Воронцовой, Каменоломня Поликур-гора Попандопуло. Камень-дикарь.	Княгиня Воронцова	400 – 500	2400 – 2500	10 – 12

ПРОИЗВОДСТВО И ДОБЫЧА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КРЫМУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

4	д.Аутка, Каменоломня Мурицына. Камень- дикарь.	Инженер, Статский Советник Карл Станиславович Торгонский	100 – 125	210 – 250	7 – 8
5	д.Аутка, Каменоломня поселянина Асана Девлетши в местности Ак- Топрак. Камень- дикарь.	Поселянин Асан Девлетши	300 – 450	2000 – 2500	9 – 10
6	д. Гаспра, Каменоломня на общественной земле. Камень серый дикарь. Для лестничных ступеней	Французский подданный, гражданин Евгений Дюкер. Затем французский подданный Иван Петрович Бланде. Книги выданы на имя приказчика, швейцарской гражданки Эмилии Морель.	600	100	6

Весь камень, добытый в ялтинских каменоломнях, обрабатывался ручным способом и сбывался в г.Ялте.

Из 25 каменоломен и глинокопен Симферопольского уезда только 6 имели годовой оборот свыше 1000 рублей и лишь в одной из глинокопен использовался механизм на конной тяге для подготовки глины к формовке. Все остальные операции выполнялись вручную. Глинокопни добывали сырье для кирпичночерепичных заводов и изготовления гончарной посуды.

В районе Коктебеля в 1912–1913 гг. началась разработка пуццоланы – вяжущего материала, придающего цементу свойство твердеть под водой.

В сентябре 1906 г. было заключено акционерное соглашение на проектирование, строительство и эксплуатацию цементного завода «Алмаз» в г.Бахчисарае. Участниками соглашения стали инженер капитан Павел Николаевич Иванов, потомственный почетный гражданин Борис Семенович Кефели и потомственный почетный гражданин Алексей Андреевич Максимов, которому в марте того же года все свои права передал дворянин Борис Владимирович Тресковский [10, л. 14–16].

Завод располагался вдоль железной дороги, на расстоянии около 853 метров от станции «Бахчисарай», на границе зоны отчуждения (около 30 метров от оси железнодорожных путей), на прямоугольном участке площадью 8,2 гектар. Выработка цемента производилась следующим образом. Сырье из каменоломен складировалось на специальной площадке, где вылеживалось на свежем воздухе. Затем камень дробили и засыпали сверху в печи для обжига, которые действовали непрерывно. Затем камень в виде обожженного клинкера опускался на колосники, откуда удалялся особыми приспособлениями и отправлялся в клинкерные хранилища, откуда, затем, поступал на мельницы, превращавшие подготовленный камень в цемент, который направлялся в специальные хранилища, силосы, откуда, по мере необходимости, расфасованный в бочки, отправлялся на вокзал. Завод состоял из нескольких зданий, в которых располагались, контора, химический кабинет, кладовки, погреба, коровник, птичник, квартиры для служащих с шестью отдельными комнатами и помещением на 30 человек, кухня, конюшня с помещением для главного конюха, кузница и литейная с тремя горнами и одной вагранкой, клепочная, мельничное здание, машинное здание, печи для обжига. Печи использовались двух типов: железная американская и печь Шнейдера. Расположены они были в глубоком котловане с тем, чтобы меньше охлаждаться от воздуха и для удобства подачи мергеля. Была запроектирована, также, железнодорожная ветка до станции «Бахчисарай» и водовод от городского водопровода Бахчисарая, в предместье «Азис». Минимальная производительность завода планировалась в 50000 бочек (около 8525 т.) в год [10, д. 11–13]. После пробных пусков и освидетельствований, в 1909 г. завод был пущен, а в 1913 году из Крыма уже было вывезено более 7320 тонн бахчисарайского цемента.

Крымская строительная отрасль, безусловно, достойна отдельного исследования. Отметим только, что помимо казенных зданий, содержавшихся, естественно, за счет государства, немалые деньги выделялись на содержание и ремонт Ханского дворца в Бахчисарае. Так, в 1885 г. на это было истрачено 2626 р. 30 к. [3, л. 1] Строительное отделение губернского правление осуществляло, также, «техническо-полицейский» надзор за сооружением любых построек. В 1885 г. было рассмотрено и утверждено технических смет на 549583 р., среди которых 10 проектов православных церквей, молитвенных домов и часовен, 4 проекта синагог, мечетей и иных культовых сооружений, а также 9 заводских зданий [3, л.2].

Среди проектов, утвержденных в 1890 г., примечательны церковь у Байдарских ворот на Красной скале в имении потомственного почетного гражданина Кузнецова, часовня в имении Шатовых «Берекет», перестройка башен на углах Александро-Невского собора в г.Симферополе, колокольня во дворе Таврической духовной семинарии, хирургическая лечебница при симферопольских богоугодных заведениях, паровые мукомольные мельницы, чугунолитейный и механический завод в д.Джанкой Перекопского уезда, паровая мукомольная мельница в Евпаторийском уезде [5, л. 4]. В 1907 г. получили разрешение на начало работы две паровые мукомольные мельницы в Евпаторийском уезде, три в Феодосийском, солодовый завод в Симферополе, керосиновые склады в Перекопском и Феодосийском уездах, известковый завод в Феодосийском уезде, цементный завод в

ПРОИЗВОДСТВО И ДОБЫЧА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КРЫМУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

г. Бахчисарае, фабрика деревянных сапожных колодок в г. Симферополе, два кирпично-черепичных и лесопильный заводы В Феодосийском электростанция в г. Евпатории, скотобойня в Симферопольском уезде и конный подъездной железнодорожный путь в Евпаторийском уезде [11, л. 4]. Несмотря на трудный для России период, в Крыму, помимо промышленных предприятий строились церкви, молитвенные дома, мечети, синагоги, училища, театры, цирк, «иллюзионы», позднее «синематографы», лечебницы, жилые дома, обустраивались дороги, что, в целом, являлось свидетельством динамичного промышленного развития. Тем более, это было характерно для периода экономического подъема, когда вплоть до начала первой мировой войны в Крыму ежегодно открывались десятки мукомольных мельниц, фабрик, заводов, электростанций, расширялась сеть автомобильных дорог, открывались новые маршруты, возникали предприятия, предлагавшие новые товары и услуги.

В 1913 г. обращает на себя внимание начало проектирования и строительства, помимо традиционных мукомольных мельниц и кирпично-черепичных заводов, канатной фабрики в Евпаторийском уезде, чугунолитейных заводов и мастерских в Симферопольском Феодосийском консервной уездах, фабрики Симферопольском уезде, макаронной фабрики в г. Севастополе, хлопчатобумажной и тряпочной фабрики в г. Симферополе, электростанций, замена фабричных двигателей более мощными [13, л. 8]. Несмотря на начавшуюся войну, в 1914 г. продолжали вступать в строй новые предприятия, строились общественные здания, реконструировались имеющиеся. В г. Балаклаве строили грязелечебницу, ванное отделение и торговые ряды, в г. Ялте курзал, в Симферополе и Феодосии театры, а в г. Евпатории был пущен завод минеральных вод и искусственного льда, принадлежавший провизору Сергею Львовичу Давыдову и Рудольфовичу Грюнбергу, на территории домовладения Самуила Шабетаевича Чуюна [14, л. 1–18]. Строились, конечно, не только промышленные здания. В 1914 г. были выданы разрешения на устройство театров в г. Симферополе и г. Феодосии, кинематографов в г. Севастополе и почти во всех уездах, исторического музея в г.Феодосии, цирков, торговых бань. Строились электростанции и электрический свет, безусловно, радовал жителей и гостей Крыма, в том числе г. Евпаторию, г. Карасубазар, Ялтинский уезд и другие. В течение 1914 года были выполнены и одобрены проекты на сооружение новых и ремонт старых зданий на сумму около 750 тысяч рублей [16, л. 2]. При этом в стадии проектирования и строительства в 1913 г. находились 5 кирпичночерепичных заводов [13, л. 8].

Расширялась сеть дорог, в том числе, шоссированных [16, л. 1–3]. В 1896 г. в Ялтинском уезде имелось только правительственное шоссе и одна земская шоссейная дорога от г. Ялты до Никитского сада, протяженностью 7 верст. Все остальные дороги были проселочными, ничем не отличавшимися от горных верховых троп, доступных для проезда мажар [7, л. 26]. К октябрю 1895 г. в г. Евпатории имелось 1,8 верст улиц, замощенных формованными осколками местного твердого известкового камня, 23,2 версты немощенных улиц и 6 верст переулков по окраинам города. Базар занимал 7 десятин и тоже замощен не был,

бульвары и скверы обходились двумя десятинами земли [7, л. 30]. В Симферопольском уезде ситуация была лучше: 150 верст шоссейных дорог, 18 верст почтовых и 300 верст проселочных; в самом же городе, по сведениям городского архитектора Б. А. Заиончковского, имелось 10,56 погонных верст шоссированных и замощенных улиц и 26,61 верст не замощенных и не шоссированных [7, л. 31–32]. К 1900 г. в Крыму из почти 3000 верст дорог более 577 были шоссированными [9, л. 13]. Протяженность железнодорожной сети составляла более 410 вёрст [9, л. 37].

В конце 1909 г., после небывалых октябрьских и ноябрьских ливней, особенно остро проявила себя извечная проблема крымских дорог, связанная с многочисленными оползнями. В г.Ялте и Ялтинском уезде повреждения казенных южнобережных шоссе были столь существенны, что на некоторое время было даже прервано сообщение, а губернатором была создана специальная комиссия, выработавшая ряд неотложных мер по укреплению дорог, значение которых было особым, поскольку Южный берег Крыма служит «резиденцией Их Императорских Величеств и единственным Всероссийским курортом». Комиссия признала, что: «Южнобережные шоссе должны быть поставлены в особо исключительные условия в смысле постоянного содержания их в прочном и проезжем виде, а следовательно в отношении потребного отпуска из казны сумм на их содержание. Означенные шоссе как пути чрезвычайной важности должны быть приведены в состояние отвечающее современному крайне интенсивному по ним движению экипажей и автомобилей, подчиняя соображения экономического характера требованиям прочности. безопасности и удобства движения» [12, л. 11] Между тем, интенсивные ливни продолжались и в 1910 г. и охватывали обширные районы Крыма. Наиболее поврежденными оказались Южнобережное шоссе, от Байдар до Алушты, Алуштинско-Судакское, Судакско-Феодосийское и часть Бахчисарайского до Ай-Петри, разрушены подпорные стенки, повреждены Гурзуфский и Декерменкойский мосты, а также пешеходный мост через р.Учан-Су. На восстановление повреждений в течение 1910 г. потребовалось 80 000 рублей [12, л. 13] В 1914 г. повсеместно открывалось автомобильное сообщение между крымскими городами [15, л. 1–32]

Таким образом, потребность и, соответственно, производство строительных материалов, предназначенных для возведения казенных, общественных и производственных зданий, сооружений, дорог, мостов, интенсивно росли, отражая «каменную» специфику этой отрасли на крымском полуострове. В условиях недостатка древесины, основным строительным материалом был камень - Керченский желтый, бадрак белый, Ялтинский диорит и гранит, известняк из Инкерманских, Феодосийских, Петровских каменоломен близ Симферополя и многих других мест. Широко использовали кирпич и черепица. С появлением мощных цементных заводов и началом переработки крымских мергелей в цемент связан новый этап в развитии производства строительных материалов на полуострове, способствовавший дальнейшему развитию строительной отрасли.

ПРОИЗВОДСТВО И ДОБЫЧА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КРЫМУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Список использованных источников и литературы

1. Архив города Севастополя. Ф. 15. Оп. 1. Д. 6. Archive of the city of Sevastopol (AGS), F. 15, Op. 1, D. 6. 2. Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 27338. State archive by Republic of Crimea (GARK), F. 26, Op. 1, D. 27338. 3. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1749. GARK, F. 27, Op. 13, D. 1749. 4. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2027. GARK, F. 27, Op. 13, D. 2027. 5. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2060. GARK, F. 27, Op. 13, D. 2060. 6. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2101. GARK, F. 27, Op. 13, D. 2101. 7. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2427. GARK, F. 27, Op. 13, D. 2427. 8. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2749. GARK, F. 27, Op. 13, D. 2749. 9. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3012. GARK, F. 27, Op. 13, D. 3012. 10. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3539. GARK, F. 27, Op. 13, D. 3539. 11. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3739. GARK, F. 27, Op. 13, D. 3739. 12. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4001. GARK, F. 27, Op. 13, D. 4001. 13. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4912. GARK, F. 27, Op. 13, D. 4912. 14. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4926. GARK, F. 27, Op. 13, D. 4926. 15. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4946. GARK, F. 27, Op. 13, D. 4946. 16. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 5039. GARK, F. 27, Op. 13, D. 5039.

Martsinovskii P. N. Production and extraction of building materials in the Crimea at the last quarter of XIX – early XX century.

The article is devoted to the problem of production and extraction of building materials in the Crimea at the last quarter of XIX – early XX century in conditions of intensive economic development of the Crimean peninsula and the Russian Empire, as a whole. The conclusion is drawn that in the conditions of intensive industrial growth and, accordingly, active construction, the production and extraction of building materials also grew, reflecting the specifics of the industry, related to the lack of conditions for industrial timber extraction. At the same time, brick and tile factories, quarries and clay mines successfully operated and developed.

In the last quarter of the XIX – the beginning of the XX century in the Crimea, rapid development is unfolding. In connection with active industrial development, as early as the eighties of the XIX century, on the peninsula, as a consequence of common infrastructure processes, there is a need for the construction of new or reconstruction of existing factories and plants. Economic growth was accompanied by the erection of both private and public buildings and structures, landscaping around buildings, construction and repair of roads, which, naturally, caused a significant increase in the number of enterprises producing construction materials. The period under review, as is known, is characterized by an intensive growth of industrial production throughout Russia and, undoubtedly, this growth was provided by the work of the broadest masses of the people. However, among the «fighters of the Russian economic miracle» a special role belonged, nonetheless, to the command staff – owners and managers of factories and plants, quarries and clay mines, of all those whose names, as representatives of the «exploiting class», were undeservedly forgotten in the era of

dictatorship of Proletariat. This unfair gap in historical memory, of course, as far as possible, must be filled, and therefore the names of merchants, townspeople, noblemen, villagers, peasants, retired officers, bureaucrats, persons of spiritual rank and others, whose talent and labor was created and The Crimean industry developed. Therefore, in the article, also, the names of the owners of enterprises are widely presented.

Thus, the need and, accordingly, the production of construction materials intended for the construction of state, public and industrial buildings, structures, roads, bridges, intensively grew, reflecting the «stone» specificity of this industry on the Crimean peninsula. In conditions of lack of wood, the main building material was a stone – Kerch yellow, badrak white, Yalta diorite and granite, limestone from Inkerman, Feodosiya, Petrovsky quarries near Simferopol and many other places. Widely used brick and tile. With the advent of powerful cement plants and the beginning of the processing of Crimean marls into cement, a new stage in the development of the production of building materials on the peninsula is associated, which contributed to the further development of the construction industry.

Keywords: Crimea, industry, construction, quarry, cement, plant, enterprise.

УДК 94(495)+(470)"18"+736.3

СТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ В РОССИИ: ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ XIX в.¹

Мохов А. С., Шаманаев А. В.

Уральский федеральный университет им. Первого Перезидента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация E-mail: rkb2004@yandex.ru; shamanaev@mail.ru

Рассматривается становление научного подхода к изучению византийских свинцовых печатей в российской исторической науке. Работа выполнена на основе анализа газетных и журнальных публикаций начала XIX в., научной публицистики второй половины XIX в., делопроизводственных материалов Одесского общества истории и древностей, архивных документов личного происхождения. Авторы фокусируют внимание на обстоятельствах выявления и интерпретации памятников византийской сфрагистики, обнаруженных при раскопках Херсонесского городища в 20-х и 880-х гг. XIX столетия. Подчеркивается вклад В. Н. Юргевича, как одного из первых российских исследователей византийских печатей, анализируются причины его ошибок, отмечаются достижения ученого. Авторы полагают, что введение в научный оборот сфрагистических находок, сделанных во время раскопок Херсонесского городища, способствовало развитию интереса российских византинистов к этому типу источников.

Ключевые слова: история Византии, история Крыма, история науки, сфрагистика

Одним из наиболее перспективных направлений современного византиноведения является изучение вислых печатей. Публикация новых памятников византийской сфрагистики позволяет получить уникальные сведения о военных, гражданских и церковных институтах империи, а также дает ценный материал для проведения просопографических исследований. Следует отметить, что эвристический потенциал византийских печатей был оценен специалистами только во второй половине XIX в. До этого исследователи не выделяли буллы как самостоятельный тип находок. Как золотые (хрисовулы), так и свинцовые (моливдовулы) печати они считали монетами.

По словам Н. П. Лихачева, долгое время исследование византийских печатей «так сказать, прозябало... Время от времени появлялись отдельные новые изображения в крохотных, наперечет известных брошюрках. Так продолжалось до половины текущего столетия» [5, с. 54]. Следует отметить, что в России, как и на Западе, в конце XVIII — первой половине XIX в. вислые печати являлись случайными дополнениями коллекций монет и медалей [18, с. 20–21]. В странах Западной Европы становление византийской сигиллографии как нового научного направления было связано с трудами А. Д. Мордтмана и Г. Шлюмберже. Немецкий коллекционер Андреас Давид Мордтман младший (Mordtmann, Andreas David; 1837–1912), служивший врачом в немецкой больнице в Константинополе, определил принципы научной классификации и датировки печатей [14, с. 179]. Французский византинист, нумизмат и коллекционер Гюстав Шлюмберже

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-31-00027.

(Schlumberger, Gustave-Léon; 1844—1929) опубликовал в 1884 г. фундаментальное исследование «Сигиллография Византийской империи», которое несколько десятилетий являлось одновременно образцом и практическим руководством для специалистов по византийской сфрагистике [6; 29].

Начальный этап становления византийской сфрагистики в Российской империи был связан с археологическими раскопками Херсонесского городища. Ценные сведения об этом содержится в газетных и журнальных публикациях 1820-х гг., в которых получили освещение результаты первых раскопок Херсонеса [9; 21]. К концу XIX в. относится серия научных статей в «Записках Одесского общества истории и древностей», делопроизводственные материалы научноорганизации (отчеты, протоколы), археологической документы личного происхождения. Эти источники позволяют проследить формирование научного подхода к памятникам византийской сфрагистики, найденным на археологических памятниках Северного Причерноморья [4; 10; 11; 12; 13; 26; 27].

Первые археологические работы на Херсонесском городище были проведены весной — осенью 1827 г. Их инициатором выступил главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал А. С. Грейг (1775–1845), а исполнителем плантер Черноморского департамента Корпуса корабельных инженеров подпоручик К. Крузе. Раскопками 1827 г. были изучены остатки трех средневековых церквей на разных участках городища [3, с. 9–11; 20, с. 511–514]. В их число входили храмы № 7 («базилика Крузе») в портовом районе, № 27 на центральной площади и, возможно, № 17 в южной части памятника [1, с. 51; 17, с. 721–724; 22, с. 13].

Среди артефактов, обнаруженных в руинах церкви № 27, К. Крузе упомянул «8 медных монет» [9]. В 1827 г. газета «Северная пчела» опубликовала выдержки из письма (рапорта?) руководителя раскопок, в котором отмечено, что на большей части монет «изображены с одной стороны литера В, а с другой крест» [9]. Однако наибольший интерес вызывает описание еще одной «монеты», возможно, из числа упомянутых восьми. Ее характеристика дана в публикации Х. Штира: «изображены, с одной стороны: святой, судя по сиянию, окружающему главу его, и литера Н; на другой стороне: двое святых, тоже с сияниями, и сверху, по краям монеты, надпись, которую однако не могли разобрать» [21, с. 251].

В 1852 г. К. Крузе составил отчет о раскопках 1827 г., хранившийся в архиве А. С. Уварова (1825–1884). В 1905 г. этот документ был опубликован Д. В. Айналовым (1862–1939). Отметим, что автор раскопок упомянул только три монеты «медные... с изображением якоря» [1, с. 49]. Возможно, так К. Крузе охарактеризовал монеты, на которых в 1827 г. он увидел литеру В.

Описания «монет», сделанные К. Крузе и Х. Штиром весьма поверхностны, они не дают возможности точной идентификации находок. Этот факт подчеркивает дилетантизм руководителя первых раскопок Херсонесского городища при определении артефактов. К сожалению, коллекция собранная К. Крузе была утрачена [20, с. 514]. По этой причине, утверждение В. В. Хапаева о том, что в заметке Х. Шира речь шла о пентануммии херсонесской эмиссии VI–VII вв. вызывает обоснованные сомнения [22, с. 21, рис. 6, 22, прим. 1]. Не исключено, что

СТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ В РОССИИ: ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ XIX В.

данный артефакт был не монетой, а моливдовулом византийского времени [16, с. 30–36: печати Ираклия и Ираклия Константина, 613–629 гг.]. Отметим также, что приведенный пример полностью подтверждает слова академика Н. П. Лихачева: «появление византийских булл в ученой литературе относится к довольно отдаленному периоду, но в начале они принимались, – да и издавались только потому, – не за то, чем были» [5, с. 50].

Достоверная информация о находках византийских печатей на территории Херсонесского городища относится к 1880-м гг. С 1876 г. в течение десяти лет научное руководство археологическими исследованиями на памятнике осуществляло Одесское общество истории и древностей, с 1884 г. контроль за работами на месте выполняли служители монастыря св. Владимира [3, с. 18–23; 23].

В 1884 г. раскопки проводились в центральной части древнего города. Среди исследованных объектов была расчищена «на втором полотне второго квартала одна комната с погребом» к северо-западу от «главной улицы» [4, с. 109; 10, с. 18-22]. Изучением найденных артефактов занимался вице-президент Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевич (1818–1898) – историк, археолог, эпиграфист, нумизмат [8, с. 269–273; 24]. Из комплекса нумизматических находок исследователь выделил моливдовул византийского времени. Оценив важность открытия, В. Н. Юргевич обратился к настоятелю монастыря св. Владимира о. Пахомию с просьбой сообщить подробности обнаружения печати. В письме от 14 ноября 1884 г. ученый писал: «Будьте так добры отец Архимандрит благоволите сообщить величину разрытаго нами погреба, т. е. глубину длину и ширину; это мне нужно для отчета, а также неизвестно ли Вам где найдена интересная медаль с именем Херсонисскаго протоспафара и стратига Георгия Касидина, которая нам прислана вместе с прочими монетами, в погребе ли или в другом месте?» [13, л. 259об.-260]. Изображение лицевой и оборотной сторон печати были помещены на титульном листе отчета Одесского общества истории и древностей за 1883-1884 г. [10, титульный лист].

Подробная информация о моливдовуле была опубликована В. Н. Юргевичем в статье, напечатанной в 14 томе «Записок Одесского общества истории и древностей» (1886). При издании памятника исследователь допустил досадную ошибку в прочтении и интерпретации легенды: $\Gamma \epsilon \omega \varrho \gamma \iota_{\varphi}$ К $\alpha \sigma \iota_{\varphi} \delta \iota_{\varphi}$ $\alpha \sigma \iota_{\varphi} \delta \iota_{\varphi}$ Х $\epsilon \varrho \iota_{\varphi} \delta \iota_{\varphi}$ $\delta \iota_{\varphi} \delta \iota_{\varphi} \delta \iota_{\varphi}$ $\delta \iota_{\varphi} \delta \iota_{\varphi} \delta$

Отметим еще одну особенность публикации 1886 г. В. Н. Юргевич не указал место обнаружения моливдовула Георгия Цулы, ограничившись общей информацией «в местности древнего византийского Херсона» [26, с. 1]. Не исключено, что такие сведения ученый посчитал лишними и сделал акцент не на

археологический, а на исторический контекст артефакта. К сожалению, до наших дней эта печать не сохранилась. В статье 1971 г. И. В. Соколова констатировала: «Моливдовул находился в Одесском археологическом музее. В настоящее время он там не числится. В эрмитажной коллекции хранится экземпляр тех же мариц, поступивший в музей с коллекцией И. И. Толстого» [15, с. 69].

Несмотря на ошибочное прочтение легенды моливдовула, В. Н. Юргевич верно датировал сфрагистический памятник 1016 г. Также он правильно определил, что владелец буллы имел отношение к мятежу архонта Георгия Цулы ($\Gamma \epsilon \omega \rho \gamma \iota \sigma \phi \Gamma \zeta \circ \delta \Delta \eta \varsigma$) против императора Василия II. В современной историографии это событие считается одним из ключевых в истории византийской Таврики [7, с. 105–107].

Таким образом, изучение обстоятельств находки и публикации одного из первых научно документированных памятников византийской сфрагистики на территории России позволяет установить специфику введения в научный оборот этого типа источников. Моливдовул был выявлен в комплексе нумизматических находок, отсутствие опыта работы с артефактами такого рода способствовало его первоначальной ошибочной интерпретации опытным эпиграфистом и нумизматом, информация об обстоятельствах обнаружения печати не рассматривалась как принципиально важная.

Статья В. Н. Юргевича 1886 г. содержит сведения еще об одном моливдовуле с легендой: Μιχαηλ, ἐλέφ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης («Михаил, милостью Божьей архиепископ Константинополя Нового Рима и вселенский патриарх») [26, с. 20]. От попытки определить владельца печати исследователь воздержался, ограничившись общими рассуждениями: «Интересно было бы знать, какому из патриархов этого имени принадлежала означенная печать, знаменитому ли в церковных летописях Михаилу Керуларию (1043–1059), главному виновнику раскола между Восточною и Западною церковью, принявшему титул вселенского патриарха, или Михаилу с прозвищем Куркуас (1143–1146), или наконец Михаилу, прозванному величайшим из философов, известному своею ненавистью к латинцам и прением с императором Мануилом, думавшим о воссоединении церквей Восточной и Западной? О Михаиле (1206–1212) при котором был взят крестоносцами в 1206 году Константинополь, едва ли можем думать, так как ему не ловко было называть себя вселенским» [26, с. 20–21].

На основании текстов церковных актов XI–XIII вв. и публикации патриарших печатей данного времени, можно с уверенность говорить о принадлежности херсонесского моливдовула Михаилу Куркуасу (июль 1143 — март 1146) или Михаилу Анхиальскому (январь 1170 — март 1178), а не Михаилу Керуларию (март 1043 — ноябрь 1058) или Михаилу Авториану (апрель 1208 — август 1214) [28, р. 20—21, nos. 23—24].

В. Н. Юргевич упомянул, что «снимок» (так в тексте статьи) с печати был предоставлен вице-президенту Одесского общества истории и древностей К. К. Косцюшко-Валюжиничем (1847–1907), любителем древностей из Севастополя, в будущем – заведующим раскопками на Херсонесского городище. В

СТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ В РОССИИ: ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ XIX В.

публикации говорится, что моливдовул был найден в 1884 г. на городище, но «находится, к сожалению, в частных руках» [26, с. 1].

Нужно отметить, что проблема хищений вещей из раскопок и грабительских поисков на археологических памятниках Крыма, в том числе в Херсонесе, была актуальной уже в XIX в. Однако ни власти, ни представители научно-археологических обществ не смогли организовать эффективное противодействие расхитителям древностей [25]. Не исключено, что печать была обнаружена рабочими во время официальных раскопок Одесского общества и продана скупщикам археологического антиквариата.

Выявление и введение в научный оборот вислых печатей византийского времени, связанных с археологическими памятниками Северного Причерноморья, прежде всего Крыма, способствовало формированию небольшой коллекции моливдовулов в фондах музея Одесского общества истории и древностей. В конце 1880-х гг. это собрание включало шесть экземпляров разного времени. В. Н. Юргевич, опубликовавший обзор этих артефактов в 1889 г., не сообщил данных о местах и обстоятельствах находок [27; 2, с. 210–216]. Исключение составляют вышеописанный моливдовул Георгия Цулы из раскопок Херсонесского городища и печать архиепископа Готии Иоанна. Не исключено, что булла церковного иерарха происходила из культурного слоя этого же памятника. Изображение моливдовула было опубликовано на титульном листе отчета Одесского общества истории и древностей за 1884—1885 гг., однако какой-либо информации о происхождении находки этот источник не содержит [11, титульный лист].

Печать архиепископа Готии Иоанна (Ιωάννη ἀρχιεπίσκοπου Γοτθίας) была вновь опубликована сначала В. Лораном, а затем Н. А. Алексеенко. По сфрагистическому типу они датировали моливдовул X–XI вв. [2, с. 215–216, № 7; 28, р. 669, по. 860].

В 1898 г. на заседании Одесского общества истории и древностей 26 февраля В. Н. Юргевич сообщил о пополнении коллекции музея семью печатями. Артефакты были приобретены известным крымским археологом А. Л. Бертье-Делагардом (1842–1920) «у крымского торговца древностями» [2, с. 216–222; 12, с. 39–41]. Таким образом, в конце XIX в. сфрагистическая коллекция музея Одесского общества истории и древностей насчитывала 13 византийских моливдовулов, вероятно найденных на археологических памятниках Крымского полуострова. К сожалению, в настоящее время эта коллекция утрачена. Н. А. Алексеенко удалось выявить только две печати, сохранившиеся в фондах Одесского археологического музея [2, с. 214, 221].

Подводя итоги, следует подчеркнуть несомненные заслуги Одесского общества истории и древностей и, в особенности, его вице-президента В. Н. Юргевича во введении в научный оборот вислых печатей, найденных на археологических памятниках Крыма. Бесспорно эти исследования имели важное значение для становления византийской сфрагистики в России, получившей достойное продолжение в трудах академика Н. П. Лихачева и других отечественных исследователей конца XIX – начала XX в.

Список использованных источников и литературы

1. Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1905. – Вып. 1. – 145 с.

Ainalov D. V. Razvaliny khramov // Pamyatniki khristianskogo Khersonesa. – M.: Tip. A. I. Mamontova, $1905. - \text{Vyp.}\ 1. - 145\ \text{s}.$

2. Алексеенко Н. А. Византийская сфрагистика в музее ООИД // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. – Одесса: СМИЛ, 2014. – Вып. 2. – С. 209–225.

Alekseenko N. A. Vizantiiskaya sfragistika v muzee OOID // Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arkheologicheskogo muzeya. – Odessa: SMIL, 2014. – Vyp. 2. – S. 209–225.

3. Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). – Севастополь: Издание Херсонесского музея, 1927. – 55 с.

Grinevich K. E. Sto let khersonesskikh raskopok (1827–1927). – Sevastopol': Izdanie Khersonesskogo muzeya, 1927. – 55 s.

4. Императорское Одесское общество истории и древностей в 1884 году // Журнал Министерства народного просвещения. -1885. -№ 4. - C. 107–114.

Imperatorskoe Odesskoe obshchestvo istorii i drevnostei v 1884 godu // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1885. – N2 4. – S. 107–114.

5. Лихачев Н. П. Русская сфрагистика: лекции, записанные слушателями СПб. Археологического института в 1899–1900 акад. году. – СПб.: Тип. П. С. Курочкина, 1900. – 94 с.

Likhachev N. P. Russkaya sfragistika: lektsii, zapisannye slushatelyami SPb. Arkheologicheskogo instituta v 1899–1900 akad. godu. – SPb.: Tip. P. S. Kurochkina, 1900. – 94 s.

6. Лихачев Н. П. Деятельность Густава Шлёмберже (по случаю исполнившегося 17 октября 1924 года его восьмидесятилетия и полустолетия ученых трудов) / публ., послесл. и примеч. Е.В. Степановой // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л.: Наука, 1991. – Вып. 23: к XVIII Международному конгрессу византинистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.). – С. 233–257.

Likhachev N. P. Deyatel'nost' Gustava Shlemberzhe (po sluchayu ispolnivshegosya 17 oktyabrya 1924 goda ego vos'midesyatiletiya i polustoletiya uchenykh trudov) / publ., poslesl. i primech. E. V. Stepanovoi // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. – L.: Nauka, 1991. – Vyp. 23: k XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov (Moskva, 8–15 avgusta 1991 g.). – S. 233–257.

7. Мохов А. С. Аристократические кланы Малой Азии в 976–1025 гг.: Андроник Дука Лид и его сыновья // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (133). – С. 98–109.

Mokhov A. S. Aristokraticheskie klany Maloi Azii v 976–1025 gg.: Andronik Duka Lid i ego synov'ya // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. – 2014. – № 4 (133). – S. 98–109.

8. Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінец XVIII – початок XX століття): біобібліографічне дослідження. – Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2003. – 456 с.

Nepomnyashchii A. A. Istorichne krimoznavstvo (kinets XVIII – pochatok XX stolittya): Biobibliografichne doslidzhennya. – Simferopol': Biznes-Inform, 2003. – 456 s.

- 9. О. В. Внутренние известия. Николаев. 19 мая // Северная пчела. 1827.-14 июня.
- O. V. Vnutrennie izvestiya. Nikolaev. 19 maya // Severnaya pchela. 1827. 14 iyunya.
- 10. Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1883 по 14 ноября 1884 г. Одесса: Тип. А. Шульце, 1885. 56 с.

Otchet Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei s 14 noyabrya 1883 po 14 noyabrya 1884 g. – Odessa: Tip. A. Shul'tse, 1885. – 56 s.

11. Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1884 г. по 19 ноября 1885. – Одесса: тип. А. Шульце, 1886. – 48 с.

Otchet Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei s14noyabrya 1884g. po19noyabrya 1885. – Odessa: tip. A. Shul'tse, 1886. – 48 s.

12. [Протокол]: 309 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей 26 февраля 1898 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1898. — Т. 21. — Протоколы. — С. 36—48.

[Protokol]: 309 zasedanie Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei 26 fevralya 1898 g. // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – 1898. – T. 21. – Protokoly. – S. 36–48.

СТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ В РОССИИ: ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ XIX В.

- 13. Письмо В. Н. Юргевича настоятелю монастыря св. Владимира в Херсонесе о. Пахомию от 14 ноября 1884 г. // Архив города Севастополя. Ф. 19 (Херсонесский мужской монастырь св. Владимира). Оп. 1. Д. 10. Л. 259–260.
- Pis'mo V. N. Yurgevicha nastoyatelyu monastyrya sv. Vladimira v Khersonese o. Pakhomiyu ot 14 noyabrya 1884 g. // Arkhiv goroda Sevastopolya. F. 19 (Khersonesskii muzhskoi monastyr' sv. Vladimira). Op. 1. D. 10. L. 259–260.
- 14. Соде K. А. Д. Мордтман младший (1837–1912) и начало византийской сигиллографии // Византийский временник. 2001. T. 60 (85). C. 178–182.
- Sode K. A. D. Mordtman mladshii (1837–1912) i nachalo vizantiiskoi sigillografii // Vizantiiskii vremennik. 2001. T. 60 (85). S. 178–182.
- 15. Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. 1971. Вып. 23 (86): Византия и Восток. С. 68–74.
- Sokolova I. V. Pechati Georgiya Tsuly i sobytiya 1016 g. v Khersone // Palestinskii sbornik. –1971. Vyp. 23 (86): Vizantiya i Vostok. S. 68–74.
- 16. Соколова И. В. Печати византийских императоров: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 120 с.
- Sokolova I. V. Pechati vizantiiskikh imperatorov: katalog kollektsii. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2007. 120 s.
- 17. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2 /отв. ред. Г. Ю. Ивакин. Харьков: Майдан, 2005. Ч. 2. —1644 с.
- Sorochan S. B. Vizantiiskii Kherson (vtoraya polovina VI pervaya polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury. Ch. 1–2 / otv. red. G. Yu. Ivakin. Khar'kov: Maidan, 2005. Ch. 2. –1644 s.
- 18. Справочный энциклопедический словарь / изд. под ред. А. Старчевского. СПб.: Изд. К. Крайя, 1854. T. 8: Мас Нюр. 507 с.
- Spravochnyj jenciklopedicheskij slovar' / izd. pod red. A. Starchevskogo. SPb.: Izd. K. Krajja, 1854. T. 8: Mas Njur. 507 s.
- 19. Толстой И. И. О византийских печатях Херсонской фемы // Записки Русского археологического общества: Новая серия. 1887. Т. 2. С. 28–43.
- Tolstoj I. I. O vizantijskih pechatjah Hersonskoj femy // Zapiski Russkogo arheologicheskogo obshhestva: Novaja serija. 1887. T. 2. S. 28–43.
- 20. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002.-676 с.
- Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII seredina XIX v.). SPb.: Nauka, 2002. 676 s.
- 21. [Штир X]. Письмо из Севастополя. Июня 18-дня 1827 // Сын Отечества. 1827. Ч. 114. С. 242—259.— Изд. под псевд.: X. III.
- [Shtir Kh.]. Pis'mo iz Sevastopolya. Iyunya 18-dnya 1827 // Syn Otechestva. 1827. Ch. 114. S. 242—259.— Изд. под псевд.: Kh. Sh.
- 22. Хапаев В. В. «Заведывающий открытиями»: первые сообщения о раскопках Херсонеса // Причерноморье. История, политика культура. Избранные материалы XIII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» / под ред. С. Ю. Сапрыкина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2016. Вып. 19(6). Серия А: Античность и средневековье. С. 6–46.
- Khapaev V. V. «Zavedyvayushchii otkrytiyami»: pervye soobshcheniya o raskopkakh Khersonesa // Prichernomor'e. Istoriya, politika kul'tura. Izbrannye materialy XIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Lazarevskie chteniya» / pod red. S. Yu. Saprykina. Sevastopol': Filial MGU v g. Sevastopole, 2016. Vyp. 19(6). Seriya A. Antichnost' i srednevekov'e. S. 6–46.
- 23. Шаманаев А. В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // Античная древность и средние века. 2003. Вып. 34. С. 415–425.
- Shamanaev A. V. Dejatel'nost' Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej po izucheniju Hersonesa // Antichnaja drevnost' i srednie veka. 2003. Vyp. 34. S. 415–425.
- 24. Шаманаев А. В. Вклад В. Н. Юргевича в изучение и сохранение памятников Крыма // Античная древность и средние века. -2011.- Вып. 40.- С. 409-421.
- Shamanaev A. V. Vklad V. N. Yurgevicha v izuchenie i sokhranenie pamyatnikov Kryma // Antichnaya drevnost' i srednie veka. -2011.- Vyp. 40.- S. 409-421.

25. Шаманаев А. В. Противодействие хищениям находок и вандализму на Херсонесском городище: деятельность Одесского общества истории и древностей (1840–1880-е гг.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2014. – Вып. 49. – С. 327–337.

Shamanaev A. V. Protivodeistvie khishcheniyam nakhodok i vandalizmu na Khersonesskom gorodishche: deyatel'nost' Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (1840–1880-e gg.) // Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. – 2014. – Vyp. 49. – S. 327–337.

26. Юргевич В. Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1886. – Т. 14. – С. 1–21.

Yurgevich V. N. Dve pechati, naidennye v vizantiiskom Khersone v 1884 g. // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. -1886. -T. 14. -S. 1-21.

27. Юргевич В. Н. Свинцовые печати, принадлежащие музею общества // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1889. - T. 15. - C. 41-46.

Yurgevich V. N. Svintsovye pechati, prinadlezhashchie muzeyu obshchestva // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – 1889. – T. 15. – S. 41–46.

- 28. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Paris: Éd. du Centre national de la recherche scientifique, 1963. T. 5: L'Église. Part 1. 806 p.
 - 29. Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris: Éd. E. Leroux, 1884. 748 p.

Mokhov A. S., Shamanaev A. V. First steps of Byzantine sigillography in the Russia: initial discoveries of the 19th century.

The article deals with the development of a scientific approach to the study of Byzantine lead seals in Russian historical science. The investigation was done on the analysis of newspaper and magazine publications of the early 19th century, scientific papers of the second half of the 19th century, records of the Odessa Society of History and Antiquities, archival documents of personal origin. The authors focus on the facts of the identification and interpretation of the Byzantine sigillography items of the Chersonesos site in the 1820s and 1880s. The article analyze the achievements and the causes of mistakes by V. N. Yurgevich, as one of the first Russian researchers of Byzantine seals. The authors believe the interest of Russian byzantinists to the Byzantine lead seals was closely connected with the sigillography finds from the excavation of the Chersonesos site and its scientific publications.

Keywords: history of Byzantine, Crimean history, history of science, sigillography

УДК 001:930 (470 КРЫМ)

«РАПОРТ ОБ ЭСКИ-КЕРМЕНЕ» Н. И. РЕПНИКОВА АКАДЕМИКУ С. Ф. ПЛАТОНОВУ: НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ

Непомнящий А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация Email: dr.aan @mail.ru

Неизвестная рукопись крупного археолога Николая Ивановича Репникова (1882–1940) выявлена автором в «Архиве С. Ф. Платонова», который хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Академик С. Ф. Платонов являлся куратором нескольких крупных крымоведческих мероприятий той эпохи. Документ подготовлен, в том числе, и по итогам работы совместной советско-германской экспедиции. Он отправлен в Ленинград в разгар арестов по так называемому «Академическому делу», в центре которого стоял Платонов, и был первоначально приобщен к документам следствия. Документ предоставляет нам интересную информацию о планах исследователей памятника, в том числе – публикации книжек не только Н. И. Репникова (частично реализовано в разных научных периодических изданиях), но и А. И. Анисимова, И. Э Грабаря, Г. И. Петрова, которые не получилось напечатать.

Ключевые слова: Н. И. Репников, С. Ф. Платонов, Эски-Кермен, крымоведение, рукопись.

Крымоведческое наследие академика С. Ф. Платонова, в том числе в виде его кураторства над рядом крупных для 20-х годов XX века крымоведческих мероприятий, только в последнее время становится объектом исследования [1]. В этой связи уникальные данные для истории крымоведческих исследований эпохи содержит личный архивный фонд академика, который отложился в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург). Кроме значительного по объему эпистолярия (писем к академику его коллег-крымоведов) нами выявлены там и отдельные неопубликованные работы, научная ценность которых не утратила свое значение и по настоящее время. Документы личного фонда содержат и многочисленные данные о подготовке и проведении совместных советско-германских исследований в Крыму в 1929 году [2].

Решение о необходимости организации археологических исследований в Крыму совместно с германскими учеными С. Ф. Платонов провел через Общее собрание АН СССР 24 апреля 1929 года [3]. Были определены и исполнители проекта по раскопкам в Крыму готских древностей от германской стороны – представители Германского археологического общества профессор христианской археологии и истории искусств теологического факультета Университета Альберта Людвига в Фрейбурге И. Зауер, и доктор Г. Финдейзен. Пока немцы должны были только ознакомиться с объектами будущих раскопок и определить объемы дальнейших совместных исследований, согласно чему германской стороной выделялось финансирование. Проехав пункт назначения, немецкие археологи по ошибке вышли в Севастополе, откуда их сразу же автомобилем вернули в

Симферополь [4]. В этой связи, приехав в Крым на отдых в августе 1929 года, академик планировал посетить Эски-Кермен и лично сопровождать немецких археологов. Но обстоятельства не позволили этого сделать.

Отдохнув в Гаспре, С. Ф. Платонов так и не дождался немецких археологов, которых он лично намеревался лично встретить в Симферополе. В начале сентября он вынужден был срочно вернуться в Ленинград. Причиной этому было не окончание срока отпуска, а начавшаяся в это время «чистка» Академии наук – работа Комиссии по проверке аппарата учреждений Академии наук СССР [5, с. 307]. Еще в июне 1928 года С. Ф. Платонов обнаружил в протоколе открытого заседания Крымской комиссии ГАИМК от 28 марта того же года неизвестно кем сделанную приписку об обещании германской стороны 50 тысяч марок для продолжения работ на Эски-Кермене. Тогда же академик заявил, что такого обещания он не получал. Приписку он считал «недоразумением, которое следовало выяснить» [6, С. LXXII].

24 сентября 1929 года С. Ф. Платонов сообщил на заседании президиума Отделения гуманитарных наук АН СССР о полученной телеграмме Н. И. Репникова и общих результатах археологических работ в Эски-Кермене [7]. Первым документальным отчетом о проделанной работе стал подготовленный Н. И. Репниковым «Рапорт об Эски-Кермене», направленный «академику Сергею Федоровичу Платонову». Этот неизвестный ранее документ датирован 10 октября 1929 года. Он выявлен нами в «Материалах о раскопках готского города Эски-Кермен в Крыму» в «Архиве С. Ф. Платонова». Приводим текст данного источника полностью:

«Рекогносцировочные раскопки на Эски-Кермене 1929 г. велись Академией наук и Ц. Г. Р. М. в течение августа и сентября (45 рабочих дней), они протекали при ближайшем участии молодежи Севастопольского музея краеведения. Выполнено следующее:

1) Могильник. Приступлено к пробным раскопкам южного участка, где вскрыто 30 земляных склепов, так наз. «катакомб» и групповых погребений. Все они оказались разграбленными в древности. Но в каждом из вскрытых погребений нашлись брошенные грабителями предметы личного убора (золото, бронза, железо, стекло). Хронологически главная часть вскрытых могил относиться к VI в., заходя частично как в V, так и в VII в. Найденные предметы материальной культуры вполне характерны, повторяя типы крымских могильников «Суук-Су» и «Узень-Баша», которые по составу предметов признаются готскими. в «катакомбах» найдены деформированные черепа, что сближает их также с готами. 2) Комплекс городских ворот. Раскопаны врубленные в скале главные городские ворота, начала главной улицы и защищавшие их крепостные сооружения (основание крепостной стены и воротная башня). Хронологически данный комплекс возник, по моему мнению, в V в. позднее в районе городских ворот. В толще скалы вырублена грандиозная по своим размерам пещерная базилика с крещальней, высеченными в полу гробницами и целым рядом усыпальниц под нею в обрезе скалы. Датирующим моментом для комплекса этой базилики являются собранные в усыпальнице предметы X - XI вв.

«РАПОРТ ОБ ЭСКИ-КЕРМЕНЕ» Н. И. РЕПНИКОВА АКАДЕМИКУ С. Ф. ПЛАТОНОВУ: НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ

Раскопки подтвердили факты насильственного разрушения городской стены в данном участке, показав с очевидностью что оборона не существовала уже в XI в. (усыпальница с вещами, вырубленная в обрезе скалы на подошве городской стены).

- 3) Участок боевых стен на западном склоне городища зачищен на значительном протяжении. Здесь вскрыто из под насыпи основание прекрасной подкладке крепостной стены, сложенной из тщательно тесанных огромных квадратов. Стена построена вдоль недоступного края городища. Первоначальный вид ее восстанавливается без затруднения. Высота стены 3,20 м., толщина 20–25 см. Он сооружена на бровке 20–25 саженного обрыва. По характеру кладки стена, по моему мнению, V в., что подтверждает также существование культурных напластований непосредственно за стеной. Стена во многих частях насильственно разобрана. Отсутствие находки в наслоениях у стены естественно устанавливает дату разрушения; они не заходят за X в. В связи с боевыми стенами этого участка раскопано основание четырехугольной башни, вырубленной на <нрзб.> мысу. Башня насильственно разобрана до основания и на месте её после разрушения устроен храмик с усыпальницей.
- 4) <u>Водопровод</u>. В трех верстах от городища в горах, в балке «Бильдеран» разведкой обнаружен городской водопровод. Он представляет сплошную линию гончарных труб, маскированных декарными плитами и землей. Поэтому водопроводу в древности вода источника самотеком по склону горы (уклон 5⁰) приводилась к городским воротам на протяжении трех верст. Хронологически гончарные трубы не могут быть вынесены, как я полагаю, за пределы V VI вв.

В процессе работ 1929 г., имевших ассигнования КЭИ (500 р.), МАЭ (400 р.) и Ц. Г. Р. М. (400 р.) собраны: 1) останки материальной культуры (обломки керамики и оставленные грабителями предметы из «катакомб» и усыпальниц), которые поступили в музей МАЭ; 2) детальные архитектурно-археологические обмеры открытого в 1929 г. на восьмидесяти листах в 1/40 натуральной величины; 3) выполнено 200 негативов, размерами 13х18; 4) закончено комплектование цветных копий фресковых росписей Эски-Кермена; 5) собран и вывезен с места в МАЭ антропологический материал из «катакомб» и усыпальниц; 6) со склонов городища собрана коллекция подъемной керамики, поступила в МАЭ.

Работы 1929 г. подвели бесспорный базис гипотезе о том, что развалины городища Эски-Кермен, есть крупнейший в крымском нагорые готский город, существовавший уже в V в. как серьезнейшая крепость. Бесспорным является также то положение, что линия обороны его, будучи насильственно разобранной, не существовала как таковая уже в XI веке. Во весь рост выявляются элементы того, что при дальнейших, уже систематических, раскопках, как самого города (82. 000 квадратных метров площадь внутри стен) так и грандиозного по размерам сплошного могильника, – развернется ясная картина исторического прошлого этого пункта. Все ведет к уверенности, что мы имеем здесь дело с первоначальным Доросом, перешедшим позже в Мангуп-Кале, но конечно окончательное оформление имени древнего Эски-Кермена состоится в момент находки соответствующей надписи, на что можно рассчитывать при дальнейших изысканиях.

Собранный уже материал (работы 1927–29 гг.). Желательно издание отчета о работах. Имеются чертежи, съемки, детальные архитектурно-археологические обмеры в 1/20 и 1/40 нат., цветные копии росписей и большое количество негативов (589 шт.) – размерами 13х18.

Нужны средства сверх самого издания.

Примерная смета.

- а) Оплата работ художницы Линно, 2 года работ не получено ничего. 1. 200 р.
- б) Выполнение чертежей и планов. Около 1 000 р. (27 бол. листов 1928 г. и до 35 работы 1929 г.).
 - в) Альбом всех отпечатков 600 штук 300 р.
 - г) Зарисовка найденных предметов 100 р.

Всего 2. 600 р.

Текст берусь дать через 3–4 месяца при условии возможности заняться этим делом всецело. Кроме большого издания имеется реальное предложение издать краткий предварительный отчет о работах в Эски-Кермене, объемом 5–6 печатных листов с несколькими иллюстрациями. В этой книжке дано будет резюме работ ряда лиц, работавших в 1927–29 гг.

- 1) П. П. Бабенчиков «Итоги изучения пещерного города Эски-Кермен» С. М. К. 1/4 печ. л.
- 2) И. Э. Грабарь и Г. О. Чириков «Задачи охраны и реставрационных работ в Эски-Кермене». 1/4 печ. л.
 - 3) Н. И. Репников «Эски-Кермен в свете археологических работ 1928 г.
- 4) Н. И. Репников «В защиту Эски-Кермена: предварительный отчет о работах 1929 г.». 3 печ. л.
 - 5) А. И. Анисимов «Раскопки пещерных усыпальниц Эски-Кермена». 1 п. л.
 - 6) Г. И. Петров «Антропологические материалы Эски-Кермена». 1/2 печ. л.
- Ц. Г. Р. М. и Севастопольское музейное объединение согласны принять на себя 2/3 расходов по изданию этой малой книжки при тираже ее в 1. 000 экз., причем они претендуют на получение своей доли тиража издания. В случае желания Академии наук в дальнейшем продолжить работы в Эски-Кермене имеются предложения:
- 1) Ц. Г. Р. М. со своей стороны в 1930 г.: а) предлагает ассигновать 3 000 р. на производство архитектурных исследований; б) берется произвести все реставрационные работы в Эски-Кермене (росписи и открываемые памятники архитектуры); в) командирует за счет Ц. Г. Р. М. своего научного сотрудника архитектора Б. Н. Засыпкина на эти работы.

По всем выдвинутым предложениям желательно сношение с Ц. Г. Р. М. – Москва, Берсеневская наб., 18 – Игорь Эммануилович Грабарь.

2) Севастопольское музейное объединение, возглавляемое Севастопольским музеем краеведения, в 1930 г. предлагает принять на себя денежную оплату всех сотрудников Севастопольского музея краеведения, поставленных на работы Эски-Керменской экспедиции Академии наук, как технический персонал, так и рядовые рабочие. Кроме того Севастопольское музейное объединение берет на себя доставку и хлопоты о продовольствии для экспедиции и рабочих в трудных горных условиях во все время работ. По данному предложению желательно сношение с

«РАПОРТ ОБ ЭСКИ-КЕРМЕНЕ» Н. И. РЕПНИКОВА АКАДЕМИКУ С. Ф. ПЛАТОНОВУ: НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ

Севастополем – улица Ленина, д. 9. Севастопольское музейное объединение. Зав. отд. тов. Михайлов.

10 октября 1929 г. Н. Репников» [8].

Документ предоставляет нам интересную информацию о планах исследователей памятника, в том числе — публикации книжек не только Н. И. Репникова (частично реализовано в разных научных периодических изданиях), но и А. И. Анисимова, И. Э Грабаря, Г. И. Петрова, которые не получилось напечатать.

Однако «эски-керменская судьба» Н. И. Репникова была недолгой. Государственная академия истории материальной культуры, стремясь возглавить изучение «готского вопроса», по протекции В. И. Равдоникаса пригласила с 1 декабря 1929 года Н. И. Репникова занять должность научного сотрудника 1 разряда в составе разряда средневековых культур Европы и Передней Азии. Сам В. И. Равдоникас с конца 1930 года возглавил отдельную Готскую группу в составе сектора Архаической формации ГАИМК. Здесь же работали Н. И. Репников, А. А. Спицын, Ф. И. Шмит при участии «сотрудников-добровольцев» (Н. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, Е. В. Веймарн, П. П. Ефименко, Н. В. Малицкий, Л. А. Мацулевич) [9, с. 250].

Н. И. Репников не избежал ареста уже в финале «Академического дела». Его взяли в марте 1931 года, но в заключении он находился недолго (март-май 1931 года) [10]. Начиная с 1932 года в документах ГАИМК упоминания о Готской группе отсутствуют, что связано с арестами ученых по «Академическому» делу и «Делу славистов» и обвинениями в шпионаже в пользу Германии.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. «Пока оберегаем и спасаем…»: неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 16. – С. 138–165.

Nepomnyashchii A. A. «Poka oberegaem i spasaem…»: neizvestnye materialy po istorii krymovedeniya v perepiske A. I. Markevicha i akademika S. F. Platonova // Istoricheskoe nasledie Kryma.— 2006.— № 16.— S. 138–165.

2. Непомнящий А. А. «Быть в курсе Ваших крымских планов…»: из истории крымоведения по переписке Ф. А. Брауна и С. Ф. Платонова // Пространство и Время. — 2016. — № 1/2(23/24). — С. 177—192.

Nepomnyashchii A. A. «Byt' v kurse Vashikh krymskikh planov…»: iz istorii krymovedeniya po perepiske F. A. Brauna i S. F. Platonova // Prostranstvo i Vremya. – 2016. – № 1/2(23/24). – S. 177–192.

- 3. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 251, л. 15 об. Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN, f. 2, op. 1 (1929 g.), d. 251, l. 15 ob.
- 4. Непомнящий А. А. Неизвестный Николай Эрнст: по материалам архивов Киева, Москвы Санкт-Петербурга // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. / Уральский федеральный ун-т имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина.— Екатеринбург, 2011.— Вып. 12.— С. 159–179.

Nepomnyashchii A. A. Neizvestnyi Nikolai Ernst: po materialam arkhivov Kieva, Moskvy Sankt-Peterburga // Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': sb. nauch. tr. / Ural'skii federal'nyi un-t imeni Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina.— Ekaterinburg, 2011.— Vyp. 12.— S. 159–179.

5. Брачев В. С. Крестный путь русского историка: Академик С. Ф. Платонов и его «дело».— СПб.: Стомма, 2005.— 450 с.

Brachev V. S. Krestnyi put' russkogo istorika: Akademik S. F. Platonov i ego «delo».— SPb.: Stomma, 2005.— 450 s.

6. Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / Библиотека РАН; подг. В. П. Захаров, М. Н. Лепехин, Э. А. Фомина.— Санкт-Петербург, 1993.— LXXIV, 296 с.

Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 1: Delo po obvineniyu akademika S. F. Platonova / Biblioteka RAN; podg. V. P. Zakharov, M. N. Lepekhin, E. A. Fomina. – Sankt-Peterburg, 1993. – LXXIV, 296 s.

7. Российская национальная библиотека, отдел рукописей (далее – РНБ OP), ф. 585, оп. 1, д. 703, п. 44

Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisei (dalee – RNB OR), f. 585, op. 1, d. 703, l. 44. 8. PHE OP, φ. 585, on. 1, π. 703, π. 46–48.

RNB OR, f. 585, op. 1, d. 703, l. 46-48.

9. Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всесоюзного археологического съезда в Суздале / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров: в 3-х т.— М., 2008.— Т. 3.— С. 249–251.

Tunkina I. V. K istorii izucheniya «gotskoi problemy» v sovetskoi arkheologii v 1920-kh – nachale 1930-kh gg. // Trudy II (XVIII) Vsesoyuznogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale / In-t arkheologii RAN; otv. red. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov: v 3-kh t.– M., 2008.– T. 3.– S. 249–251.

10. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел, ф. 2, оп. 1 (1930 г.), д. 10, л. 160.

Institut istorii material'noi kul'tury RAN, nauchnyi arkhiv, rukopisnyi otdel, f. 2, op. 1 (1930 g.), d. 10, l. 160.

Nepomnyashchiy A. A. «Report about the Eski-Kermen» N. I. Repnikova to the academician S. F. Platonov: unknown manuscript

The unknown manuscript by a major archaeologist Nikolai Ivanovich Repnikov (1882–1940) in the S. F. Platonov Archive, which is kept in the Department of Manuscripts of the Russian National Library, was identified by the author. Academician S. F. Platonov was the curator of the several large events about Crimean study of that era. The document was prepared, including, and on the results of the joint Soviet-German expedition. It was sent to Leningrad in the midst of arrests on the so-called «Academic case» in the center of which was Platonov, and was initially attached to the documents of the investigation. The document provides us with interesting information about the plans of the researchers of the monument, including the publication of books not only by N. I. Repnikov (partially implemented in various scientific periodicals), but also A. I. Anisimov, I. E. Grabar, G. I. Petrov, which could not be printed.

Keywords: N. I. Repnikov, S.F. Platonov, Eski-Kermen, Crimean studies, manuscript.

УДК 910.4(091):912(1-924.71):929ДЕБАЙ"1905"

КРЫМ В ОПИСАНИИ И НА ФОТОГРАФИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ (1905 г.). ЧАСТЬ 1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Петрова Э. Б.

Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация E-mail: petrova_eleonora@mail.ru

Среди сочинений путешественников по Крыму начала XX в. исторический и этнографический интерес представляет книга «В Крыму» французского учёного (археолога, этнографа, историка), путешественника, коллекционера, фотографа, много сделавшего для установления связей Франции с Россией, барона Жозефа де Бая (Joseph de Baye; 1853–1931). Книга опубликована в Париже в 1906 г., она никогда не переводилась на русский язык и до сих пор не вошла в научный оборот. Путешествие по Крыму де Бая пришлось на август-октябрь 1905 г. Он посетил Симферополь, Бахчисарай и его округу, Евпаторию, Феодосию, Старый Крым, Судак, Новый Свет, Инкерман, Балаклаву, развалины древнего Херсонеса и Севастополь. На Южном берегу – Ялту, Алупку, Никиту, Гурзуф, Алушту. Интерес де Бая к Крымскому полуострову был профессиональным, в особенности привлекали внешний облик, нравы и быт населявших полуостров народов. Его задолго до путешествия интересовала так называемая готская проблема. Он оказался свидетелем археологических раскопок готского могильника VI–X вв. в урочище Сууксу. Книга и фотографии Жозефа де Бая дополняют наши знания о Крыме начала прошлого столетия, облике и быте населявших его народов, памятниках истории и культуры.

Ключевые слова:путешественники по Крыму начала XX в., барон Жозеф де Бай, археология и этнография Крыма.

В 2018 г. исполняется 165 лет со дня рождения французского учёного – археолога, этнографа, историка¹, путешественника и коллекционера, большого друга России, много сделавшего для установления связей Франции с Россией, барона Жозефа де Бая.

Амур-Огюст-Луи-Жозеф (Джозеф) Бертело де Бай (Amour-Auguste-Louis-Joseph Berthelot de Baye; в России – Иосиф Августович; 1853–1931) – выходец из старинного аристократического рода; родился и умер в Париже. Значительную часть жизни посвятил путешествиям по Европе и по всей России. Подолгу жил в России (куда приезжал по заданию Министерства народного просвещения Франции), где участвовал в археологических и этнографических экспедициях, выступал с лекциями и докладами, где приобрёл друзей, вращался в кругу известных учёных, художников, общественных и государственных деятелей и был представлен членам царской семьи.

В археологию Жозеф де Бай вошёл как исследователь памятников эпохи камня и бронзы. Научную известность принесло ему открытие гротов эпохи неолита во Франции, в родной ему провинции Шампань, где его семья владела землями и старинным родовым замком.

С 1890 г. де Бай надолго связал свою жизнь с Россией. География его научных экспедиций — «Сибирь, Урал, Поволжье, Кавказ, Крым, Прибалтика, Украина, центральные районы России. Французский учёный изучал не только археологию... Барон де Бай является автором более 40 книг о России, посвящённых истории монастырей, дворянским усадьбам, русским художникам, этнографическим исследованиям малых народов Крыма, Кавказа, Урала, Поволжья и городам — Киеву, Смоленску. Однако ярче всего его научная деятельность проявилась в этнографии. Везде, где барон бывал, он приобретал предметы старины для личной коллекции сувениров из России» [5, с. 483]. Ныне его богатейшие коллекции, масса фотографий (которые он делал сам во время поездок) и документов из его архива, хранятся во Франции, России, Грузии и далеко не полностью изучены и опубликованы.

Интересы де Бая были разнообразны, в истории его увлекали разные эпохи и события. В новой истории – эпоха наполеоновских войн, которую он изучал по разным материалам и во Франции, и в России. Не случайно именно его определили корреспондентом от Франции в Особый Комитет по устройству Музея 1812 года в Москве². Этому музею барон подарил более двух тысяч предметов. Дарить вещи из своих собраний музеям, научным обществам для него вообще было делом обычным. Да и сам он получал в России подарки, пополнявшие и украшавшие его коллекции.

В июле 1914 г. в очередной (и в последний) раз Жозеф де Бай приехал в Россию и в силу сложившихся обстоятельств оставался там до сентября 1920-го. Эти страшные годы – Первая мировая война, революции, гражданская война – де Бай переживал вместе с Россией. Одна за другой выходят в свет его статьи на злобу дня [5, с. 486, прим. 8]. В «Русском архиве» публикуется его речь «Размышления француза в его втором отечестве» (то есть в России), произнесённая 29 октября (11 ноября) 1914 г. в Москве. Вот несколько выдержек из неё: «Одним из самых замечательных явлений современной истории в конце XIX и начале XX века является, несомненно, союз Франции и России»; Россия и Франция «всё сделали, чтобы избегнуть войны... Устав ждать вызова с их стороны, германский император объявил им войну»; «Француз, да ещё из Шампани, как я, не может обойти молчанием погромов, устроенных в нашей провинции кронпринцем и его штабом»; «вооружённой рукою он произвёл тщательный грабёж замка Бай и его галереи, где в течение 26 лет я собирал самые драгоценные дары и самые дорогие воспоминания, привезённые из моей второй родины. Это стремление украсть, вырвать у друга России всё, что у него есть русского... Кронпринц должен был знать, что в замке Бай он находился у полуфранцуза, полурусского... Сначала он захватил всё, что происходило от моих русских друзей и напоминало мои путешествия по Европейской и Азиатской России. Царственный громила этим не ограничился. Он захватил сколько мог предметов искусства, драгоценных вещей, фамильных воспоминаний, которые возбуждали его жадность. Увы, всё это отправилось по дороге в Германию... При приближении французских войск кронпринц со своей компанией по привычке бросились в бегство. Уходя, они бросили бомбы, и только чудом замок не был разрушен этими чудовищами... У нас, русских и французов, понятия отличаются от понятий германцев. Мы называем военными трофеями

знамёна, пушки, оружие, взятое в храбром сражении. Они называют военными трофеями добро, награбленное у беззащитных людей» [1, с. 351, 357, 373].

Жозеф де Бай являлся членом многих научных обществ, в том числе Национального общества антиквариев Франции (в 1906 г. стал его президентом), Парижского географического общества, Императорского московского археологического общества, Уральского общества любителей естествознания, Таврической учёной архивной комиссии (с 1906 г.); был избран членом-соревнователем в Государственном историческом музее в Москве. Заслуги де Бая отмечены орденами на родине и в других государствах, в России – орденами Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 1-й степени.

Жозефу де Баю посвящено довольно много исследований зарубежных и российских авторов, их список можно найти в работах Е. М. Букреевой, Н. А. Ореховой, О. С. Даниловой и др. [см. например: 3–6; 11; 7]. Е. М. Букреева отмечает: «...благодаря последним публикациям российских, французских и грузинских исследователей имя барона де Бая зазвучало в печати, на телевидении, в музейных экспозициях; о нём узнали в широких кругах музейных и библиотечных сотрудников, историков, археологов, искусствоведов, коллекционеров» [5, с. 482]. Имя де Бая прочно вошло в археологию и этнографию Поволжья, Урала, Сибири. А вот вояж барона Жозефа де Бая по Крыму в научной литературе не освещался.

Жозеф де Бай путешествовал по Крымскому полуострову в 1905 г. и рассказал о своей поездке в небольшой по объёму книге «В Крыму», опубликованной в Париже в следующем, 1906 г. [16]. (В Крыму бывал и ранее, сделал много фотографий [16, р. 25].) Его книга не издавалась в русском переводе и не вошла в научный оборот в качестве источника по истории, археологии и этнографии Крыма. Между тем несомненный интерес представляют и сама книга, и время, на которое пришлось путешествие французского учёного. Важно также то, что де Бай сделал много фотографий (часть их поместил в книге) [16, р. 37–55]. Эти и другие сделанные в разных местах полуострова снимки находятся в альбомах, ныне хранящихся в парижском Музее на набережной Бранли³, а также в иных местах.

В отличие от довольно многих вояжёров по Крыму XIX – начала XX в., Жозеф де Бай был не просто любителем путешествий, пожелавшим увидеть новые места, набраться новых впечатлений. Его интерес был профессиональным, в особенности привлекали внешний облик, нравы и быт населявших полуостров народов. Так что в своих записках и сделанных во время путешествия по Тавриде фотографиях он выступает в первую очередь как этнограф.

Судя по некоторым замечаниям в книге де Бая, изображениям и подписям на фотографиях, его вояж пришёлся на август, сентябрь и октябрь 1905 г. За это время французский учёный (вместе со своим спутником Львом Ильиным [16, р. 34]) посетил многие места. Их маршрут был таким: Симферополь — Бахчисарай — Успенский монастырь — Чуфут-Кале — Каралёз — Мангуп — Евпатория — Ялта — Дерекой — Ай-Василь —Алупка — Никита — Гурзуф — Алушта — и вновь Симферополь; затем последовали Феодосия, Старый Крым, Отузы, Судак, Новый Свет и возвращение в Феодосию; из Феодосии путники отправились на юго-запад

Крыма, где посетили Инкерман, Балаклаву, развалины древнего Херсонеса и Севастополь. Транспорт – экипаж, из Симферополя в Феодосию – поезд.

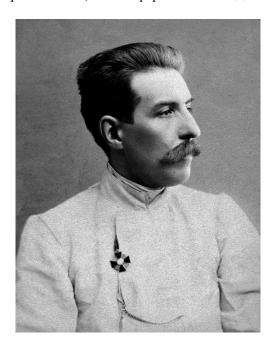

Рис. 1. Барон Жозеф де Бай. Фото 1890-х гг.

Рис.2. Тип южнобережного татарина.

Рис. 3. Татарка Южного берега Крыма.

Рис. 4. Татарин из деревни Дерекой, близ Ялты.

Рис. 5. Ученики татарской школы в Дерекое, близ Ялты.

Рис. 6. Ученицы татарской школы в Дерекое, близ Ялты.

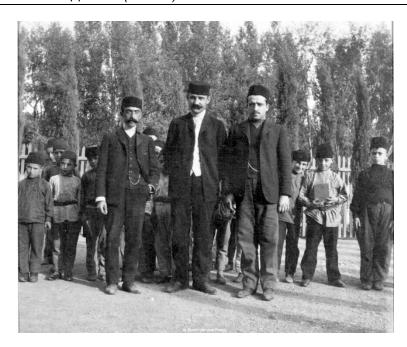

Рис. 7. Учителя татарской школы совместного обучения в Дерекое, близ Ялты.

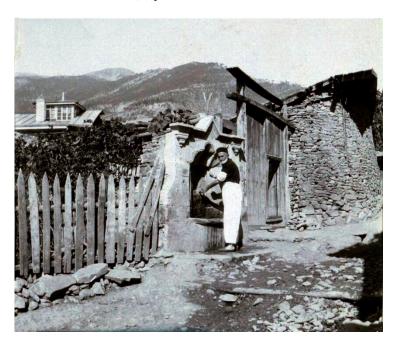

Рис. 8. В деревне Ай-Василь, близ Ялты.

Рис. 9. В деревне Ай-Василь, близ Ялты.

Рис. 10. Соревнования татарских борцов. Сара, близ Алупки.

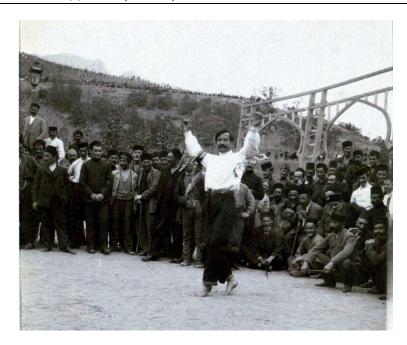

Рис. 11. Соревнования татарских борцов. Танец победителя. Сара, близ Алупки.

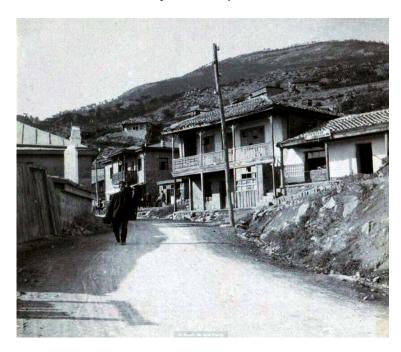

Рис. 12. Деревня Никита.

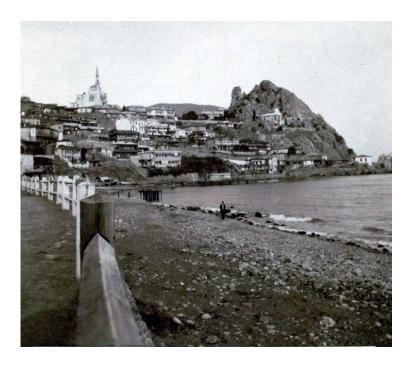

Рис. 13. Гурзуф. Справа – гора Дженевез-Кая. Слева на заднем плане – церковь, переоборудованная в мечеть.

Рис. 14. Гурзуф. Дом герцога де Ришельё, в котором гостили семья Раевских и Александр Пушкин в 1820 г. Слева – пушкинский кипарис.

Рис. 15. Фонтан и пушкинский платан у дома герцога де Ришельё в Гурзуфе.

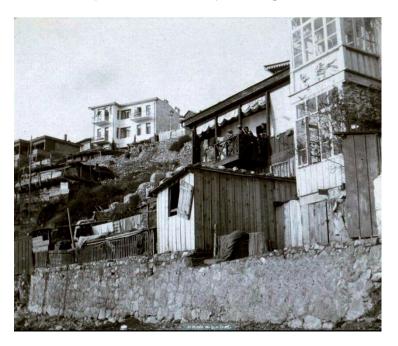

Рис. 16. Дома в Гурзуфе.

Рис. 17. Дома в Гурзуфе.

Рис. 18. Девочки у фонтана в Гурзуфе.

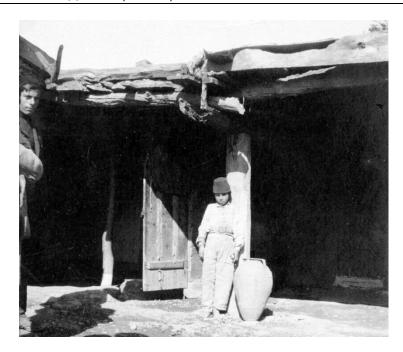

Рис. 19. Древняя амфора, найденная в Гурзуфе.

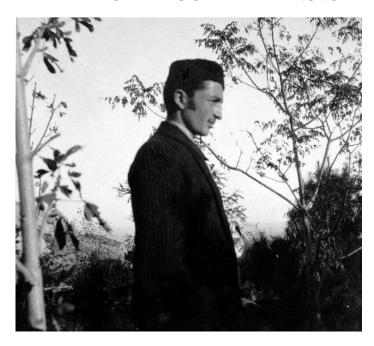

Рис. 20. Гурзуф. Татарский мурза Яков Канаров (Канар). Ему 20 лет.

Рис. 21. Балгота, между Гурзуфом и Сууксу. Татарские дети.

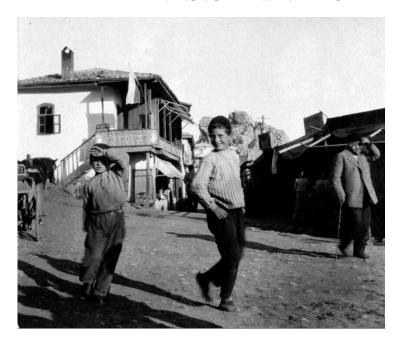

Рис. 22. На улице Алушты.

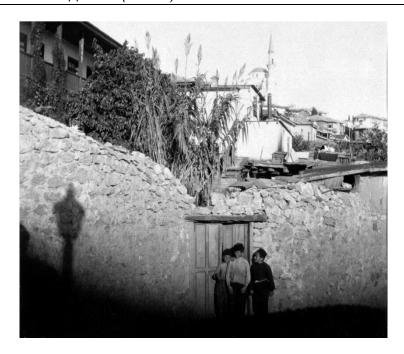

Рис. 23. В Алуште.

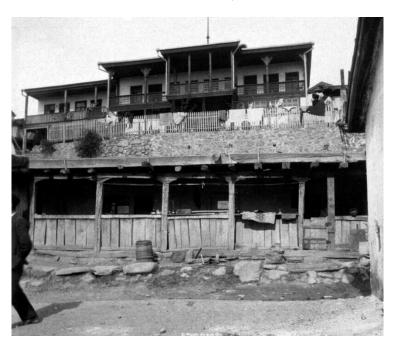

Рис. 24. Дом в Алуште.

Нужно сказать, что де Бай выбрал не самое подходящее время для путешествия: Россия переживала свою первую революцию (1905–1907 гг.); на октябрь 1905 г. пришлись главные события – Всероссийская политическая стачка. Де Бай пишет: «Из Симферополя мне повезло поездом прибыть в Феодосию. Повезло, потому что в тот же день была объявлена всеобщая забастовка и весь транспорт остановился» [16, р. 24]. Рассказывая о своём пребывании в Феодосии, наш автор счёл нужным заметить, что Соломон Крым «смог уберечь Феодосию от возможного агрессивного поведения взбунтовавшегося броненосца "Потёмкин", а также сумел остановить революционные погромы в городе» [16, р. 26]⁴. А возвратившись в Феодосию после посещения Старого Крыма, Судака и Нового Света, де Бай застал город «дымящимся от пожарищ», его жителей – «погружёнными в подавленное состояние». «Здесь пронёсся ураган безумия, принёсший с собой кровопролитие и пожары», – пишет он о революционных беспорядках в городе в октябре 1905 г. [16, р. 33].

Задолго до поездки на полуостров Жозеф де Бай познакомился с его историей и археологией, читал литературу о Крыме, коей ко времени его поездки было уже немало. Его, например, давно интересовал готский вопрос, и он был рад, когда, наблюдая за раскопками «господина Репникова» близ «прелестного местечка под названием Суук-су», убедился в своих «предположениях, изложенных ещё пятнадцать лет назад, о долговременном пребывании готов в Крыму и об их культуре» [16, р. 22. См. здесь же: р. 16]. Де Бай говорит, что он тщательно изучал также вопрос о происхождении караимов [16, р. 13. См. здесь же: р. 17]. Интерес у него вызывала не только древность, но и дела недавние — то, чем жил Крым после его присоединения к России.

Описаниям нашего автора присущи конкретность, внимание к хронологии, цифровому материалу, источникам информации — это не только его личные впечатления, но и рассказы тех, с кем он беседовал в Крыму, а также ранее прочитанное, например, трактат «О постройках» византийского историка Прокопия Кесарийского, сочинения путешественников — арабских, поляка Мартина Броневского, армянина Минаса Медици. В книге много имён — здесь и исторические деятели, и те люди, с которыми автору довелось познакомиться в Крыму и о которых он тепло отзывается, — Исмаил Гаспринский, Илья Казас, Лев Голицын и другие.

Подобно буквально всем путешественникам по Крыму, он пленился природой полуострова, его легендами. Настроение было таким, что хотелось читать стихи. И де Бай цитирует отрывки из сочинений о Крыме замечательных поэтов – Гавриила Державина, Александра Пушкина, Адама Мицкевича, Арсения Голенищева-Кутузова, Акакия Церетели. А завершает свою книгу словами Льва Толстого о любви русских к своей Родине.

В рассказах о том или ином посещённом им месте, как правило, есть что-то такое, о чём умолчали другие авторы путевых записок. И очень важно то, что де Бай был замечательным фотографом-любителем, его снимки живые, наполнены бытом и заботами простых людей, сельчан, скромно одетых, обитавших в простых жилищах. А ведь в то время Крым уже стал признанным курортом, на побережье

выросли дворцы и богатые дачи, в коих де Бай, по-видимому, не видел ничего особенного.

Довольно подробен его рассказ о крымском Южнобережье.

Первыми на его пути были **Ялта** (куда он прибыл из Евпатории), расположенная «на берегу изящно очерченной бухты», и близлежащие татарские деревни **Дерекой** и **Ай-Василь**⁵. Его внимание привлёк внешний облик горных татар: в них «явно смешана кровь генуэзцев, греков и готов», — пишет де Бай. На его фотографиях — учителя и ученики татарской школы в Дерекое, дети и взрослые на фоне простеньких построек Ай-Василя.

Проезжая Ливадию, Гаспру, Кореиз, де Бай узнал, что в этих местах ещё помнят княгиню Анну Сергеевну Голицыну (обосновавшуюся в Кореизе), баронессу Варвару Юлиану Крюденер и её дочь Жюльетту (Юлию) Беркгейм, прибывших в Крым в далёком 1824 г. для распространения христианской веры среди местных жителей⁶.

Воронцовский дворец в **Алупке** не произвёл особого впечатления на француза, он лишь заметил, что дворец представлял собой «оригинальный компромисс между восточным стилем и английской готикой XIX века». Гораздо больше привлекали местные обитатели, и де Бай описал и запечатлел на серии фотографий татарский праздник, на котором ему довелось присутствовать. Праздник проходил в местности Сара, близ Алупки⁷, и сопровождался соревнованиями борцов. На снимках – зрители, напряжённо следящие за происходящим; выступления участников соревнований; победитель, гордый своим превосходством над соперниками.

В **Никите**, сообщает наш путешественник, «можно увидеть древнюю христианскую церковь», переоборудованную в мечеть после переселения греков в Приазовье в 1778 г. Это была церковь Св. Иоанна Златоуста [см. например: 2, с. 3–4]. Здание церкви, ставшей мечетью, до нашего времени не сохранилось.

В Гурзуфе де Бай не преминул вспомнить о пребывании в имении герцога де Ришельё семьи генерала Раевского и Александра Пушкина. Сохранились его фотографии с домом Ришельё - с застеклённой верандой (первоначально она была открытой; и сейчас, кстати, тоже), с пушкинскими кипарисом и платаном. Упомянуты в книге де Бая развалины генуэзской крепости, что на горе Дженевез-Кая8, и «довольно симпатичная белая мечеть». На фотографиях остатки крепости не разглядеть, а вот на одном снимке слева от горы Дженевез-Кая хорошо виден купол и минарет мечети. Эту мечеть принято называть губонинской – она была построена на рубеже XIX-XX столетий на средства предпринимателя и мецената Петра Ионовича Губонина, бывшего тогда хозяином гурзуфского имения. Мечеть простояла недолго: частично пострадала во время землетрясения 1927 г., а в конце 1930-х гг. её полностью разобрали. Запечатлел де Бай и гурзуфскую деревню - с «татарскими хижинами», разбросанными на террасах с подпорными стенками, и непременно - с её обитателями, которых он не только фотографировал, но с которыми знакомился и явно сумел расположить к себе. На снимках мы видим молодого татарского мурзу по имени Яков Канаров (Канар); женщин на балконе; магазин («Торговля А. И. Сахового») со складом товаров (в бочках, ящиках) прямо на улице; семейную пару на фоне их домашней обстановки; маленьких девочек у фонтана; мальчика с найденной близ Гурзуфа древней амфорой – предмет, который, конечно, не мог не заинтересовать путешествовавшего археолога.

Сууксу (Суук-су, «Холодная вода»; так назывались источник, мыс и долина, расположенные между Гурзуфом и горой Аюдаг) – «самый очаровательный курорт на всём Южнобережье» - наш путешественник избрал местом для отдыха и остановился там на более продолжительное время. Но и отдыхая, он совершает походы, знакомится с местностью близ Гурзуфа. И вдруг – невероятная удача! Он становится свидетелем археологических раскопок, проводившихся Николаем Ивановичем Репниковым (тогда начинающим археологом, а впоследствии исслелователем крымских древностей). Раскопки известным раннесредневекового могильника VI-X вв. в урочище Сууксу в 1903-1905 гг. стали «настоящим археологическим открытием». Сам де Бай ещё до этих исследований положил начало формированию в науке так называемой гото-понтийской концепции. Раскопки в Сууксу подтверждали её. Наблюдение де Бая за этими работами сопровождалось его беседами с Н. И. Репниковым и в то время уже маститым учёным Александром Львовичем Бертье-Делагардом [см. подробнее: 8, с. 101 слл.; 15, с. 147 слл., 182 слл., 195 слл., 452 слл.]. Этническая принадлежность погребённых в могильнике в Сууксу вызвала дискуссию в науке, их считали готами (такого мнение придерживались де Бай, Репников, да и большинство исследователей более позднего времени), сармато-аланами и др. Результатом знакомства с новыми археологическими материалами стала вышедшая во Франции статья Ж. де Бая «Погребения готов в Крыму» [17].

Побывал де Бай в недалеко расположенном от Сууксу имении **Артек**, но рассказал о нём лишь то, что видел так называемый Чёртов домик, в котором когдато недолго проживала некая графиня де Гаше. Здесь нашему путешественнику рассказали то ли легенду, то ли правду о том, что Жанна де Гаше в действительности была графиней Жанной де ла Мотт-Валуа (де Ламотт-Валуа) — известной авантюристкой, замешенной в мошенничестве с безумно дорогим ожерельем французской королевы Марии Антуанетты и скрывавшейся в Крыму под чужим именем [см. подробнее например: 12; 14, с. 131 слл.; 10, с. 351 слл.].

Сохранились фотографии, сделанные де Баем недалеко от Гурзуфа и Сууксу – в урочище Балгота (Болгота) и в деревне Кизилташ (Кизил-Таш; ныне пгт Краснокаменка), описание которых в книге отсутствует. И здесь на снимках запечатлены местные жители, их простые жилые и хозяйственные постройки.

Осмотр Южнобережья завершился пребыванием в **Алуште**. Как курорт, город произвёл на французского путешественника не лучшее впечатление. А вот две башни, оставшиеся от крепости Алустон юстиниановского времени¹⁰, и живописный татарский квартал, выстроенный «в форме ступеней на склоне высокого холма», показались ему весьма экзотичными. Де Бай также заметил, что в 1830 г. в Алуште «ещё встречались остатки красивых городских зданий эпохи владычества генуэзцев». Очевидно, что он читал записки кого-то из путешественников, побывавших в Крыму в 1830 г.

Книга и фотографии Жозефа де Бая дополняют наши знания о Крыме начала прошлого столетия, облике и быте населявших его народах, памятниках истории и культуры.

ИЗ КНИГИ ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ «В КРЫМУ»¹¹

/19/12 Мы покидаем равнинную часть Крыма и в экипаже из Евпатории через Бахчисарай направляемся в Ялту. Вторая часть нашего маршрута пролегает по живописнейшим местам. Дорога на Ай-Петри, пересекающая южную цепь Крымских гор, изобилует восхитительными пейзажами, и я настоятельно рекомендую всем путешественникам обязательно побывать здесь. С высоты горы Ай-Петри открывается величественная панорама: окрашенный в нежные оттенки розового, фиолетового и зелёного цветов, на фоне яркого голубого неба и изумрудного моря у ваших ног раскинулся Южный берег волшебной Тавриды.

Крутой спуск с горы через гигантские сосновые леса приводит нас в Ялту, расположенную на берегу изящно очерченной бухты. Летом это место встреч отдыхающих, а зимой сюда съезжаются люди с различными заболеваниями. Здешняя публика соответствует уровню посетителей фешенебельного курорта. В действительности же в Ялте нет ни казино, ни какого-либо приличного пляжа, а в самом городке между морем и жилыми кварталами пролегает одна единственная улица. И только экскурсии, организованные проводниками-татарами, помогают курортникам как-то проводить своё свободное время. Обычно проводники-татары являются прекрасными наездниками. То, как они элегантно держатся в седле, резко контрастирует с посадкой их неуклюжих клиентов.

Пребывание в Ялте позволило нам также посетить такие татарские деревни, как Дерекой с его образцовой школой и Ай-Василь с его бесчисленными ореховыми садами. Там я познакомился с говорящим по-французски татарином Мансур Беем и повстречал большое количество горных татар, которые зовутся татарами по большей части из-за их принадлежности к магометанству, а не по причине их этнического происхождения. В этих людях явно смешана кровь генуэзцев, греков и готов. Они, почти все, – просто красавцы. /20/ Женщины, хотя и не носят вуали, очень не любят, когда их фотографируют.

Крымская горная дорога, проходящая через Ливадию, Ай-Тодор, Кореиз и Гаспру — места, где ещё свежи воспоминания о пребывании здесь княгини Голицыной, а также баронесс Крюденер и Беркгейм¹³, приводит меня в Алупку, прелестный городок, где высится величественный дворец графа Воронцова, архитектура которого представляет собой оригинальный компромисс между восточным стилем и английской готикой XIX века¹⁴. На фоне тёплого, солнечного пейзажа дворец выглядит мрачновато.

В деревеньке Сара-Джелиу я присутствовал на татарском празднике, программа которого включает силовые единоборства¹⁵. Вот как обычно это выглядит: противники хватают друг друга за пояса и мощными рывками пытаются бросить один другого на землю. При этом борцы показывают примеры невероятной силы и ловкости. Наградой в таких соревнованиях является платок, который победитель сам себе повязывает на руку. Часто свою радость чемпион выплескивает в

зажигательном импровизированном танце. Вокруг площадки, где проходят соревнования, разрешается находиться только мужчинам, но на прилегающих к данному месту пригорках я заметил многочисленные группы женщин в цветастых одеждах и золотых украшениях.

Деревня Никита, как и большинство других крымских деревень, имеет греческое название. Здесь можно увидеть древнюю христианскую церковь, которую Екатерина передала татарам для обустройства в ней мечети. Это случилось после того, как по указу императрицы греки переселились на берега Азовского моря и основали там город Мариуполь 16.

Шоссе, ведущее в Гурзуф, заслуживает того, чтобы прокатиться по нему. Оно пересекает чудесный парк с разнообразной крымской растительностью.

/21/ Первыми владельцами Гурзуфа были князь Потёмкин и герцог Ришельё¹⁷. В 1820 году Ришельё сдал свою гурзуфскую дачу генералу Раевскому, у которого в течение трёх недель гостил сам Пушкин¹⁸. Сегодня гостям Крыма обязательно показывают растущие перед хозяйским домом платан и кипарис Пушкина. Из центрального окна здания сквозь листву этих деревьев хорошо просматривается вдающаяся в бескрайнее море скала, усеянная татарскими хижинами деревеньки Гурзуф. Далее в полупрозрачной дымке, окрашенной бледно-нежным светом, перед нами предстаёт гора Аю-даг. Именно здесь Пушкин воспел красоту берегов Тавриды:

«...Поклонник муз, поклонник мира, Забыв и славу и любовь, О, скоро вас увижу вновь, Брега весёлые Салгира! Приду на склон приморских гор, Воспоминаний тайных полный, И вновь таврические волны Обрадуют мой жадный взор. Волшебный край! очей отрада! Всё живо там: холмы, леса, Янтарь и яхонт винограда, Долин приютная краса, И струй и тополей прохлада... Всё чувство путника манит, Когда, в час утра безмятежный, В горах, дорогою прибрежной, Привычный конь его бежит, И зеленеющая влага Пред ним и блещет и шумит Вокруг утёсов Аю-дага...» 19

А поэт Кутузов так представил себе возвращение духа Пушкина на крымскую землю:

«...Но сердцу верится, что в царстве вечной ночи Певцу невнятен шум житейской суеты;

КРЫМ В ОПИСАНИИ И НА ФОТОГРАФИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ (1905 Г.). ЧАСТЬ 1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Что, сквозь могильный сон, души бессмертной очи Доступны лишь лучам бессмертной красоты; Что, может быть, сюда, на этот склон оврага, Где верные ему платан и кипарис Под небом голубым и солнцем разрослись, Где дремлют старые утёсы Аю-дага, — Певца святая тень приносится порой Вдали земных сует, страстей, обид и горя, Как некогда, смотреть в простор безбрежный моря, С волнами говорить и слушать их прибой»²⁰.

Продолжим нашу экскурсию и поднимемся на скалу, /22/ где друг на друге громоздятся татарские жилища Гурзуфа. На оконечности этого скалистого мыса находятся развалины греческой крепости, упомянутой Прокопием и переделанной генуэзцами в XIV веке. В XV веке Гурзуф был захвачен турками²¹.

Между скалой, на которой расположилась татарская деревня, и величественной горой Аю-даг (по-татарски Медведь-гора) находится маленький залив, омывающий прелестное местечко под названием Суук-су (Холодная вода). Недавно здесь построили самый очаровательный курорт на всём Южнобережье, причём, более комфортабельный, чем в Ялте. В этом месте я и остановился на отдых после моих многочисленных странствий, в результате чего стал свидетелем увлекательнейших археологических раскопок, проводимых под руководством бесстрашного учёного господина Репникова. Мне очень повезло с археологами. Вскрытие многочисленных захоронений в данном районе подтвердило мои предположения, изложенные ещё пятнадцать лет назад, о долговременном пребывании готов в Крыму и об их культуре. Это были самые первые погребения готов, обнаруженные в Тавриде. В них найдены погребальная утварь, а также фибулы, серёжки и поясные пряжки, аналогичные украшениям из захоронений франков эпохи Меровингов. Произошло самое настоящее археологическое открытие, подтверждающее мою гипотезу о том, что голубоглазые блондинытатары со светлым цветом кожи являются потомками древних готов²².

/23/ Дорогой читатель, я думаю, ты мне простишь этот небольшой экскурс в область археологии и этнографии. И, чтобы доказать тебе, что во время своего путешествия я не всегда погружаюсь в дела давно минувших дней, расскажу-ка сейчас о своём посещении имения Артек, расположенного вблизи Суук-су. Там мне показали Чёртов домик, где когда-то проживала графиня де Гаше, которая на самом деле была никто иной, как знаменитой графиней де Ламотт, участницей скандального дела об ожерелье королевы, принёсшим ей неприятную славу²³. Об этой женщине ещё до сих пор помнят многие жители Крыма.

Дорога из Суук-су до Алушты немного отдаляется от моря, оставляя справа от себя Аю-даг. Алушта предстаёт пред нами на небольшом холме, окружённом горной долиной. Здесь также пытаются создать курорт, но пока что жилой квартал городка и его гостиницы находятся не на должном уровне. Благодаря помощи любезного господина Голубова²⁴ мне удалось посетить татарский квартал Алушты и его развалины, которые являются единственной достопримечательностью этого

места. Здесь также можно увидеть две башни, оставшиеся от древней крепости Алустон, построенной Юстинианом в VI веке для защиты побережья от набегов гуннов. В 1830 году тут ещё встречались остатки красивых городских зданий эпохи владычества генуэзцев, которые превратили Алушту в крупный город, упоминавшийся в итальянских хрониках под именем Луста, Луска. Но нет ничего более живописного, чем татарский квартал, где проживают 2000 человек. Он выстроен в форме ступеней на склоне высокого холма. Крыши домов одновременно являются террасами, образующими своеобразную гигантскую извилистую лестницу.

Примечания

- 1 Де Бай не имел специального исторического образования, однако в научном мире был признан учёным.
 - ² Комитет был организован в 1908 г. [см. подробнее: 3; 6].
- ³ Le musée du quai Branly. Фотографии, представленные в данной статье, взяты из книги Ж. де Бая «В Крыму», а также из альбомов со снимками де Бая, хранящимися в Музее на набережной Бранли и представленные в общедоступных ресурсах интернета, не содержащих ограничений для их заимствования.
- 4 Восстание на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» пришлось на 14 (27) июня 25 июня (8 июля) 1905 г.
- ⁵ Деревни Дерекой и Ай-Василь с 1945 г. стали сёлами Ущельное и Васильевка. Ныне их территория входит в черту значительно разросшегося города Ялты.
- ⁶ Анна Сергеевна Голицына (урожд. Всеволожская; 1779–1838) княгиня, супруга князя И. А. Голицына; хозяйка имения в Кореизе. Варвара Юлиана фон Крюденер (Криденер; урожд. Фитингоф; 1764–1824) баронесса, проповедница и прорицательница с громкой, но короткой славой. Жюльетта (Юлия) Беркгейм её дочь. Все трое, а также муж Жюльетты Беркгейм и примкнувшая к ним француженка Жанна де Гаше (возможно, это Жанна де ла Мотт-Валуа, авантюристка, известная по делу о пропаже ожерелья французской королевы Марии Антуанетты) прибыли из Петербурга в Крым с большой группой миссионеров в августе 1824 г. дабы распространять христианскую веру в этом сравнительно недавно обретённом Россией крае.
- ⁷ Сарой, Алупкой-Сарой называлось имение князей Трубецких; в начале XX в. хозяева разбили его на участки и продавали под дачи. Ныне Сара западная часть города Алупки.
- ⁸ Дженевез-Кая («Генуэзская скала»; высота 70 м) скала-отторженец от Главной гряды Крымских гор. Византийский историк Прокопий Кесарийский в трактате «О постройках» рассказал, что Юстиниан I Великий (управлявший Византийской империей в 527–565 гг.) построил два укрепления «так называемые Алуста и в Горзубитах». В XIV–XV столетиях хозяевами гурзуфской крепости становятся генуэзцы. В 1475 г. крепость штурмовали и почти полностью разрушили турки. Ныне от древних укреплений сохранились совсем незначительные остатки.
- 9 Курорт Сууксу организовали супруги В. И. Березин и О. М. Соловьёва; его открытие состоялось в 1903 г.
- 10 См. прим. 8. С 80-х гг. XIV в. по 70-е гг. XV в. крепость и город Луста (Алуста, Алушта) находились в руках генуэзцев, они провели здесь большие строительные работы. В 1475 г. крепость взяли штурмом и сожгли турки. В XIX в. на поверхности возвышались три башни внешней линии обороны крепости. Одну из них разобрали в 1871 г., две сохранившиеся, которые упомянул де Бай, можно видеть и сегодня.
- ¹¹ Baye de Joseph. En Crimee. Paris: Librairie Nilsson, 1906. Р. 19–23. Перевод с французского Г. И. Беднарчика. Публикуется по экземпляру, хранящемуся в Российской государственной библиотеке (Москва).
 - ¹² Цифры в скобках номера страниц в оригинальном издании книги Ж. де Бая.
 - ¹³ См. прим. 6.
- ¹⁴ Алупкинский дворец генерал-губернатора Новороссии (1823–1844 гг.) графа Михаила Семёновича Воронцова построен в 1828–1848 гг. по проекту английского архитектора Эдуарда Блора,

КРЫМ В ОПИСАНИИ И НА ФОТОГРАФИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ (1905 Г.). ЧАСТЬ 1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

под надзором его ученика Вильяма Гунта. Дворцовый комплекс состоит из пяти связанных между собой корпусов: столовый, центральный, зимний сад и бильярдная, шуваловский (гостевой), библиотечный.

- ¹⁵ Сара местность близ деревни Алупка. «Джелиу» у де Бая неправильное написание слова «джайла», «яйла» (тюрк.). Яйла летнее горное пастбище. Татарский праздник проходил в Саре, на яйле
- ¹⁶ Церковь Св. Иоанна Златоуста была переоборудована в мечеть после переселения греков в Приазовье в 1778 г. Здание до нашего времени не сохранилось.
- ¹⁷ Прим. Ж. де Бая: В 1817 г. герцог Ришельё за 3000 франков выкупил территорию Гурзуфа, составлявшую 140 десятин земли.
- ¹⁸ Первым известным нам владельцем имения в Гурзуфе был новороссийский генерал-губернатор Арман Эммануэль дюПлесси Ришельё [см. например: 9, с. 20]. В 1808—1811 гг. здесь по его заданию был построен двухэтажный дом, разбит парк. В 1814 г. Ришельё покинул Россию, а в 1823 г. его имение приобрёл новороссийский генерал-губернатор граф Михаил Семёнович Воронцов. В конце 1834 начале 1835 г. поместье покупает Иван Иванович Фундуклей, бывший чиновником особых поручений при М. С. Воронцове, а в 1839—1852 гг. киевским гражданским губернатором. В 1881 г. хозяином гурзуфского имения становится московский купец, предприниматель, меценат Пётр Ионович Губонин; он превращает Гурзуф в курорт. С 19 августа по 5 сентября (по ст. ст.) 1820 г. в гурзуфском имении Ришельё отдыхали семья генерала Николая Николаевича Раевского и Александр Пушкин. Ныне в доме Ришельё находится Музей А. С. Пушкина.
 - 19 Отрывок из поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823 гг.).
- ²⁰ Отрывок из стихотворения Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова «В Гурзуфе» (1894 г.), посвящённого памяти А. С. Пушкина.
 - ²¹ См. прим. 8.
- 22 Довольно часто авторы конца XVIII XIX в. видели в голубоглазых и светловолосых обитателях Крыма потомков готов восточногерманского племени, пришедшего из севера Европы в середине III в. н. э. (По рассказам античных писателей, германцы были рослыми, голубоглазыми и светловолосыми.) Однако этногенез крымских татар был более сложным.
 - ²³ См. прим. 6.
- ²⁴ По-видимому, это отставной генерал Голубов, в конце XIX в. купивший в Алуште двухэтажный дом, который стал называться дачей «Голубка» (сейчас в этом здании располагается Алуштинская центральная городская библиотека им. С. Н. Сергеева-Ценского).

Список использованных источников и литературы

- 1. Бай де Ж. Размышления француза в его втором отечестве // Русский архив. М., 1914. Кн. 3. C. 350–381.
- Bai de Zh. Razmyshleniya frantsuza v ego vtorom otechestve // Russkii arkhiv. M., 1914. Kn. 3. S. 350–381.
- 2. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь, 1920. № 57. С. 1–136.

Bert'e-Delagard A. L. Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ya v Tavride // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. – Simferopol', 1920. – № 57. – S. 1–136.

- 3. Букреева Е. М. Корреспондент Особого комитета Музея 1812 года барон де Бай (1853–1931): материалы к биографии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VIII / Труды Гос. исторического музея. М., 2009. Вып. 181. С. 241–257.
- Bukreeva E. M. Korrespondent Osobogo komiteta Muzeya 1812 goda baron de Bai (1853–1931): materialy k biografii // Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. VIII / Trudy Gos. Istoricheskogo muzeya. M., 2009. Vyp. 181. S. 241–257.
- 4. Букреева Е. М. «Русские струны французской души» барона де Бая // Золотая палитра: информ.-аналит, журнал. М., 2010. № 2. С. 58–59.
- Bukreeva E. M. «Russkie struny frantsuzskoi dushi» barona de Baya // Zolotaya palitra: inform.-analit. zhurnal. M., 2010. N 2. S. 58–59.

- 5. Букреева Е. М. Вклад французского учёного барона де Бая в изучение археологии, этнографии, истории и искусства России // Десятые Татищевские чтения: мат. всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 г.). Екатеринбург, 2013. С. 482–486.
- Bukreeva E. M. Vklad frantsuzskogo uchenogo barona de Baya v izuchenie arkheologii, etnografii, istorii i iskusstva Rossii // Desyatye Tatishchevskie chteniya: mat. vseros. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 20–21 noyabrya 2013 g.). Ekaterinburg, 2013. S. 482–486.
- 6. Букреева Е. М. Исследовательские поездки барона де Бая в Бородино // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: мат. междунар. науч. конф. (3–6 сентября 2014 г.). Бородино, 2015. С. 74–90.
- Bukreeva E. M. Issledovatel'skie poezdki barona de Baya v Borodino // Borodino i osvoboditel'nye pokhody russkoi armii 1813–1814 godov: mat. mezhdunar. nauch. konf. (3-6 sentyabrya 2014 g.). Borodino, 2015. C. 74–90.
- 7. Данилова О. С. Жозеф де Бай на Урале: новые материалы французских архивов // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 130-138.
- Danilova O. S. Zhozef de Bai na Urale: novye materialy frantsuzskikh arkhivov // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2016. № 3 (52). C. 130–138.
 - 8. Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. Симферополь, 2004. 240 с.
 - Koltukhov S. G., Yurochkin V. Yu. Ot Skifii k Gotii. Simferopol', 2004. 240 s.
- 9. Макарухина Н. М. Гурзуф первая жемчужина Южного берега Крыма. Симферополь, 2010. Кн. 1. – 296 с.
- Makarukhina N. M. Gurzuf pervaya zhemchuzhina Yuzhnogo berega Kryma. Simferopol', 2010. Kn. 1. 296 s.
 - 10. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Симферополь; Нижний Новгород, 2017. 579 с. Orekhov V. V. V labirinte krymskogo mifa. Simferopol'; N. Novgorod, 2017. 579 s.
- 11. Орехова Н. А. 160 лет со дня рождения барона Жозефа де Бая, известного французского археолога, дважды посетившего Красноярск с научной целью // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2013 год. Красноярск, 2012. С. 177–179.
- Orekhova N. A. 160 let so dnya rozhdeniya barona Zhozefa de Baya, izvestnogo frantsuzskogo arkheologa, dvazhdy posetivshego Krasnoyarsk s nauchnoi tsel'yu // Krai nash Krasnoyarskii: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat na 2013 god. Krasnoyarsk, 2012. S. 177–179.
- 12. Петрова Э. Б. «Дом, где жила мадам де Ла Мотт» и воспоминания баронессы М. А. Боде // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2015. Т. 1(67). № 3. С. 13–31.
- Petrova E. B. «Dom, gde zhila madam de La Mott» i vospominaniya baronessy M. A. Bode // Uchenye zapiski KFU im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». Simferopol', 2015. T. 1 (67). № 3. S. 13–31.
- 13. Прокопий Кесарийский. О постройках (II, 7, 11) / Пер. С. П. Кондратьева // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 203–283.
- Prokopii Kesariiskii. O postroikakh (II, 7, 11) / Per. S. P. Kondrat'eva // Vestnik drevnei istorii. 1939. № 4. S. 203–283.
- 14. Фадеева Т. М. «Я люблю Побережье, и мой долг сделать его цветущим!..»: Южный берег русской аристократии: из истории освоения крымского Южнобережья 1820–1830 гг. в неопубликованных письмах княгини А. С. Голицыной Александру I, М. С. Воронцову и другим лицам. М., 2016. 416 с.
- Fadeeva T. M. «Ya lyublyu Poberezh'e, i moi dolg sdelat' ego tsvetushchim!..». Yuzhnyi bereg russkoi aristokratii: iz istorii osvoeniya krymskogo Yuzhnoberezh'ya 1820–1830 gg. v neopublikovannykh pis'makh knyagini A. S. Golitsynoi Aleksandru I, M. S. Vorontsovu i drugim litsam. M., 2016. 416 s.
 - 15. Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. Симферополь, 2017. 496 с.
 - Yurochkin V. Yu. Gotskii vopros. Simferopol', 2017. 496 s.
 - 16. Baye de Joseph. En Crimee. Paris: Librairie Nilsson, 1906. 55 p.
- 17. Baye de J. Les tombeaux Goths en Crimée // Memoires de la Sosiété nationale des Antiquaires de France. Paris, 1908. Vol. 67. P. 74–114.

КРЫМ В ОПИСАНИИ И НА ФОТОГРАФИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ (1905 Г.). ЧАСТЬ 1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Petrova E. B. The Southern coast of the Crimea in the description and photos of the French traveler Joseph de Baye. 1905.

Among the writings of travelers in the Crimea of the early XX century the book «In the Crimea» is of historical and ethnographic interest, written by the French scientist (archaeologist, ethnographer, historian), traveller, collector, photographer Baron Joseph de Baye (1853–1931), who has done much to establish the relations of France with Russia. His book was published in Paris in 1906, but has never been translated into Russian and has still not introduced into scientific parlance. His journey in the Crimea took place in August-October of 1905. He visited Simferopol, Bakhchisaray district, Evpatoria, Theodosia, Stary Krym, Sudak, Novy Svet, Inkerman, Balaklava, Sevastopol and the ruins of the ancient Chersonesos. On the Southern coast — Yalta, Alupka, Nikita, Gurzuf, Alushta. De Baye had a professional curiosity about the Crimean peninsula, especially about the appearance, the manners and the life inhabiting a of the Crimean peoples. Long before his travels he was interested in the so-called Gothic problem. He was a witness of archaeological excavations of a burial ground of VI–X centuries in the tract Suuksu. The book and pictures of Joseph de Baye complement our knowledge about the Crimea of the early XX century, the appearance and the life of its peoples, monuments of history and culture.

Keywords: travelers in the Crimea in the beginning of XX century, Baron Joseph de Baye, archaeology and ethnography of the Crimea.

УДК [394:327.39:392.35]

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОБРАТИМСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЯЛТЫ С ФРАНЦУЗСКИМ КУРОРТОМ НИЦЦЕЙ В 1959–1969 ГОДАХ

Солнце Е. О.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского), г. Ялта, Российская Федерация E-mail: kathisoIntse@gmail.com

На основе архивных данных представлена эволюция отношений между Ялтой и Ниццей с учетом международных особенностей и внутренних процессов в советском обществе. Данная тема в истории Крыма не была комплексно и детально исследована, что придает ей актуальность в современных условиях повышенного интереса к Крыму и его международным контактам. В результате исследования автор приходит к выводу, что опыт побратимства сыграл важную роль в становлении публичной (общественной) дипломатии в Ялте и в Крыму в целом, а также способствовал духовному и культурному обогащению двух городов. Для отдельного ряда советских граждан открылись дополнительные возможности заграничных коммуникаций в неблагоприятных условиях «холодной войны» и «железного занавеса», существовавшего в связи с ней. В настоящее время активизация побратимских отношений возможна и необходима для всестороннего развития Ялты.

Ключевые слова: города-побратимы, Ялта, Ницца, общественная дипломатия, делегации, культурный обмен, программа пребывания.

«Радостно, что в Ялте те же краски, то же небо и такое же синее море, как у нас на родине...» Впечатления мэра Ниццы Жана Мэдсена о Ялте. 1962 г. (ГАРК, ф. Р-1030, оп. 6, д. 442)

История побратимских отношений Ялты и Ниццы началась ещё на рубеже 50—60-х гг. прошлого столетия. Но именно сегодня из-за глобальных политических вызовов, как и в годы «холодной войны», их партнерство приобретает особую актуальность. Хронологические рамки данного исследования 1959—1969 гг. мы определяем, как первый этап развития побратимских отношений Ялты и Ниццы. В 1959 году в Ялту было направлено письмо от Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР с предложением от мэра г. Ниццы установить побратимские связи. Предложение было принято, после чего началась многолетняя история дружественных отношений Ялты с ее самым известным городом-побратимом — Ниццей. Администрации и общественность двух городов с воодушевлением восприняли новую форму культурных связей. В 1960-е гг. осуществлялись постоянная переписка, обмен выставками и литературой, прием туристических групп и обмены делегациями. Этот этап дружественных отношений двух городов условно можно завершить 1969

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОБРАТИМСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЯЛТЫ С ФРАНЦУЗСКИМ КУРОРТОМ НИЦЦЕЙ В 1959—1969 ГОДАХ

годом, когда наступило временное «охлаждение» в отношениях муниципалитетов в связи с внешнеполитическими событиями. Летом 1968 года в Чехословакии началась т.н. «пражская весна», в результате которой на территорию страны были введены войска СССР. Данная политика Советского правительства не находила поддержки среди стран Западной Европы, в том числе и во Франции. С учетом сложившейся напряженной внешнеполитической обстановки мэрии городов Ялты и Ниццы отменили запланированные двусторонние обмены делегациями, а в отношениях наступила временная пауза.

В 1960-х гг. более чем 80 советских городов имели побратимские связи, среди них была и Ялта. Через культурные контакты побратимов Советский Союз пытался построить благоприятные отношения с капиталистическими странами и, используя их, оказывать более значимое влияние на международную политику. Поэтому, развитие отношений Ялты и Ниццы стало не только средством обогащения двух культур, но и одним из инструментов большой системы международных отношений СССР. В данной статье мы рассмотрим, как работал огромный механизм внешней политики с помощью института побратимства и опишем отношения двух курортов в хронологической последовательности с учетом изменений социально-политического контекста.

Отдельные вопросы развития побратимских отношений Ялты и Ниццы были затронуты в статье Алексея Попова «Ялта как курортная столица и международный туристский центр в период развитого социализма», который характеризует эти отношения как «воображаемое сотрудничество» [5]. Автор делает вывод о том, что въездной туризм преобладал над выездным в Советском Союзе и в том числе в Ялте. Несмотря на деятельность по линии городов-побратимов, выехать за границу могли лишь городские и партийные руководители. А. Д. Попов обращает внимание, что в отчетах советской стороны о поездках во французский город-побратим неизменно констатировался факт превосходства Ялты над Ниццей [5]. Феномену путешествий советских граждан за границу в период «холодной войны», в том числе по линии международного движения породненных городов, посвящена монография того же автора «Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм в 1955–1991 годах» [4].

Перечень породненных с Ялтой городов на 2015 год и краткая история становления побратимства приводятся в статье «Ялта открыта навстречу миру», опубликованной на страницах краеведческого альманаха «Старая Ялта». Здесь Ницца называется первым побратимом Ялты, хотя этот факт не подтверждается имеющимися в нашем распоряжении источниками. Кроме того, автор подчеркивает, что особо активным культурный обмен был с такими городами, как Маргейт, Баден-Баден, Санта-Барбара, Поццуоли, Риека [1]. На самом деле первым побратимом Ялты был финский Пиетарсаари, подписание договора о породнении с которым и первый взаимный обмен делегациями произошел ещё в 1958 г. [11, л. 3].

Истории побратимских отношений советских и зарубежных городов в период «оттепели» и «застоя» посвящен ряд современных работ отечественных исследователей. Речь идет о Великом Новгороде, Волгограде, Ярославле, городах Восточной Сибири. Новгородский исследователь Н. С. Савельев рассматривает

отражение побратимских связей Великого Новгорода на страницах таких местных газет, как «Новгородская правда» и «Новгородский комсомолец» [6]. Историк О. С. Чижикова на основе анализа архивных источников и материалов периодических изданий раскрывает цели и задачи, а также основные этапы сотрудничества по линии побратимства городов Приангарья (Иркустк, Братск, Шелехов, Железногорск-Илимский). Автор приходит к выводу, что благодаря колоссальному труду по развитию дружественных отношений породненных городов в 1960-е - 1980-е гг. происходило живое общение, культурное обогащение и сотрудничество между народами, укреплялись экономические связи, появлялась возможность знакомства с жизнью, бытом и традициями разных стран [7]. Роль молодежи Волгограда в развитии народной дипломатии и движении породненных городов в послевоенный период раскрывается в трудах Е. Ю. Болотовой и Е. А. Ковалевой. Авторы приводят примеры разных форм сотрудничества образовательного туризма, культурно-творческого, социального, спортивного и научного взаимодействия [2]. Сотрудник Государственного архива Ярославской области О. Н. Шанина в своей публикации «Разрядка 1970-х на местах: массовые выезды за границу и связь с городами-побратимами» обращает внимание на то, что Ярославль в условиях «холодной войны» заключил свой первый договор о породнении с французским городом Пуатье из Западного блока лишь в 1970-м году, в период т.н. «разрядки международной напряженности». Основываясь на Договоре о побратимстве 1970 года, связи между г. Ярославлем и Пуатье развивались, крепли и продолжаются до сих пор. Не малую роль в этом играют муниципалитет Ярославля и его жители [8].

Основными источниками по написанию данного исследования стали: несколько десятков дел из фондов Р-1030 и Р-4260 Государственном архиве Республики Крым в г. Симферополе (ГАРК). Чаще всего использовались такие дела, как «Переписка по вопросам дружбы и сотрудничества с породненным городом Ницца», «Планы, программы пребывания иностранных делегаций в Ялте», «Переписка с Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами ПО вопросам международных связей» Дополнительным рядом источников стали номера «Курортной газеты» за 1959 – 1969 гг., хранящиеся в Управлении по архивным делам администрации города Ялты Республики Крым. В газете встречаются заметки о визитах иностранных гостей в Ялту, отчеты о поездках за границу членов Ялтинского горисполкома, новости о международных выставках [20-26].

В фондах МКУК «Ялтинский историко-литературный музей» находится значительное количество музейных предметов — свидетелей культурного обмена. Это копии и оригиналы протоколов породнения Ялты с Ниццей, Маргейтом, планы сотрудничества с Риекой, а также подарки, врученные от побратимов [27]. Среди них «Книга отзывов», подаренная жителями Ниццы к 150-летию Ялты в 1988 году с их отзывами на французском языке. В 2014—2016 гг. в Ялтинском музее городам-побратимам был посвящен раздел экспозиции «Ялта — берег дружбы» [28].

В настоящее время у Ялты несколько десятков городов-побратимов и, несмотря на санкции со стороны ряда иностранных государств, город продолжает

осуществлять международное муниципальное сотрудничество. Вхождение Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 году поставило под угрозу движение в области общественной дипломатии. Тем не менее, уже через два года в 2016 делегация из Ялты посетила французский город Ниццу и подписала «Меморандум о развитии дружественных связей и возобновлении побратимских отношений». В июне 2017 года состоялся ответный визит в Ялту французской делегации, в состав которой входили директор муниципального проекта города Ниццы «Ницца – город Всемирного исторического наследия ЮНЕСКО» Франсуа Лакэз и профессор кафедры русского языка и цивилизации Парижского университета Жан Радваный. [3]. Именно поэтому накопленный в период «холодной войны» богатый опыт побратимских отношений Ялты с зарубежными городами, представлявшими недружественные капиталистические страны, вновь становится актуальным. Первый этап сотрудничества Ялты с городами-побратимами пришелся на конец 1950-х – 1960-е гг., когда были подписаны договоры о породнении с финским Пиетарсаари (шведское название Якобстад), французской Ниццей и английским Маргейтом. Однако самыми активными были именно отношения Ялты и Ниццы – самого известного курорта Французской Ривьеры, который ещё с дореволюционного периода выступал своеобразным «конкурентом» крупнейшего курорта Южного берега Крыма.

Время пребывания у власти в СССР Н. С. Хрущева характеризовалось резкой активизацией международных контактов в сравнении со сталинским периодом. Поводом для актиизации советско-французских отношений стал сыграл первый визит Хрущева во Францию (23 марта – 3 апреля 1960 г.). В октябре 1959 года Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР направляет руководству Ялты письмо, в котором сообщалось о желании мэра г. Ниццы установить с ней побратимские отношения, и давалось распоряжение дать ему ответ. Посольство СССР во Франции поддержало предложение мэра Жак-Жана Мэдсена о проведении весной 1960 года официальных мероприятий по породнению Ялты с Ниццей [10, л. 9]. Но ввиду бюрократических сложностей советского партийного и политического устройства, поездка во Францию была дважды перенесена – с апреля на июнь, а затем с июня на ноябрь 1960 года [11, л. 53, 61].

В Государственном архиве Республики Крым имеется подробный план и отчет пребывания в Ницце с 23 по 30 ноября 1960 года ялтинской делегации в составе трех человек (председатель Горисполкома, директор винкомбината «Массандра» и начальник курортного управления ВЦСПС по Южному берегу Крыма) [11, л. 154—155]. Согласно этим документам участники муниципального обмена посетили объекты коммунального хозяйства, деловые и культурные центры. 26 ноября они подписали «Соглашение о породнении Ялты и Ниццы», что стало точкой отсчета истории сотрудничества курортов. Первый приезд ялтинцев в Ниццу был встречен во французском обществе с большим интересом, поскольку представлял совершенно новую форму контактов, да еще и с жителями социалистического государства. К тому же визит совпал с празднованием 100-летия присоединения

Ниццы к Франции. Поэтому администрация французской Ривьеры постаралась организовать для гостей яркую и интересную программу.

Так, кроме Ниццы советские делегаты посетили Альпы, Белль, Виллар-на-Вар, где продегустировали вилларские вина. 28 ноября отправились к итальянской границе в курортный город Ментон на Лазурном Берегу Средиземного моря и княжество Монако. 29 ноября побывали в парфюмерном городке Грасс, Сент-Поле и Каннах. После насыщенного недельного пребывания во Франции 30 ноября 1960 года делегация города Ялты вылетела из Парижа в Советский Союз [11, л. 155].

По приезду члены ялтинской делегации составили заметку В «Курортной газете» о пребывании в Нище, где отмечался радушный прием, достоинства и недостатки курорта. Что интересно, среди недостатков были последствия капитализма и тяжелая жизнь простых людей: «...Мы беседовали с рыбаками, посещали больницы и убеждались, что французским трудящимся живется нелегко. Рыбаки, например, за гроши сдают улов богатому рыботорговцу, который перепродает рыбу втридорога. Квартирная плата, плата за лечение высоки...» [20, л. 10]. Также в заметке описывается торжественный прием в мэрии Ниццы 25 ноября 1960 г. организованный в честь советских гостей. На этом мероприятии присутствовало около 200 человек, среди которых деловые люди Ниццы и мэры близлежащих городов. Мэры Ниццы и Ялты обменялись приветственными речами, а присутствующие гости то и дело задавали вопросы о Ялте и Советском Союзе. Господин Мэдсен поблагодарил директора винкомбината Л. Ф. Шайтуро за вино, привезенное с Южного Берега Крыма, и, в свою очередь, подарил гостям несколько сувенирных кукол [12, л. 163].

Как видим, французская сторона оказала в целом дружеский прием, но все же некоторые неприятные инциденты, обусловленные логикой идеологического противостояния эпохи «холодной войны», произошли. Так, в официальном отчете о поездке сообщалось: «Нашей делегации и, особенно, руководителю стали приносить контрреволюционную литературу. На первый день руководитель делегации заявил протест директору отеля, чтобы к нашей делегации всякая грязная литература не поступала, и что мы не будем принимать. Через день вновь поступила контрреволюционная литература, тогда был заявлен официальный протест, что инициатив синдикат имеет недружелюбное отношение к нашей делегации, вместе с тем, как представитель Великого Советского государства, и мы не можем потерпеть этого, если не прекратятся подобные явления, мы немедленно покинем отель, и что ни один гражданин Советского Союза не остановится в отелях Вашего инициатив синдиката. Руководитель этого синдиката капиталист Поль Ожье очень глубоко извинялся, и сожалел, что случилось подобное. Имея ввиду его извинения, мы считали инцидент исчерпанным. После этого контрреволюционная литература не приносилась» [12, л. 316].

Также делегаты отметили, что во время посещения православной церкви, служители пытались им вручить религиозную литературу, от которой они решительно отказались. В отчете обращается внимание на то, что людей на богослужении было предостаточно, большинство из которых – это оставшиеся в

живых белогвардейцы. Они подходили к гостям и говорили, что любят Советскую Россию и желают ей процветания [12, л. 169].

В результате заключения договора о сотрудничестве между Ялтой и Ниццей, в сентябре 1960 года в концертном зале гостиницы «Ореанда» состоялось учреждение Ялтинского отделения Общества дружбы «СССР-Франция», объединявшего учреждения города (коллективные члены) и граждан Ялты для улучшения международной культурной деятельности [21, л. 122]. Был избран так называемый «актив клуба» из руководителей предприятий, который возглавила на долгие годы кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник института им. Сеченова Стефания Яковлевна Троценко [13, л. 140]. По такому примеру были созданы общества «СССР — Великобритания» и «СССР — Финляндия». На общественных началах городские отделения обществ дружбы проводили встречи с иностранными туристами, концерты художественной самодеятельности, демонстрации научных и документальных фильмов, согласно идеологическим требованиям [14, л. 47].

Но самой действенной формой общений был конечно же непосредственный контакт. Французская сторона не заставила себя долго ждать и уже в сентябре 1961 года посетила Ялту. 26 сентября 1961 г. делегация Ниццы была встречена в аэропорту Симферополя и сопровождена в Ялту в лучшие номера гостиницы «Украина». На следующий день делегаты, в первую очередь, побывали на официальном приеме в Горисполкоме, после чего им были представлены наиболее популярные объекты показа: дом-музей А. П. Чехова, санаторий «Ливадия», Алупкинский музей и парк. В санатории «Курпаты» гости пообедали и пообщались с работниками и отдыхающими санатория. В тот же день (27 сентября) французы посетили и Никитский ботанический сад [15, л. 21].

Программа довольно насыщенная, как и в свое время у ялтинцев в Ницце. В последующие два дня гости побывали в пионерском лагере «Артек», винкомбинате «Массандра», школе № 6, совхозе «Ливадия», рыбокомбинате. В Ялте они находились всего четыре дня. Остальной период пребывания в СССР пришелся на посещение крупных городов, расположенных за пределами Крыма – Ленинграда, Киева и Москвы. 4 октября 1961 года делегация города Ниццы вылетела из СССР на родину [15, л. 22]. Мэр города Ниццы, член французской делегации Жан Мэдсен отметил в своем интервью для Курортной газеты: «Радостно, что в Ялте те же краски, то же небо и такое же синее море, как у нас на родине. Поэтому мы даже не переменой обстановки. Нас поразили большие работы благоустройству дороги Симферополь – Ялта, чудесные виноградные плантации, массивы свежевспаханных земель, которые советские люди отнимают у природы и ставят на службу человеку. Приятно, что в Ялте много зелени и цветов...» [20, л. 10].

На этом временно откладываются взаимные визиты вплоть до 1965 года по независящим от ялтинского муниципалитета причинам. Но, тем не менее, еще одно масштабное мероприятие по международному культурному обмену состоялось до следующей поездки в Ниццу. Речь идет о выставке «Чеховская неделя» в Ницце, состоявшейся в 1963 году и организованной местным отделением общества дружбы «Франция-СССР». Экспонаты для выставки были отправлены горисполкомом Ялты

и домом-музеем А. П. Чехова. Среди них книги писателей на русском языке и на языках народов СССР, фотоснимки постановок пьес Чехова, гербарии из Чеховского сада и др., набор пластинок с песнями советских композиторов, альбом-выставка «Города-курорты ЮБК» [13, л. 139]. Расходы по покупке книг и изготовлению фоторепродукций Чеховских материалов по решению ялтинского исполкома взял на себя дом-музей А. П. Чехова [12, л. 65]. Сохранились документы, свидетельствующие о затруднениях, возникших при прохождении через таможню в Киеве. Председателю горисполкома Ялты И. Королю пришлось писать ходатайство в Центральный Комитет Компартии Украины с просьбой воздействовать на таможню, так как задержка отправки экспонатов могла сорвать открытие выставки во Франции [12, с. 102].

Справка 1965 года о побратимских отношениях Ялты и Ниццы сообщает о том, что Ниццу ялтинцы посетили дважды — в 1960-м и 1965-м гг. В составе делегации, посетившей Ниццу во второй раз (с 21 апреля по 1 мая 1965 г.), входили: председатель городского Совета, заведующий городским коммунальным хозяйством и старший научный сотрудник института им. Сеченова. В отличии от прошлого визита с преобладанием культурного элемента, на этот раз состоялся ряд деловых встреч с представителями Ниццы и Марселя. Кроме того, прошла встреча с активом местного отделения общества дружбы «Франция — СССР», где председатель общества, коммунист Жан Анконтр предложил обмениваться артистами, художниками, учеными Ниццы и Ялты [14, л. 282].

В отчете о поездке 1965 г. уделяется большое внимание коммунальному хозяйству, так как планировалось не только культурное, но и экономическое сотрудничество. Отдельные пункты посвящены водоснабжению и канализации в Ницце, пляжному и зеленому хозяйству, гостиницам, торговле, улицам и тротуарам, детским учреждениям, медицинским обслуживанию. Автор отчета сравнивал французскую действительность с советской, высказывая свое мнение о преимуществах и недостатках увиденного. В отличие от прошлой поездки, в этот раз никто не предлагал делегатам из Ялты «провокационную» литературу. Также отмечалось, что для «более объективного знакомства с городом» делегации не хватало своего переводчика [14, л. 291].

В 1966 году по приглашению ялтинского муниципалитета в СССР прибывает делегация города Ниццы в составе четырех человек: мэра города Жака Мэдсена (сменившего на посту своего отца Жана Мэдсена), жены мэра, помощника мэра по туризму и председателя общества «Франция – СССР» департамента Приморские Альпы [14, л. 292].

Составленная и утвержденная исполкомом программа пребывания французской делегации в Ялте была сокращена ввиду желания гостей ознакомиться с Киевом и Ленинградом, как и в прошлый приезд в 1962 году. Согласно программе, были посещены санатории «Ливадия» и «Парус», пансионат «Донбасс», пионерский лагерь «Артек», Никитский ботанический сад, винкомбинат «Массандра», ялтинский рыбокомбинат, музей изобразительных искусств в Алупке. Ялтинским отделением общества «СССР — Франция» была проведена встреча с активистами города. При знакомстве с санаторием «Ливадия» делегаты отметили историческое

значение Ялтинской конференции Глав трех держав и интересовались, будет ли оборудован музей в зале, где проходили заседания. По их мнению, это было бы разумным решением, учитывая важность этого исторического события [14, л. 293].

В честь иностранных гостей ялтинский муниципалитет организовал прощальный прием, на котором мэры поблагодарили друг друга и высказали идеи о дальнейшем сотрудничестве. Жак Мэдсен подчеркнул, что народы Франции и СССР недостаточно знают друг друга, поэтому необходимо обмениваться не только делегациями на уровне городских властей, но и делегациями артистов, учителей, рабочих, ученых, что, собственно, предлагал Жан Анконтр в прошлый визит советской делегации в Ниццу в 1965 году. Также мэр Ниццы пригласил ялтинцев на XXIII Международную ярмарку в Ницце мэров породненных городов [14, л. 294].

С разрешения Совета Министров УССР делегация Ялты действительно приняла участие в XXIII Международной ярмарке в Ницце, проходившей с 6 по 13 марта 1967 года [13, л. 73]. В составе делегации насчитывалось четыре человека, среди которых председатель исполкома Иван Король. 12 городов-побратимов Ниццы представили на ярмарке свои достижения. Традиционно в ходе работы ярмарки заключались коммерческие сделки, но ялтинской делегации было нечего предложить для заключения таковых. По сравнению с другими городами выставка советского побратима была слишком скромной. Все города за месяц до открытия привезли на ярмарку свои экспонаты, а ялтинский павильон был оформлен руководством отделения общества «Франция - СССР» департамента Приморские Альпы теми экспонатами, которыми они располагали. Оформлением руководил председатель общества, коммунист Жан Анконтр. К этим экспонатам были добавлены фотовыставка с достижениями советского курорта за 50 лет, 2 фотоальбома о промышленности и строительстве в Ялте, набор вин производства винодельческих предприятий «Массандра» и «Магарач», набор сувениров Ялтинской сувенирной фабрики [16, л. 7].

Среди представленных на выставке импортных экспонатов внимание ялтинской делегации привлекло приспособление для изготовления бутербродов, что по всей видимости было связано с финансовой ограниченностью ресурсов и компактностью этого изделия. В отчете о поездке отмечалось: «Здесь заключались торговые сделки на телевизоры, холодильники, стиральные машины, кухонное оборудование, печи для шашлыков и птицы..., например, очень простое приспособление для приготовления бутербродов из хлеба, сыра и ветчины, которые в специальной бутерброднице поджариваются на газовой или спиртовой печи. Такие бутерброды изготавливают тут 5-7 минут, мы их пробовали, вкусовые качества отличные. Такую бутербродницу мы купили. Директор Ялтинского треста столовых и ресторанов товарищ Шпаковский высоко оценил этот способ приготовления бутербродов. В этом курортном сезоне собирается открыть [в Ялте – авт.] специальную бутербродную...» [16, л. 9].

В этом же 1967-м году Советский Союз отмечал знаменательную дату — 50-летие Октябрьской революции. По этому случаю осенью 1967-го года на торжества в Ялту были приглашены делегации трех ее городов-побратимов — Пиетарсаари, Ниццы и Маргейта. Помимо обмена делегациями происходил обмен выставками,

альбомами, литературой и велась переписка между муниципалитетами побратимов. В породненные города была направлена фотовыставка «Ялта за 50 лет Советской власти», различные значки, флажки, вымпелы, фотоальбомы «Ялта строится», небольшие выставки картин ялтинских художников. Во Франции руководители общества «Франция – СССР» департамента Приморские Альпы организовали показ двух фильмов о Советском Союзе [18, л. 2].

Со 2 по 9 ноября 1967 г. в Ялте находились делегации одновременно из двух породненных городов - Ниццы и Пиетарсаари, прибывшие на празднование 50летия Советского государства. В составе французской делегации находилось всего 2 человека – председатель общества «Франция – СССР» департамента Приморские Альпы Жан Анконтр (как и в 1966 г.) и член муниципалитета Ниццы Кув Эрве де Фонмишель. 2 ноября делегация была встречена в аэропорту Москвы и совершила небольшую экскурсию по столице. На следующий день французы были уже на приеме в ялтинском горисполкоме. В тот же день они ознакомились с «Артеком» и его новыми корпусами на побережье. Во время посещения дома-музея А. П. Чехова член делегации Эрве де Фон Мишель сказал, что пьесы А. П. Чехова пользуются большой популярностью во Франции и что в университете г. Ниццы намерены открыть кафедру А. П. Чехова [12, л. 20]. По его словам, уже в течение нескольких лет ассоциация «Франция - СССР» департамента Приморские Альпы и другие общественные организации обращались за помощью в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, но никакой помощи в этом деле советской стороной оказано не было [12, л. 6]. Следует отметить, что тема создания такой кафедры поднималась в переписке Жана Анкотра с посольством СССР во Франции ещё с 1963 г., однако не привела к положительным результатам по причине нежелания советской стороны субсидировать данную культурнообразовательную инициативу.

4 ноября 1967 г. гости ознакомились с организацией отдыха трудящихся в санаториях «Парус», «Украина» и «Ливадия». В Ливадийском дворце им был показан зал, где проходила Ялтинская конференция, и подробно рассказано о том, какие вопросы решались на этой конференции. Вечером делегация посетила театр, где состоялся концерт художественной самодеятельности [11, л. 20].

Во время посещения завода железобетонных конструкций 5 ноября — делегаты интересовались жизнью советских рабочих. Непосредственно общаясь с ними, они спросили об их заработной плате, условиях труда, отдыхе и профсоюзах. Затем французская делегация осмотрела новый авто-троллейбусный вокзал в Ялте, совершила поездку на водопад Учан-Су. Вечером в театре А. П. Чехова первый секретарь ялтинского горкома компартии А. А. Куценко выступил с докладом для гостей, в котором отметил, что за годы советской власти Ялта из курорта для кучки богачей превратилась во «Всесоюзную Здравницу» [11, л. 21].

Кульминацией визита французской делегации стало ее присутствие на демонстрации трудящихся 7 ноября. После демонстрации горисполком дал обед в честь 50-летия советской власти. На обеде выступили с речью руководители делегаций Ниццы и Пиетарсаари, рассказали о своих пожеланиях и получили

памятные подарки от председателя горисполкома И. А. Короля. Подобный прием был организован и в отделении общества «СССР – Франция» [11, л. 21].

9 ноября 1967 года французская делегация отправилась самолетом из Симферополя в Москву. 17 ноября Жак Мэдсен — мэр города Ниццы, поблагодарил Ялту за организованный прием и предложил обмен делегациями школьников летом 1968 года сроком на 21 день [11, л. 25]. Но в 1968 году не состоялось ни обмена школьниками, ни художественными коллективами, как ранее планировалось. В письме Жаку Мэдсену от 27 июля 1968 года И. А. Король пишет: «К сожалению, в этом году мы не можем принять фольклорную группу «Ла Сиамада Ниссарада». Не предоставляется возможным осуществить обмен группами школьников. Для этой цели мы намерены построить специальный лагерь для приема молодежи из породненных городов. Думаю, что в следующем году мы осуществим ряд мероприятий, способствующих укреплению дружбы между нашими городами...» [12 л. 23].

Причины срыва культурного обмена по всей видимости лежали в политической плоскости. 21 августа 1968 года на территорию Чехословакии были введены войска пяти стран-участниц Варшавского договора — СССР, ГДР, Болгарии, Венгрии и Польши, что привело к резкому усилению антисоветский настроений в западных странах, в том числе во Франции. В своем письме от 5 сентября 1968 года мэр Ниццы Жак Мэдсен прямо написал об этом председателю ялтинского горисполкома: «...Во время моего пребывания в Вашем прекрасном городе мы часто пользовались случаем выступить с речами, в которых мы говорили о справедливости, правде, свободе и мире. Эти принципы, на которых основывается счастье человека, сегодня попраны Вашим правительством, вооруженными силами Вашей страны, которые вторглись и оккупировали нацию, традиционно дружественную Франции, и, однако подчиненную закону коммунистического режима.

Я считаю своим долгом свободного гражданина довести до Вас, господин мэр, возмущение жителей Ниццы этими актами, которые современная история осудила с пылом негодования. Я бы не позволил себе обратиться к Вам с этими замечаниями, если бы события августа 1968 года были бы только вопросом внутренней политики СССР. Но ваша нация ставит на грань гибели мир во всем мире и существующие отношения между нашими двумя городами, и это, я считаю, меня обязывает просит Вас действовать, как это делаю лично я перед своим правительством.

Может быть, Вы вообще в достаточной степени не информированы о голгофе (страданиях) чешского народа, поэтому, господин мэр, требуйте, чтобы Вас снабжали правдивой информацией, и чтобы Вы знали, что интервенция войск стран Варшавского Договора устанавливает преступление против свободы...» [18, л. 62].

В своем ответном письме И. А. Король ответил с дипломатической вежливостью, но все же твердо оставаясь на официальной позиции советской стороны относительно событий в Чехословакии: «Приступив к работе после отпуска, я ознакомился с Вашим письмом от 5 сентября 1968 года, в котором Вы изложили свою точку зрения по поводу событий в Чехословакии. Зная Вас, как тонкого политика, меня это несколько удивило.

Во-первых, эти события касаются стран социалистического лагеря, объединенных известными обязательствами. И поэтому народ каждой из стран не может оставаться равнодушным к тому, что происходит в дружественном государстве. Во-вторых, наша страна, как и Ваша, испытала на себе все ужасы агрессии фашистской Германии и нам небезразлично, кто будут нашими соседями. Это, видимо, не должны забывать и патриоты Франции.

В-третьих, мне хочется напомнить некоторые беседы во время моего пребывания в Вашем замечательном городе. Я тогда предлагал выступить с протестом против грязной войны американского империализма против вьетнамского народа. Но это предложение не нашло поддержки...» [18, л. 60].

Эта полемика политической направленности происходила на фоне заметного «охлаждения» отношений между городами-побратимами. Запланированные на 1969 год обмен группами школьниками и поездка французского фольклорного ансамбля «Сиамада Ниссарада» не были реализованы. Впрочем, «заочные» отношения продолжались в форме переписки, обмена литературой (особенно литературой о В. И. Ленине). Председатель общества «Франция-СССР» департамента Приморские Альпы Жан Анконтр продолжал переписку с главой ялтинского горисполкома И. А. Королем, в которой затрагивались достаточно личные моменты. Например, в письме от 21 марта 1969 года Анконтр рассказывает об охватившем Францию экономическом кризисе и о связанных с этим личных трудностях, поскольку в 57 лет он остался без работы и переживал, что не сможет уже быть востребованным в своей «свободной» стране [19, л. 43].

Не состоялась в Ницце и запланированная выставка ялтинских художников. Вместо нее по просьбе мэра Жака Мэдсена для выставки «Ницца вчера, сегодня, завтра» был выслан макет герба Ялты, государственные флаги СССР и УССР, видовые фотографии Ялты и краеведческая литература [19, л. 8]. Ялтинское отделение общества дружбы «СССР — Франция» также провело несколько вечеров дружбы для французских туристов, посещавших город [19, л. 6].

Таким образом, к концу 1960-х гг. после десяти лет развития побратимские отношения между Ялтой и Ниццей оказались в состоянии стагнации. Наиболее действенной формой трансграничного культурного обмена между двумя городамикурортами на протяжении рассматриваемого периода, безусловно, являлся прямой обмен делегациями. При этом у большинства ялтинских активистов Общества «СССР – Франция» создавалась иллюзия возможности побывать во Франции. Но в реальности в состав советских делегаций включались лишь представители городской администрации, партийные функционеры и руководители предприятий, а не рядовые активисты, которым приходилось довольствоваться «заочными» формами обмена - вести переписку, проводить заочные шахматные турниры, способствовать сбору экспонатов для выставок. В период с 1959-го по 1969 гг. состоялось лишь 3 поездки ялтинских делегаций во Францию и столько же ответных визитов французской стороны. Обсуждавшийся обмен творческими коллективами и группами учащихся так и не был реализован на практике. Главным сдерживающим фактором, даже в условиях благоприятной внешнеполитической конъюнктуры, было отсутствие самостоятельности ялтинских городских властей в

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОБРАТИМСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЯЛТЫ С ФРАНЦУЗСКИМ КУРОРТОМ НИЦЦЕЙ В 1959—1969 ГОДАХ

решении подобных вопросов и необходимость их согласования с Министерством иностранных дел, Государственным комитетом по культурным связям с зарубежными странами и Правлением Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами в г. Москве.

Список использованных источников и литературы

- 1. Барановский А. М. Ялта открыта навстречу миру // Старая Ялта. 2015. № 3. С. 41–50. Вагапоvsky А. М. Yalta otkryta navstrechu miru // Staraya Yalta. 2015. № 3. S. 41–50.
- 2. Болотова Е. Ю., Ковалёва Е. А. Роль волгоградской молодежи в развитии народной дипломатии и движения породненных городов в 1960–1980-х годах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 203–209.

Bolotova E. YU., Kovaleva E. A. Rol' volgogradskoy molodezhi v razvitii narodnoy diplomatii I dvizheniya porodnennyh gorodov v 1960–1980-h godah // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. −2016. − № 2 (106). − S. 203–209.

3. Делегация из Ниццы приехала изучать Ялту [электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.3654.ru/news/1682374].

Delegatsiya iz Nitsy priehala izuchat' Yaltu [elektronnyy resurs]. – Rezhym dostupa: [https://www.3654.ru/news/1682374].

4. Орлов И. Б., Попов, А. Д. Сквозь «железный занавес»: Руссо туристо: советский выездной туризм в 1955-1991 годах. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, – 2016. – 351 с.

Orlov I. B., Popov A. D. Skvoz' «zheleznyy zanaves»: Russo turisto: sovetskyy vyezdnoy turizm v 1955–1991 godah. – M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, – 2016. – 351 s.

5. Попов А. Д. Ялта как курортная столица и международный туристский центр в период развитого социализма // Проблемы российской истории. – М.; Магнитогорск, 2015. – № 13. – С. 293–304.

Popov A. D. Yalta kak kurortnaya stolitsa i mezhdunarodnyi turistskiy v period razvitogo sotzializma // Problemy rossiyskoy istorii. – M.; Magnitogorsk, 2015. – № 13. – S. 293–304

6. Савельев Н. С. Города-побратимы Новгорода в периодической печати Новгородской области середины 1960-х – начала 1970-х годов // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 83. Ч.2. – С. 42–46.

Savel'ev N. S. Goroda-pobratimy Novgoroda v periodicheskoy pechati Novgorodskoy oblasti serediny 1960-h – nachala 1970-h godov // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 83. Ch.2. – S. 42–46.

7. Чижикова О. В. История развития побратимских связей городов Приангарья и Японии в 1960—1980-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 1. С. 28–34.

Chizhikova O. V. Istoriya razvitiya pobratimskih svyazey gorodov Priangarya I Yaponii v 1960–1980-e gody // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) phederal'nogo universiteta. Seriya: «Gumanitarnye I sotsialnyye nauki». – 2015. – N 1. S. 28–34.

8. Шанина О. Н. Разрядка 1970-х на местах: массовые выезды за границу и связь с городамипобратимами [электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.yararchive.ru/publications/archives/2/].

Shanina O. N. Razryadka 1970-h na mestah: massovyye vyyezdy za granitsu I svyaz' s gorodami-pobratimami [elektronnyy resurs] – Rezhym dostupa: [http://www.yararchive.ru/publications/archives/2/].

9. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-1030, оп. 6, д. 534.

Gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Krym (GARK), f. R-1030, op. 6, d. 534

10. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 188.

Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 188.

11. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 143.

Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 143.

12. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 316.

Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 316.

13. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 403.

Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 403.

14. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 353.

Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 353.

```
15. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 189.
     Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 189.
      16. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 442.
     Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 442.
     17. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 491.
     Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 491.
      18. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 534.
     Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 534.
     19. Там же, ф. Р-1030, оп. 6, д. 582.
     Tam zhe, f. R-1030, op. 6, d. 582.
     20. Управление по архивным делам администрации города Ялты Республики Крым, ф. 339, оп. 1,
д. 71
     Upravlenie po arhivnym delam administratsii goroda Yalty Respubliki Krym, f. 339, op. 1, d. 71.
     21. Там же, ф. 339, оп. 1, д. 62
     Tam zhe, f. 339, op. 1, d. 62.
     22. Там же, ф. 339, оп. 1, д. 65.
     Tam zhe, f. 339, op. 1, d. 65.
     23. Там же, ф. 339, оп. 1, д. 68.
      Tam zhe, f. 339, op. 1, d. 68.
      24. Там же, ф. 339, оп. 1, д. 70.
     Tam zhe, f. 339, op. 1, d. 70.
     25. Там же, ф. 339, оп. 1, д. 71.
     Tam zhe, f. 339, op. 1, d. 71.
     26. Там же, ф. 339, оп. 1, д. 104.
     Tam zhe, f. 339, op. 1, d. 104.
     27. Фонды Ялтинского историко-литературного музея (ЯИЛМ). Копия с В/Х 1787.
     Fondy Yaltinskogo istoriko-literaturnogo museya (YAILM). Kopiya s V/H 1787.
     28. Там же, Кп 21923-3914.
     Tam zhe, Kp 21923-3914.
```

Solntse E. O. History of twin-towns's relations of Yalta and French resort Nice in 1959–1969.

In the article the author characterized history of twin-towns's relations All-Union health resort of Yalta with French town of Nice in 1959–1969. This topic was not studied in detail and complex in the context of the history of Crimea. That's why it is very actually at the modern conditions increased attention to the Crimea and it is international relations. On the basic archive's documents is being studied the evolution of development of relations between Yalta and Nice, the impact on them of international events and the course of time. During the time of 1959–1969 the exchanges of delegations and exhibitions were held on a number of occasions, friendship societies were opened, and correspondence was maintained. Periodically, relations are cooling down due to the international tensions, but they did not stop. Residents of Yalta were able to see how live the French, which have attractions and national values. They plunged into another culture and brought her a piece with herself. In turn, the French were hospitably received in Yalta and familiarized with the culture of the Soviet citizen. Based on the research, conclusions are drawn that twinning played an important role in the development of public diplomacy in Yalta and Crimea, contributed to the spiritual and cultural development of the two cities, opened borders for Soviet citizens to the Western world, in which it was difficult to get in the conditions of «Iron Curtain».

Keywords: cultural twinning, twin-towns, international relations, Yalta, Nice, public diplomacy, cultural change, delegations.

УДК 94:330(497.12)"1945/1952"

ЗАМЫКАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ В ЮГОСЛАВИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВЕНИИ)

Шахин Ю. В.

Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений» г. Севастополь, Российская Федерация E-mail: y-v-shahin@yandex.ru

С 1945 по 1952 гг. в Югославии существовала хозяйственная система советского типа. На примере Словении показано, как в этой системе происходило обособление республиканских рынков. Первоначально это было связано с административной борьбой против частных торговцев, нарушающих план распределения товаров. Затем, обострению дезинтеграционных процессов на рынке способствовал экономический кризис 1950–1952 гг. и засуха 1950 г. В своих крайних формах замыкание рынков приводило к образованию таможенных барьеров между республиками. Указанные тенденции проявлялись также на уровне срезов и предприятий, следовательно, замыкание рынков нужно объяснять системными причинами. В качестве такой причины предложено рассматривать ненадежность поставок товаров, вызванную тогдашним вариантом плановой экономики. Тенденции к замыканию рынков наиболее ярко проявились в Словении, при этом партийно-государственное руководство республики осознавало их просто как эгоистическую заботу о своем собственном потребителе.

Ключевые слова: Югославия, Словения, региональные рынки, экономическая интеграция, экономическая политика.

С момента образования федеративной Югославии в ней действовали как центростремительные, так и центробежные процессы. Они проявлялись как на уровне базиса, так и на уровне различных форм надстройки. Данная статья посвящена центробежным явлениям в экономике, а именно в области товарообмена. Будут рассмотрены тенденции к замыканию республиканских рынков на примере Словении, выбор которой обусловлен состоянием доступной автору источниковой базы. При этом хронологические рамки исследования определяются периодом, когда в Югославии существовал так называемый организованный рынок, т.е. проводилась политика ограничения свободной торговли в пользу планового распределения товаров. Эта политика начинается с 1945 г. и заканчивается в 1952 г. в связи с принципиальным отказом югославских лидеров от советской хозяйственной системы и началом собственных экономических поисков.

В условиях планово-административного распределения товарной массы практически сразу же после его введения начинается борьба различных хозяйственных и административных органов за контроль над товарами. Непосредственным толчком к ней послужила послевоенная разруха, создававшая объективный дефицит товаров. Однако тенденцию к замыканию республиканских рынков в данном случае вызывала не борьба за товары между республиками и отдельными звеньями госаппарата, а борьба между республиками и частными торговцами. Югославское государство пыталось вывести товары из частной

торговли и поставлять их потребителям через государственную распределительную сеть по государственным планам. Первые планы составлялись опытным путем, и кроме того на них постоянно влияли различные внеэкономические соображения. В результате возникал дисбаланс между плановым предложением и наличным спросом. На этой объективной основе развивалась деятельность частников, которые скупали государственные товары и везли туда, где на них есть спрос. Так в Словении после войны ощущалась нехватка продовольствия, зато в изобилии присутствовали промтовары, реализуемые по низким ценам. С лета 1945 г. туда начали приезжать частные торговцы: они привозили из других республик продтовары, на вырученные деньги закупали промышленные изделия и сбывали за пределами Словении. К 1947 г. эти сети перекупщиков приобрели сложившийся характер, они даже наладили прямое взаимодействие с предприятиями-производителями.

Поскольку этот стихийный товарообмен нарушал плановые балансы, с ним нужно было бороться. Однако власти Югославии пошли не по пути исправления планов, а по пути административных запретов. 1 сентября 1945 г. правительство Словении издало постановление о перевозке и вывозе товаров из республики. Заниматься межреспубликанской торговлей могли лишь те, кто получил специальное разрешение от местного или республиканского органа власти. Осенью 1946 г. встречные меры приняла Хорватия, ограничив вывоз из республики продовольствия, купленного на сельскохозяйственных ярмарках. Однако эти запреты хронически нарушались. В частности осенью 1945 г. нелицензированный вывоз промтоваров из Словении усилился [1, s. 116–118, 121].

Борясь с частными торговцами, республиканские правительства создавали нечто вроде таможенных границ, обрубали один из видов горизонтальных связей между различными регионами Югославии и тем самым усиливали экономическую обособленность республик друг от друга, тормозили интеграцию югославской экономики в единое целое и стихийно укрепляли почву республиканизма.

В последующие годы ситуация начала меняться к лучшему. В 1947 г. завершился восстановительный период, и началась первая пятилетка. Учет накопленных ошибок позволил усовершенствовать планы, сельскохозяйственное и промышленное производство увеличилось, расширилась система государственной торговли. Все эти обстоятельства привели к известному смягчению дефицита. Торгово-заготовительные агенты, зарегистрированные в установленном порядке, беспрепятственно действовали на территории Словении. Существуют исследования деятельности сербских заготовительных организаций в Словении и Хорватии во второй половине 1940-х гг. Их работа в то время не вызывала каких-либо конфликтов ни в одной из этих республик [2].

Между тем, улучшение ситуации на внутреннем рынке Югославии оказалось кратковременным. Выполнение пятилетнего плана сопровождалось обострением товарных дисбалансов. Кроме того, экономическую ситуацию обострил начавшийся в 1948 г. советско-югославский конфликт. На внутреннем рынке Югославии вновь обостряется дефицит, и появились признаки скорого экономического кризиса. Чтобы смягчить удар по потребителю в это время массово создаются заводские

ЗАМЫКАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ В ЮГОСЛАВИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВЕНИИ)

столовые, снабжаемые из заводских экономий — появляются аналоги советских орсов 1930-х гг. Поскольку ситуация повсеместно ухудшалась и усиливался дефицит, у счастливых обладателей ценных товаров возрастало стремление не делиться с другими. Причем этот эгоизм распространялся не только среди бюрократического аппарата, но и на бытовом уровне. Историк Душан Биланджич вспоминает, как именно в это время надумал что-то купить в словенском магазине: «Этот автор в 1949 г. столкнулся со словами продавщицы: «Для вас товара нет — езжайте в свою Сербию»» [3, s. 323]. Как говорили чешские националисты в XIX веке, свой к своему по свое. Таким образом, общественное мнение стихийно настраивалось на закрытие региональных рынков.

В начале 1950 г. экономическая ситуация в Югославии вышла на качественно новый уровень: начался экономический кризис, продлившийся до 1952 г. Кризис резко усилил тенденцию к распаду внутреннего экономического пространства и образованию замкнутых республиканских рынков. Особенный импульс этим процессам дало стихийное бедствие. Летом 1950 г. Югославию поразила тяжелейшая засуха. К августу стало понятно, что складывается катастрофическая ситуация – урожай оказался почти в два раза ниже обычного. Правительство Югославии снизило планы хлебозаготовок и настаивало, чтобы поставщики в первую очередь выполняли минимально возможные обязательства перед заказчиками из других республик. Но поскольку ситуация была очень тяжелой, в республике Словения склонялись к тому, что нужно удержать побольше дефицитных товаров в своем распоряжении. Наконец ситуацию усугубили попытки словенских хозяйственных чиновников экспериментировать с ценами, устанавливая их на ином уровне, чем в других республиках. Им на руку играла политика децентрализации, начатая осенью 1949 г. Она заключалась в передаче экономических функций от федерации республикам, союзные власти в частности позволили им более свободно определять цены.

14-15 августа 1950 г. на Хозяйственном Совете в Белграде подверглись критике союзные республики за их эгоистичное поведение. На заседании 14 августа было отмечено: «Существует тенденция, что [республики] сперва удовлетворяют свои потребности и только потом поставляют остальным н[ародным] p[еспубликам]» [4, s. 560]. 15 августа председатель Хозяйственного Совета Борис Кидрич посвятил нравоучению республик в области поставок продовольствия: «И пассивные и активные республики обязаны выполнять прежде всего свои обязательства перед другими республиками и только тогда могут браться за удовлетворение своих потребностей» [4, s. 562]. «Совет по товарообращению как коллектив должен просматривать всю проблематику, имея в виду целое, и всякая борьба за то, чтобы извлечь нечто от другой республики, вредна и не нужна. Решения нужно принимать сообща, принимая во внимание трудности каждой отдельной республики». Затем Кидрич предложил, чтобы председатели советов по товарообращению народных республик еще раз встретились с председателем одноименного союзного совета Османом Карабеговичем и «сообща рассмотрели ситуацию, но с точки зрения целого, а не отдельных республик, и приняли конкретные предложения для улучшения ситуации» [4, s. 563].

Слова Кидрича сами по себе ярко характеризуют новое положение, сложившееся в результате добровольной уступки союзным центром своих полномочий в пользу республик. Теперь Белград не стремился им ничего приказывать с точки зрения целого. Напротив, республики должны были сами сообща стать на эту точку зрения при его посредничестве. В дальнейшем именно этот принцип и привел к внутреннему разложению югославской федерации.

Заседание союзного совета по товарообращению состоялось во второй половине августа 1950 г. (более точными сведениями мы о нем не располагаем). На заседании председателям республиканских советов было дано указание следить за поставками товаров в другие республики, потому что республики стремятся покрыть прежде всего свои потребности. Если верить председателю словенского совета по товарообращению Виктору Авбелю, Словения по данным союзного совета наиболее равномерно исполняла свои обязательства перед другими республиками. Однако выяснилось, что руководители Словении в некоторых вопросах не прочь сделать усиленный акцент на республиканских приоритетах.

Начало утверждения республиканской монополии на внутреннем рынке Словении относится именно к августу 1950 г. 30 августа Авбель известил Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении о положении в торговле. Там, чтобы сдержать рост цен, словенское руководство объединило республиканские закупочные организации в единый картель. Но на словенском рынке продолжали действовать закупщики из других республик, и они могли поднимать закупочные цены, поскольку постановления словенских хозяйственных органов на них не распространялись. Чтобы лишить закупшиков этой возможности предусмотрительные власти республики переговорили с союзным советом по товарообращению и другими республиками и договорились этих закупщиков «дисциплинировать» [5, s. 222]. Самыми недисциплинированными были признаны закупщики из соседней Хорватии. На том же заседании совета по товарообращению выяснилось, что Словения пытается задержать на республиканском рынке как можно больше товаров местной промышленности II. В то время местная промышленность делилась на две группы, а по своей направленности призвана была удовлетворять бытовые потребности населения. Авбель так объяснил позицию республиканского правительства в отношении закупщиков изделий, изготовленных местной промышленностью республики: «Наша позиция, что мы не ограничиваем простой закупки продукции местной промышленности II, и что из-за ситуации в нашем снабжении даем торговле возможность захватить этой продукции больше. чем когда-либо прежде». Политбюро полностью поддержало все предложения докладчика и поручило ему отстаивать их перед союзным советом по товарообращению [5, s. 223].

На том же заседании, в рамках взятого курса на удержание товаров в республике, Авбель предложил выступить против поставок промтоваров в Воеводину. В Белграде разработали хитроумную схему участия торговых организаций из других республик в хлебозаготовках на территории этого сербского автономного края. Она была призвана гарантировать поступление промтоваров в Воеводину в обмен на проданное зерно. Авбелю не нравилось, что в этой схеме не

ЗАМЫКАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ В ЮГОСЛАВИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВЕНИИ)

предусмотрено место для республик: заготовки могли вести только представители срезов. Политбюро усмотрело еще одну проблему: предложенная схема хлебозаготовок не позволяла сохранить в Словении необходимые промтовары, а пустую денежную массу перебросить в Воеводину, предоставив Сербии решать, как ее обеспечить товарным покрытием [5, s. 223]. Таким образом, в вопросах заготовки продовольствия и обеспечения жителей промышленными товарами республиканский приоритет был поставлен на первое место, несмотря на все призывы Кидрича.

Реализация взятого курса продолжилась осенью, особенно в вопросах продтоваров, 25 сентября Хозяйственный Совет Югославии рассматривал, как республики тянут одеяло на себя в условиях дефицита. Прозвучали жалобы, что Хорватия не поставляет в Словению сахар, а Словения задерживает поставки картофеля в другие республики и стремится поставить его как можно меньше, хотя по мнению Кидрича в связи с катастрофическим неурожаем зерновых должна стремиться оказать максимальную помощь другим республикам. Кидрич опять начал вразумлять республиканских эгоистов: «Вопрос братства и единства сейчас отражается не в различных фразах, а в конкретных хозяйственных мерах - в экономической помощи одной республики другой» [4, s. 594]. Но всего через две недели словенский представитель предпринял контратаку. Сергей Крайгер пожаловался, что между словенскими и хорватскими заготовителями происходит конкуренция при закупке картофеля. Словенские власти определили цены картофеля на уровне 10 динаров, но приезжают заготовители из других республик. особенно из Хорватии, и поднимают цену до 20 и 30 динаров. В результате Словения не выполняет план хлебозаготовок [4, s. 630]. Как видим, «дисциплинировать» хорватских заготовителей не удавалось почти полтора месяца. Словенские власти ревностно оберегали свой республиканский заготовительный картель и его монополию на рынке.

Политика защиты внутреннего рынка от внешних заготовителей продолжалась в Словении и дальше. Более того, руководство Словении только усилило курс на приоритетное снабжение потребителей своей республики. 20 ноября 1950 г. вопрос рассматривался на заседании республиканского Политбюро. Виктор Авбель пожаловался, что плохо идут обязательные хлебозаготовки (план по мясу выполнен на 81 %, по жирам на 51 %, по картофелю на 85 %), а с октября сократилось снабжение словенских потребителей текстилем и промтоварами вообще. На этой основе Авбель сделал явный центробежный вывод, предложив интенсификации хлебозаготовок пойти против союзных установок и поставить интересы своих потребителей на первое место: «Словения очень слабо обеспечена снабжением, слабее, чем все другие республики, и поэтому за последние полтора месяца [оставшиеся до конца года], следовало бы дать приоритет поставкам для Словении. Причина этого слабого покрытия также в том, что республиканская промышленность форсировано поставляла для других республик (что было также решением Хозяйственного Совета), и Словения в настоящее время отстает» [5, s. 237]. В протоколах Политбюро не зафиксировано обсуждение или какие-либо формальные решения по предложению Авбеля, но соответствующие практические шаги были предприняты, о чем свидетельствуют другие источники.

Так в конце января 1951 г. состоялось заседание Политбюро с участием представителей ЦК Коммунистической партии Югославии, которые подвергли линию словенского ЦК резкой критике по ряду вопросов. Оправдываясь, член Политбюро Стане Кавчич раскрыл линию ЦК КП Словении до устроенного ему разноса: «Уровень жизни – мы не смотрели комплексно [на проблему]. Линия ЦК в том, чтобы больше себе самим помогать, а не давление на Белград» [5, s. 259]. В действительности курс на самопомощь имел своей оборотной стороной именно давление на Белград и другие республики. Например, проведенное Хозяйственным Советом Югославии обследование среза Камник в декабре 1950 г. показало, что власти Словении проявляли эгоизм в вопросах хлебозаготовок. В срезе имелись большие запасы скота, однако ему спускали малый план, и республика жаловалась союзу, что план там слишком напряженный. Похожая ситуация была с планом закупок картофеля - республика тоже преувеличивала его тяжесть для этого среза [4, s. 719]. Такое стремление «помогать себе самим» на деле означало помогать себе за счет других югославских потребителей и как следствие создавать давление на Белград. Например, отстояв низкие планы хлебозаготовок, руководство Словении тем самым вынуждало союзное правительство выкручивать руки другим республикам в тщетных попытках выполнить планы снабжения. Похоже, что словенские хозяйственные руководители просто не брали себе в голову, к каким последствиям приводит их политика в общеюгославском масштабе, и пропускали мимо ушей настойчивые призывы Кидрича «видеть совокупную югославскую проблематику».

Не успел отшуметь этот конфликт, как начался новый. В январе 1951 г. союзное правительство предприняло серьезный шаг в деле изменения системы товарообмена. Оно отменило гарантированное снабжение промтоварами и пустило их в свободную торговлю по значительно завышенным ценам. Эта мера также преследовала цель стабилизировать динар путем уменьшения денежной массы, лишенной товарного обеспечения. В первую очередь правительство стремилось уничтожить не покрытые товарами денежные запасы, оказавшиеся в руках крестьян. Кроме того, сократив денежные ресурсы горожан, оно рассчитывало сбить цены на городских рынках и предотвратить возвращение в деревню средств, изымаемых оттуда благодаря неэквивалентному обмену. Одним словом, это был важный шаг, но словенское правительство его не оценило и оказывало ему противодействие курсу на восстановление свободы торговли еще на этапе подготовки. Так в июле 1950 г. в ответ на решение центрального правительства передать промышленные склады в регулярную торговую сеть С. Крайгер предложил отсрочить эту меру и предоставить республикам право самим решать, когда это сделать. Хозяйственный Совет его предложение отверг [4, s. 425]. В конце 1950 г. Хозяйственный Совет провел выборочные обследования ряда срезов во всех республиках. В Словении объектом изучения стал уже упоминавшийся срез Камник. 15 декабря комиссия доложила Хозяйственному Совету, что там существует три вида цен на местную продукцию. Одни цены для среза, другие – для Словении, третьи – для остальных

ЗАМЫКАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ В ЮГОСЛАВИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВЕНИИ)

республик. При этом власти среза стремились, чтобы их товары не покидали территорию административной единицы. Комиссия отметила, что это вообще характерно для Словении и пришла к выводу, что это не местная самодеятельность, а республика своей политикой противостоит союзному курсу на восстановление свободной торговли: «Ряд мер направлен на то, чтобы затормозить свободный обмен, и эти меры практически регулярно поступают от республики» [4, s. 719].

Когда наконец была введена свободная торговля промтоварами, правительство Словении решило смягчить удар по карманам потребителей. Оно установило цены промтоваров на 200-300 динаров ниже, чем во всей остальной Югославии. В Словению естественно хлынули покупатели извне, словенские власти столкнулись с завышенным спросом на свои товары и невозможностью обеспечить их предложение. С целью поддержания желательных цен пришлось прибегнуть к административным мерам. 3 марта 1951 г. на заседании Хозяйственного Совета Кидрич рассказал, к чему это привело: «Вследствие такой [ценовой] политики доходит до таких явлений, что хорваты, у которых нормальные экономические цены, отправляются в Словению, чтобы покупать товары по более низким ценам, а там их из-за этого арестовывают, так что искусственным способом создается таможенная граница между республиками» [6, s. 25]. Это открытие не на шутку встревожило капитанов югославской экономики. 23 марта Карабегович, отвечавший за товарообращение, отметил: «Прежний способ определения цен привел к закрытости республиканских рынков, каковые барьеры нужно сломать, чтобы образовался единый югославский рынок с едиными ценами» [6, s. 28]. 24 апреля Хозяйственный Совет провозгласил, что «необходимо как можно острее выступить против искусственного создания таможенных границ между отдельными республиками и срезами», и определил ответственных за эту борьбу лиц [6, s. 132].

Проблему таможенной границы между Словенией и Хорватией пришлось решать именно путем борьбы. 3 марта 1951 г. Хозяйственный Совет в категорическом тоне указал: «Совету по товарообращению нужно немедленно оказать давление на НР Словению, чтобы она повышала цены промышленных товаров...» «Нужно требовать, чтобы Словения повысила цены промышленных товаров так, чтобы там был тот же уровень цен, что и в других народных республиках», - повторил Кидрич [6, s. 24]. Однако первая попытка давления окончилась ничем. Прошел ровно месяц, ничего не изменилось, и 3 апреля Хозяйственный Совет опять вернулся к этой проблеме. Оказалось, что словенский пример заразителен и уже успел вдохновить Македонию. На заседание вызвали ряд республиканских представителей, среди которых был и Кавчич. Совет в повелительной форме предписал ему: «Товарищ Кавчич сразу же настоит на повышении цен промышленных товаров в НР Словении, так чтобы эти цены были на том же уровне, как и в других н[ародных] р[еспубликах]» [6, s. 83]. Повидимому, это предписание возымело действие, так как Хозяйственный Совет более к этой проблеме не возвращался.

Тем временем подошла осень 1951 г., созрела картошка, и словенские хозяйственные руководители опять выдвинули особые претензии, нацеленные на монополизацию республиканского рынка и возрождение таможенных границ.

Словенские представители потребовали в Белграде обеспечить республике приоритет при закупке картофеля на своем рынке и оградить его от конкурентов. Эти намерения они мотивировали борьбой против высоких цен на крестьянских рынках. В этот раз Хозяйственный совет поддержал словенское предложение. поставив борьбу за снижение цен даже выше поставок для армии, которая всегда имела приоритет в снабжении: «В отношении картофеля НР Словении нужно организовать сперва свой рынок и удовлетворить свои потребности и лишь тогда поставлять Армии и другим н[ародным] р[еспубликам]. Таким путем крестьянин будет вынужден снизить цены. Следует позаботиться, чтобы сейчас закупщики из других н[ародных] р[еспублик] не ехали в Словению за картофелем» [6, s. 313]. Все громогласные заявления о разрушении межреспубликанских таможенных границ были в одночасье позабыты. Каким способом члены словенского правительства сумели добиться такого эффекта, у нас сведений нет. Впрочем, эта мера имела временный характер. В ходе нового раунда реформ в ноябре 1951 – январе 1952 г. было отменено гарантированное снабжение продтоварами, и они были пущены в свободную продажу, а летом 1952 г. правительство окончательно отказалось от принудительных хлебозаготовок. Стимулы к монополизации местных рынков у республик ослабели.

Однако и переходных условиях начала 1952 г. у Словении случались специфические отклонения в торговле. В январе в ходе обсуждения плана на 1952 г. звучали жалобы, что Словения продает в Хорватию электричество по более высоким ценам, чем для ряда своих предприятий [6, s. 379]. В апреле представители Словении опять потребовали от Хозяйственного Совета снижения цен на республиканском рынке, на этот раз для изделий пищевой промышленности. Они мотивировали свое желание тем, что не могут продать всю произведенную продукцию, особенно их беспокоили цены на пиво. В ходе изучения вопроса выяснилось, что словенские представители правы: в республике переизбыток этого напитка. Но по какой-то необъяснимой причине словенские производители не хотели поставлять его в другие республики, хотя в Словении и Боснии пива не хватало. В Хозяйственном Совете сперва подумали, что дело в транспортных тарифах, но очень быстро разобрались, что они здесь ни при чем [6, s. 474, 492]. Опять-таки словенские хозяйственные руководители подходили к вопросу не с общеюгославской точки зрения, а с узкой республиканской, почему и поставили альтернативу – либо снижать цену, либо сворачивать производство.

Таким образом, на примере Словении мы видим явные тенденции к замыканию региональных рынков, доходящие до установления таможенных границ между республиками. Они могут быть прослежены как на уровне республик, так и на уровне срезов. Обострение этих тенденций приходится на кризисные состояния тогдашней экономической системы. Впрочем, нам представляется, что для 1945-1952 гг. такие явления объясняются не так кризисами самими по себе, сколько более глубокими системными причинами. В самом деле, к самодостаточности и обеспечению себя и своих работников всем необходимым без внешнего обмена тогда стремились даже крупные предприятия, которые в силу величины могли себе это позволить. В качестве примера в тексте уже приводились югославские аналоги

ЗАМЫКАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ В ЮГОСЛАВИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВЕНИИ)

орсов. Главная причина такого поведения – исключительная трудность и ненадежность обмена в хозяйственных системах советского типа. Потребителю никто не мог дать полную гарантию, что нужные ему товары будут поставлены в полном объеме и в требуемый срок. При тогдашних технических возможностях централизованное планирование товарообмена оборачивалось Соответственно любому хозяйственному субъекту было выгодно как можно меньше участвовать в таком обмене, производя всю нужную продукцию у себя. Выгоды такого поведения закономерно повышались в периоды экономических кризисов. Отсюда и тенденции к замыканию рынков на самых разных уровнях, которые усиливаются, если экономическую систему начинает лихорадить. Судя по имеющимся данным о поведении высшего словенского руководства за 1945–1952 гг., на политическом уровне эта тенденция осознавалась лишь как эгоистическая забота о собственных потребителях, а не как сознательное противопоставление национальных интересов общеюгославским.

Между тем, в случае Югославии могут быть выдвинуты и какие-то дополнительные объяснения, так как тенденции к замыканию республиканских рынков остались даже после отказа от хозяйственной системы советского типа и перехода к менее контролируемому товарообмену. Так, в 1957 г. Югославское электрохозяйственное объединение попыталось установить единые цены на электроэнергию, а для этого должно было разрабатывать единый план издержек и распределения. Электрохозяйственное объединение Словении этому решительно воспротивилось [7, s.57]. В итоге, проблема не была решена. В марте 1962 г. Миялко Тодорович, в то время заместитель председателя комитета по экономической координации Союзного исполнительного веча, жаловался в докладе расширенном заседании Исполкома ЦК Союза коммунистов Югославии, что в Югославии годами не удается разобраться с организацией электроэнергетики, так как там вопрос упирается в «межреспубликанское переливание». В том же докладе он отметил, что в Сообществе югославских железных дорог идет похожая дискуссия о том, кто у кого сколько средств возьмет [8, s.54]. В 1970-е гг. стал сокращаться объем межреспубликанской торговли. В 1970 г. 59,6% югославского товарооборота происходило только внутри республик, а в 1976 г. уже 65,7%. Указанные тенденции уже нельзя объяснить за счет особенностей планирования в хозяйственных системах советского типа, и таким образом, требуются дальнейшие, более комплексные исследования вопроса о центробежных процессах в югославской экономике.

Список использованных источников и литературы

- 1. Prinčič J. Denarno-blagovni odnosi Slovenije z drugimi jugoslavanskimi republikami (1945–1950) // Prispevki za novejšo zgodovino. 2012. № 1. S.109–130.
- 2. Selinić S. Roba iz Hrvatske i Slovenije na tržištu Beograda (1945–1949) // Pisati istoriju Jugoslavije: viđenje srpskog faktora. Beograd, 2007. S.177–193.
 - 3. Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. 830 s.
- 4. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveta Vlade FNRJ: 1944–1953. Beograd, 1995. Knj.3. 783 s.
 - 5. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. Ljubljana, 2000. 386 s.

- 6. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveta Vlade FNRJ: 1944–1953. Beograd, 1995. Knj.4. 823 s.
- 7. Prinčič J. V začaranem krogu: slovensko gospodarstvo od nove ekonomske politike do velike reforme: 1955–1970. Ljubljana, 1999. 288 s.
- 8. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine. Beograd, 1998. 311 s.

Y. V. Shakhin. Enclosure of Regional markets in Yugoslavia (on the example of Slovenia)

The author examines manifestations of the disintegration process in the internal market of Yugoslavia from 1945 to 1952, when a Soviet-type economic system existed there. Slovenia is taken as an object of research because Slovenian sources represent sufficient data for study of the stated topic. Already in 1945, a customs border began to form between Slovenia and Croatia. Its appearance was connected with the struggle against uncontrolled private trade, which violated the distribution of goods established by the plan.

Any significant information about the administrative isolation of the Slovenian market from common Yugoslavian market was not revealed for subsequent years. However, already in the year of 1949 on the basis of growing economic difficulties public opinion had begun to tend for isolation from other republics buyers.

In 1950 an economic crisis broke out in Yugoslavia, and then there was a catastrophic crop failure caused with a drought. Under these conditions the leaders of the Yugoslav economy called on the republics for brotherhood and mutual support, however, since August 1950 the party and economic leadership of Slovenia had ignored these appeals. Contrary to the plan tasks it delayed the delivery of local industry products, satisfying first of all its customers, introduced a republican monopoly on the procuring of potatoes from peasants and gave priority to republican consumers in the supply of textiles and other manufactured goods.

Since 1950, the federal government had pursued a policy of restoring free trade. It faced to resistance in Slovenia. When early in the year of 1951 a free trade in manufactured goods was introduced, the Slovenian leadership set lower prices for them than the rest of the country, and administrative measures up to and including arrest were used to combat buyers from other republics. The federal government needed several times to exert pressure before Slovenian leaders abandoned their policies. This was the most significant case of closing the market from all established in the research. In the autumn of 1951 attempts to close the domestic market manifested in the procuring of potatoes, and in the spring of 1952 they manifested in the trade of food products.

The revealed facts can be explained by the difficulties of exchange in the economic system of the Soviet type. They encouraged all business agents to ensure self-sufficiency. As a result, Slovenian leaders cared about their consumers, demonstrating economic egoism at the political level. There was no ideological motivation in their behavior during the period under review.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, regional markets, economic integration, economic policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безугольный Алексей Юрьевич кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

Грушецкая Виктория Александровна кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

Задерейчук Алла Анатольевна кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея истории, доцент кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

Марциновский Павел Николаевич кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

Непомнящий Андрей Анатольевич доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения; директор Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

Мохов Антон Сергеевич доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация).

Солнце Екатерина Олеговна аспирант кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической

академии (филиал Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского) (Ялта, Российская Федерация).

Шаманаев Андрей Васильевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация).

Шахин Юрий Владимирович кандидат исторических наук, доцент Института экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений» (Севастополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Безугольный А. Ю.
Этнонациональный аспект истории Красной армии 1920–1940-х гг. в современной российской историографии3
Грушецкая В. А.
Традиционное женское халатообразное покрывало из д. Ай-Серез – ценный дополнительный компонент крымскотатарского костюма: по материалам собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника
Задерейчук А. А., Калиновский В. В.
«Учитель в самом лучшем смысле этого слова»: жизнь и судьба доцента Константина Ивановича Тодорского
Марциновский П. Н.
Производство и добыча строительных материалов в Крыму в последней четверти XIX – начале XX века57
Мохов А. С., Шаманаев А. В.
Становление византийской сфрагистики в России: первые открытия XIX в
Непомнящий А. А.
«Рапорт об Эски-Кермене» Н. И. Репникова академику С. Ф. Платонову: неизвестная рукопись
Петрова Э. Б.
Крым в описании и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 1. Южный берег Крыма84
Солнце Е. О.
История развития побратимских отношений Ялты с французским курортом Ниццей в 1959–1969 годах109

СОДЕРЖАНИЕ

Шахин Ю. В.	
Замыкание региональных рынков в Югославии	
(на примере Словении)	122
Сведения об авторах	132